

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

2. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2009 г. Регистр. свид-во ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхийев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

16.02.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

Леча АБДУЛАЕВ. *Нохчийчоь*. Стихаш.....2

Асет ХАЛИКОВА. *Абдулаев Лечин поэзехь халкъан мукъамаш*.....6

ПОЭЗИЯ

Башир ТИМУРЗИЕВ. *Злая мачеха-судьбина не сломила нас*. Стихи.....21

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. *Горькое эхо*. Стихи.....46

Льома МИСИРБИЕВ. *Бакъо яц*. Стихаш.....48

Башир ВИСИТАЕВ. *На войне как...* Стихи.....68

ПРОЗА

Муса БЕКСУЛТАНОВ. *Весы*. Рассказ. Перевод с чеч. Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ.....9

Алвади ШАЙХИЕВ. *Жребий*. Главы из романа.....23

Асламбек ДАУДОВ. *Шина лулахочун къамел*. Дийцар...52

Исраил ГОРСКИЙ. *Анатомия развода*. Повесть. *Продолжение. Начало в №1*.....57

ДЕБЮТ

Лейла КУСАЕВА. *Скорбный путь*. Стихи.....50

Іарби АЛЬТЕМИРОВ. *Велаш да реза!* Стихаш.....70

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Анастасия КУЗЬМИЧЕВА. *Круги по воде...* Стихи.....55

ИСТОРИЯ

Вахит АКАЕВ, Абдула БУГАЕВ, Магомед ДАДУЕВ. *Депортация чеченцев – абсурдность официальных причин и необходимость объективного изучения*.....72

ПАМЯТЬ

Кати ЧОКАЕВ. *Не дам в обиду, или Возвращение к теме участия чеченцев в ВОВ*.....80

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Халим БУРЧАЕВ. *Нахи в исламе*.....82

Саламбек АЛИЕВ. «Вайнах»–2012: читательское послесловие и послевкусие.....87

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Белый дом в цветущем саду*...93

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза МЕЖИЕВА. *Новые писатели*.....95

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Лидия МАХМУДОВА. *Без пустоты*.....95

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Юбилей

ХЮкху шеран 15-чу февралехь 60 шо кхаьчна Нохчийн Республикин халкъан поэтан, хьакъволчу журналистан Абдулаев Лечин.

Леча вина 1953 шарахь Казахийн ССР-хь, Кустанайн областехь йолчу Аман-Карагай цIе йолчу юьртахь, вайнах дIабохийначу хенахь. 1957-чу шарахь церан доьзал шайн дай баьхначу Котар-Юьрта цIабирзира.

Боккха чулацам болуш бу Абдулаев Лечин кьинхегаман а, кхоллараллин а некъ. 1975 шарахь Нохч-ГIалгIайн пачахьалкхан университетан филологин факультет чекхъяьккхинчул тIаьхьа, иза балха вахара ша кхиьначу Котар-Юьртарчу юккьерчу ишколе нохчийн моттий, литературий хьеха. Цул тIаьхьа цо белхаи бира ТIехьа-Мартанан, Грозненски районийн газетийн редакцияхь, «Стелалад» цIе йолчу берийн журналан редактор волуш а, кхечу даржаикахь а.

Амма шен кьинхьегаман а, кхоллараллин а алссам йолу хан Абдулаев Леча дIаелла нохчийн маттахь долчу «Даймохк» цIе йолчу республикин кьоман газетана.

Философин кIоргалле кхийдаи, вайн кьоман генарчу историн хиламех а, селхана-тахана хуьлуш долчух а ойланаи йо поэто синлазмаца, исбаьхьчу вастаица. Вайн кьоман фольклоран а, меттан а хазнех говза пайда а оьцу цо, шен кхолларалехь.

Абдулаев Лечин стихаиш тIехь яьхна иллей, эшариш кIезиг яц. Царна юккьехь кьаьсттина хIора нохчочун сих хьакхалуш ду «Нохчийчоь яла ца елла...» цIе йолу илли. Иза тIемийн херцорикара юхаденлучу республикин шолгIа гимн ю ала а мегар долуш ю.

«Хьалхара тугIе», «Орамаиший, тIемаиший», «Генех сан гIенаи», «Нохчийчоь, сан Нохчийчоь», «ХIолламаиший, кIарлагIаиший» – иштта цIераиш йолуш ю Абдулаев Лечин 1980–2010-шераикахь арайийлина поэзин, публицистикин, гочдарийн гулари.

«Вайнах» журналан коллективо даггара декъалво Абдулаев Леча винчу денца. Луур дара Леча могуш-маьриша дуккха а вехийла, керлачу байтаица вайна хазахетари дохуи. ХЮкху номерехь оха йовзуйту Абдулаев Лечин цхьаццайолу байтаиш а, гочдариш а, ткъа иштта цуьнан кхоллараллех лаьцна кьоначу яздархочо Халикова Асета язйина статья а.

Абдулаев Леча

Нохчийчоь

Цкъа мацах мацалло бакъийча кийра,
Бепиган юьхках сан ирсан васт ийра.
Висира хьогалла церган хи лекъна, –
Хин къурд – и хиллера
сан илли лекха.

Садоьлу хлуо эшна,
дахарх догдуьллуш,
Кхийтира, хлаваь – и дерриг а дуйла.

Иштта ду, Нохчийчоь,
хьуна тевар сан.
Вахара хьо йоццохь ирс лохур аьлла.
Амма ца кхетара бепигах чам сан,
Хи а ца тоьара, хьогалла яйъа,
Хлаваь а дацара, сан кийра лабо.
Цъа илли дара сан доллучух ала:
«Нохчийчоь ца тоьа суна!
Нохчийчоь, хьо оьшу суна!!
Нохчийчоь, хьо еза суна!!!»

Карийра и илли,
блаьрхишна хиъча,
хьо дуйла
сан бепиг,
сан хлаваь
хи а...

1980 ш.

Аьрзунан кхаж бу маршо,
Амма аьрзу дац и,
Тесна сийна лаьршаш,
Бохбан бен шен бацахь.

Хи тлехь нека хьекхарх,
Бакъ дац хлордан кема,
Шен дог, каралаьцна,
Дохдан берд шен бацахь.

Кху дуьнен тле ваьлларг
Лорург-м хир ву ваьхна,
Амма вехаш хила, –
Тоьий дийна хилар?!

Кху дуьненан кийрахь
Стагна вехаш хила,
Деган марахь къийла
Даймохк оьшу сийлахь.

Стагна Даймохк беза,
Цуьнан ши де лара:
Хилахь той я тезет,
Бала кхочург вала.

1984 ш.

1957 шо

Шалаж йистехь соцу машен.
Дуьхалдолу деса цла.
Схьатлехлутту малх а дашо.
Схьатлеглурту цхьалха цларз.

Тхаьш цла кхаьчна, моьтту суна.
Тлаьхо кхета, ойлайой:
Тхо схьакхаьчна тхаьшна лула.
Цла ца кхаьчна лулахой.

Дай цлахь боцу деса цлай,
Цлахь цла доцчу кхаьчна тхой,
Ворхле да цла веъча санна,
Хьавьза, вовшийн карадой.

– Цла кхочур бу, кхана лийна,
Охланаш хьан, деса цла.
Волалур ву кхана дуьйна
Цле-кхерч денбан дада сан, –

Иштта дегнаш хьостий вовшийн,
Болош нах цла кхелха мур,
Тхо цкъачунна даха ховшу,
Вовшийн оьций юхалург...

Айдамиров Абузарна

Ма раг1 яра хлоьбтинарг
Цу аьхкена дийнахь,
Шегахь ду мел моьбтинарг
Дайна карадина.

Оцу дийнналц лардинарг
Сий а ца хиллера.
Оцу дийнналц стаг хилларг
Стаг а ца хиллера.

Хьийзаш яра г1алин юкъ,
Ша ларш-Майда хилла
Мизан-Терзе далийна,
Чехош г1уллакх-г1иллакх.

Г1уьттуш яра танг1алкхаш,
Ц1ерш а яра летош.
Ц1ийзаш яра чаг1алкхаш,
И ц1ийн хьожа кхетта.

...Хьо кхийтира, сий-цасий
Шен хеннахь ду сийлахь,
Хенал хьалха хилла сий
Эрна хилла сий дуй.

Ахь г1иттийнчу маршоно
Хьуна йинчу яхьах
Йогуш яра 1арш-Майда,
Мизан-Терзан эхь а.

Д1аг1охьа, хьайн Делан дуйхьа,
Д1аг1о, сан си т1ехь ца лавташ.
Сан х1ума дац, хьан юьхь ян –
Хьан 1уйре т1ам хецна г1аттал.

Д1аг1охьа. Хала ду хета
Доллучух кхийначу хенахь.
Хала ду хьо герга хета,
Хуушшехь юйла сов генахь.

Д1аг1охьа. Хала ю буйса, –
Г1енах а г1ене сатийса.
Д1аг1охьа, дуйхьал ца туйсуш,
Хьуо самах йоллучохь йиса.

Хьуна а, сайна а метга
Самахдерг соь лалур деца.
Дуйненах диэ хьайна хеттарг –
Сан г1енийн т1емаш д1ахеца.

Джанаралиев 1имранна

Лазийний? Лазийна, хьаха.
Къарьеллий? Дера, ца елла!
Луьураш дуйцийла наха, –
Нохчийчоь яла ца елла.

Йожийний? Йожийна, хьаха.
Г1оттур юй? Ас вала дуьллу-кх:
Г1оттур ю г1оттучу маллах,
Яха, кхин маллах ца туйлуш.

Бакъхиллий? Бакъхилла, хьаха,
Беллачех хьогчу вай дохуш-м...
Амма вай кхуьур ду даха...
Белларш схьабелара бохуш!

2002 ш.

Девешин Ахьмадан безамна

Хийла хан ю, иза шен эвлахь хилаза,
Ша винчу х1усамехь цунна
мтт биллаза,
Цуьнан ц1е якккина,
кет1ахь ков тохаза,
Вонехь и велхаза,
тойнехь бохь бог1аза.

Вахара, нене ша ц1а воглур ву аьлла,
Тоххарехь т1ом тийна,
ткъа и ц1а ванза ву,
Амма и тахханалц вара д1авалаза,
Ткъа тахна кхелхи и, –
нана...д1аяьлла.

1980 ш.

Хир ду...

(до1ина метга)

Сесаг хиллал хьанал –
къонах хир ву к1ант;
пхьор ца хиллал хьарам –
хир ду хьегна къа;
д1а ца ваьлла аллал
верриг мукъане –
хир ду,
Дала мукъ лахь,
илли мукъаме!

1984 ш.

Диканиг хьахадан кхоьру со.
Хазаниг хьахадан кхоьру со.
Диканах, хазачух хьаьгна хьо,
Г1аг1г1аьлла, елхарна кхоьру со.
Да-нана хьахадан кхоьру со:
Буо виснарг велхарна, кхоьру со.
«Йо1» ала, «во1» ала кхоьру со:
Х1ухаьддарг велхарна, кхоьру со.
Гуо талла, б1ов йоцуш висинчохь,
Букъ тоха берд боцуш висинчохь,
Куьг делла, белш г1ортош, г1аттийна,
Хьо латто г1о доцуш висинчохь
Хьан лекха лам хьахо кхоьру со,
Хьан Орга, Терк хьахо кхоьру со.
Нохчийчоь, хьо йийца кхоьру со:
Къонахий белхарна, кхоьру со.

2002 ш.

Гочдарш

Антонио Мачадо

Со воглур байн новкъа, езда
ойлаеш, тхилахь бу бай;
Чан йоблла нежнаш, и зезнаш
суьйренца техка цхьа дайн.

Ткъа некъ а сан стенга боьду?
Ца хаьа. Х1ун лобху ас?

Букълуш бу суьйренан бода
бацо длахуду сан аз.

Эх1, дагах дахнера сирг1ат,
Цкьа ас схьадаьккхира и.
Ткьа х1етахь дуьйна сан кийрахь
Дог хаа ца дели кхин.

Цу дагах х1ун хили аьлла, –
ойланийн дийца а дац;
хи йистехь техка гуш таьллаш,
ийснарг а язло син вас.

Самукьне дац кхин сан илли,
т1аьхь-т1аьхь хьалхехь дов са.
Хьалха мел сирла, б1аьрг беттарх,
схьагуш я некъ а бац сан.

Сан дашо сирг1ат, дог делош,
мел ирсе хир вара-кх ван,
и довха б1аьрхиш а 1енош,
цкьа хилла хьан лазам лан.

Хуан Рамон Хименес

Со юхавог1ур вац. Батто,
дато нур цхьалха-цхьа дагош,
буьйсано дижор ду лагта,
тахкийна тийналлин ага.

Да кхелхаш, дисинчу ц1ен т1ехь,
ас дитна 1индаг1а доцчу,
сан сига кхойкхур ду мехаш,
пана довш кхойкху мохь-орца .

Сох дисна х1ума хир дуй те, –
суна и хуур дац цкьа а;
хир вуй те, со дагавевна,
б1аьргех хи дала цхьа да а.

Ткьа хир ду зезагаш-м тайна,
седарчий, товр-тиэкьам, бала,
Сийначу 1индаг1шлахь диттийн
ирахь1иэрш, б1аьргийн ц1е-алу.

Д1о шира и пианино
бекар бу буьйсанна хийла,
амма ас цкьа а кхин кораш
доьллур дац, ойлане хилла.

Пушкин Александр

Суна хьо езнера. Безаман оила
Ца йоллу х1инца а сан дог д1ахеца.
Амма ахь цуьнан кхин
г1айг1а ма йойла,
Хьан дог ца дохо ас х1уьа дийр деца.

Суна хьо езнера, даха дог доцуш,
Тийна ловш хьох йолчу
шеконийн бала.
Езнера цхьа ц1ена, мерза са лоццуш.
Хьо иштта кхечунна езийта-кх Дала.

Лермонтов Михаил

Х1орда-кема

Д1о к1айн гата х1орда-кеман
Къеста сенчу дахкарлахь...
Цо х1ун лобху ц1енна генахь?
Цо х1ун дитна генна ц1ахь?

Х1орд тулг1буьйлу, махо лобкхуш,
Чардакх сетта, ц1ийза и.
Х1ан-х1а, цо я ирс ца лобху.
Я ирсах ца уьду кхин.

Сенчу хи т1ехь маьрша доьду,
Дашо малх бу хьобжуш т1е.
Ткьа тем боцчу цо дарц доьху,
Дорцехь хуьлуш санна тем.

Со г1айг1ане ву, сайна хьо
дукхаеза дела.
Хаьа суна: хьан кьоналла,
хьо мел экам лизларх,
Кхоайина 1ийр дац нехан
ямарт эладита.
Х1ора сирла де я сахьт а,
ахь чам кхеташ диьна
Бале дер хьуна, кьаьхьа
хьо кхолламо елхош.
Со г1айг1ане ву...хьо цхьа
ч1ог1а йоккхайийна ехаш.

Юбилей**Абдулаев Лечин поэзехь халкъан мукъамаш**

Бешерашкахь лаьмнаша хуьлйина къайленаш аренга кхоьхьуш догӀу шовда санна, халкъан дахаран тайп-тайпа къайленаш схьайоьллуш, кхуьуш, схьайо-гӀуш ю халкъан барта хазна. Нохчийн фольклор шен исбаьхьаллин агӀор а, маьӀнийн агӀор а, шен хатӀ долуш, шен башхалла йолуш а ю. Къоман кхолларалла талларехь коьртачех ду кхечу къаьмнийн фольклор санна халкъан исбаьхьаллин-эстетически хьежамаш, синмехаллаш йовзийтар а, турпалхойн амалшкахь халкъан амал гайтар а, шен заманан чулацам билгалбаккхар а. Халкъан амал талларехь коьртачех Илма делахь а, уггар хьалха, Бешерашкахула чекхийлиина, адамийн оздангалла шена чуйизина йолу адамийн марзо ю халкъан барта кхолларалла. Халкъан амал гайтина ца Ӏаш, фольклор, исбаьхьаллин литература кхиаран орам а хилла лаьтта, аьлча а, фольклоран буха тӀехь кхиа йолаелла ю исбаьхьаллин литература. Кхузахь, тидаме эца дезаш дуккха а хӀума ду: турпалхойн амалшкахь халкъан амал гайтар, дешнийн чӀагӀделлачу цхьаьнакхетаршца халкъан «чӀагӀбелла» синхаамаш гайтар, халкъан мукъамаш довзийтар, и. дӀ. кх. а. Шен чулацамца халкъан синмукъамех ийна йоцу произведени башха дукха а ца еха исбаьхьаллин литературин изехь.

Абдулаев Лечин поэзехь карадо вайна и гергарло – халкъан сица долу гергарло. Цуьнан хӀора бохург санна, стихотворенин лирически турпалхо а хуьлу иштта – халкъан амал, кхетам, хьекьал шеца долуш. Амма кхузахь тидамза ца дитало поэта «халкъан маттах» говзза пайдаоьцуш хилар а. Иза поэтан дикачех йолу агӀо ю. Амма чӀога экаме хӀума а ду иза, хӀунда аьлча халкъан кхетамехь шен цхьа маьӀна долу дош, я дешнийн цхьаьнакхетарш, я кичанаш оьцу маьӀнехь дало деза дела.

Масала:

Юха а, дог дохош, дека
 «Генарчу зурманан» аз.
 ДӀахеца, неӀарш! Ма деха.
 Кхин минот йоккхур яц ас...*
 [агӀо 30]

Кхузахь дика го вайна, халкъан кичанах пайда а оьцуш, дахаре болчу къий-само дог карзахдаьккхинчу стеган деган хьал гойтуш долу васт. «Генара зурма хазахета», – олуш ду нохчийн.

Нисделла дуьненан белхашна1 юьхьдуйхьал воьрзуш,
 ГӀайгӀанца бохам а, кхоаца ирс а сайн дуьйцуш,
 И там а, цатам а цу дешан терзанахь озна,
 Мукъамца нисдина, сайн илли ас тӀома хойцуш...
 [агӀо 28]

Дуьненан белхаш бохург дахарехь стагана тӀехӀуттуш долу дика-вуон, дахаран декхарш ду.

... ТӀаьхьарчу гуьйренал белхаме хилла,
 ТӀахье ца кхуьучу дел, ненал гӀийла
 Дай хестгол бен йоьчу тӀаьхьенийн2 дайн
 Дойн жатташ, Ӏаьршех дӀайина, дӀаяй!
 [агӀо 71]

* Абдулаев Леча. «ХӀолламашший, кӀарлагӀашший», Соьлжа-гӀала, 2008 шо.

Кхузахь поэта шуьйра пайдаэцна халкъан аларх. «Яйначу тӀаьхьено дай хестор бу» – бохучу кицанан маьӀна ду кхузахь далийнарг. Ткъа дай хесттол бен йоцучу тӀаьхьенийн бохучу маьӀнехь авторан лирически турпалхочо буй-цурш, цуьнан дог лозурш а, оцу ййначу тӀаьхьенийн къонахий а бу. Цундела ю лирически турпалхочуьнгахь гӀайгӀа. «ХӀумма а ца хиллачух дӀаӀохку ярташ-м..» – боху цо. Ткъа хилларг цъа доккха хӀума ду. Лирически турпалхочо хала лов и бохам, ййначу тӀаьхьенийн бохам.

Луо догӀу. КӀайн луо ду дуьллуш.
ХӀан-хӀа, ца деа и – цӀиэн луо...
Бешераш бешершка дуьйлуш,
Дуьне кхин хийца ца дели.

[агӀо 80].

ХӀара а халкъан «багара» даьккхина ала мегар долуш долу дош ду, хӀинца а цуьнан Ӏаьнаран чам шегара дӀабалаза долу. Цъа дагахь доццург, инзарениг, цкъа а хир доцург я хила йиш йоцург хилча, цӀиэн луо догӀур ду олуш ду нохчийн. Буберана ден ца цакарийча, цунна неӀаран зайлаш дӀадухкий, неӀ къовлуш хилча дан хьакь хета стихотворенин лирически турпалхочунна и цӀиэн луо. Кху лаьттахь цул инзаре, тамашийна хӀума ца хиэта цунна, буберан Пелонал а нуьцкъала.

...Эсал хьежар, даккхий синош дахар...
Хьан дагна ма йовза-кх ишта хьу!..
Тера ву хьо, иза валлац вахарг,
цу цъа жимчу кӀантах тера ву.

[агӀо 102].

Кхелхина стаг цъаннах тера ву олуш, иза цъанца вустуш олу нохчаша и валлац вехийла хьо, олий. Кхелхинарг дуьнен чу вуха ца вогӀий хаьа вайна. Ткъа вехаш волу стаг кхелхинарг санна, цкъа дӀавоьду дуьненчуьра. Цунна диканиг лаарца, цуьнан дуьненна елла йолу хан яхийойла бохучу маьӀнехь ду хӀара алар кхузахь а, халкъан маттахь а далийна.

... Дуьме ца кхаьчначу цигиган кица
Дало а даций шун, дуьненан темаш,
Ца хаьдча воллушехь шайх хедаш хилча,
Шайх хаьддарг витийша довза ван шена...

[агӀо 120].

Нохчийн фольклорехь ду дуьме ца кхаьчначу цигиган дийцар. Цуо ша цу тӀе ца кхаьчча, ша буур (мерза хир) бацара иза аьлла боху. Оццу маьӀнехь далийна и алар автора а. Ткъа дуьман метта дуьненан темаш лоьру цо. Ткъа гӀайгӀа цъаь ю шинхьа а.

– Ассаламу Ӏалайкум, хӀай, дика нах,
Цкъа дика хинволчу соьгара!
Ца Ӏеба вай вовшийн вуо-диканах,
Ца делча, мел дала изгарах...

[агӀо 251, «Кешнашкахь»].

Кхузахь дика нах бохучу маьӀнехь далийнарг кхелхина нах бохург ду. Кхелхинарг гуттар а дика ву олуш ду, ткъа дийнаниг ледара хила тарло, стенна тӀехь и делахь а, кешнийн охӀлане ша салам лучу хенахь, царех дика нах ду шу аларца, автора шен цаьрга болу лерам гойту. Адамаша дийна волчу сте-

ган башха догъоьцуш цахиларан а, стаг дуьненчуьра дIаваххалц цуьнан мах дикачу агIор хадош цахиларна йолу дуьхьало ю автора, бегаше а даьккхина, шен стихотворенехь оцу дикачу нахе цо делла долу салам. Иза цхьа ша-тайпа кхайкхам а бу нахе – стаг мел веа а ца хаьа, цундела и дийна воллччуьра цуьнан догъэца сихло бохуш.

... ЖосьжагIатехь вогур боху
Гени воцуш, хуьлуш дацахь,
ЦIизн луо хуьлда шена догIург,
Бошхапан «кха» хьекъа бацах...
[агIо 238, «Моцарте ладоьгIуш].

«Бошхапа чохь бай бер бац», – олуш, кица ду вайн. Ша дуьйцуш долчу хIу-манна маьIна луш, иза чIагIдеш, далийна автора кхузахь и кица.

Амма бакъду, иза маьIна а лардеш, исбаьхьаллин басаршца къагош, хаза аьлла и автора. Билггала аьлча, цуьнан маьIна кхин а шордина цо, бошхапан кха – метафора ю. Кха – иза стага дIадуьйш, лелош долу латтан дакъа ду. Ткъа хьекъа бацах бохург дустар ду, бацах Iенийла бохург ду иза. Вайна ма-гарра, чолхе даьккхина автора оцу кицанан маьIна а, исбаьхьаллин кеп а, амма шен юьхьанцара маьIна дика лардина цо цигахь.

... Дуьненан а ву шен верас,
Дуьне вайн «декъалдина», –
Совет-цавет импереш.
Вай девлла, цара дийна,
Ца хилла, уьш ца хиллехь...
[агIо 230, «Сан ваша»].

«Цхьаммо а дIавийна тIеваьлла вац», – олуш, кица ду нохчийн. Оцу маьI-нехь далийна делахь а, кхузахь мелхо а дацдина халкъан кицанан маьIна. Хетарехь иза рифман а, ритман а барам ларбарна ду. Юьхьанца цунах кхета хала делахь а, маьIна лардина цо.

... Урс ира дуса бу кхерам,
Чохь цIенкъе йиса ду шера!
[агIо 151, «ДIаюхаяхийша тоьпаш»].

«Урс ира дуьсийла хьан, ткъа цIенкъе шера лаьттийла», – олуш, сардам буллуш хилла вайн, дукхахьолахь эмгаро эмгарна. ЦIенкъан шералла йохо бер ма кхуьйла, урс артдеш, кечдан пхьор ма хуьлийла бохург ду иза. ХIокху стихотворенин маьIнан тIум санна хета хIара дешнаш. Халкъана тIехIоьттинчу баланна и уггар къиза болу сардам цунах, халкъах, бахарна кхьору стихотворенин лирически турпалхо. Дукхох дустар санна балийна бу и сардам.

Абдулаев Лечин поэзи маьIнийн агIор а, исбаьхьаллин агIор а, хорманийн тайп-тайпаналлица а, мотт исбаьхьа а, говза а хиларца а къаьсташ ю. Поэтан маттах къасто йиш йоцуш, шурех даьтта санна цунах ийна, поэтан стихийн «кIаденах» ша-тайпа къегина тай хилла хьерчина, еха нохчийн фольклор Абдулаев Лечин поэзехь.

ХАЛИКОВА Асет, яздархо.

Муса Бексултанов**Весы**

Рассказ

То, что кьонах¹, даже если он будет касаться неба, сможет изменить женщину, оказалось неправдой, да, неправдой...

Если сам Всевышний не даст тебе хорошей жены, то женись ты хоть на десятерых или разведись хоть с сотней, ты такой не получишь.

«Когда я умру, женщина, люди узнают тебя такой, какая ты есть, – говорил твой отец. – Я боялся, что дети станут мне врагами, поэтому терпел тебя, но ты этого не поняла даже с возрастом».

Мать что-то бурчала в ответ, возясь с чашками и тарелками.

Тебе очень не нравилось, когда отец так говорил матери. Ты был мал. Ты не понимал. Да, не понимал, тебе она была матерью, а твоему отцу – женой, которая готовила ему пищу, стирала вещи, принимала гостей, рожала детей.

Отец лучше знал свою жену, чего она стоит, как сейчас ты знаешь свою жену.

Чтобы понять слова отца, нужно было встать на ноги, или достичь его лет, или получить ту же долю в этой жизни, что и он!

Ты лишь позже понял его смех, его шутки, его желание сделать так, чтобы для гостей, которых он привел в дом, время бежало быстро, понял, когда тебе пришлось самому вести себя так, когда только тебе было известно, что ты делаешь.

Было тяжело, словно подходил к вражеской засаде, неизвестно, опозоришься ли ты или, напротив, выйдешь с честью, когда приводил гостя в свой дом и стоял между ним и своей семьей, словно солдат с винтовкой на посту, пока тот дневал и ночевал у тебя.

После того, как гость уходил, еще тяжелее было вести разговор с женой. Знал: говори-не говори – все бесполезно.

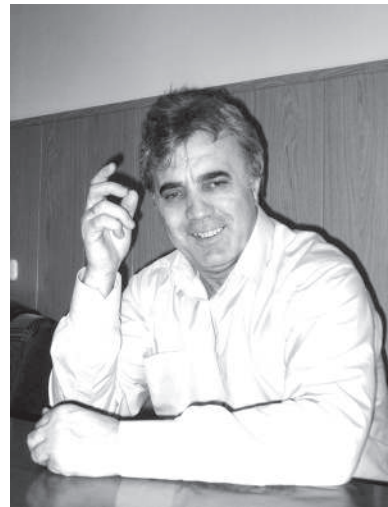
Ты долго ждал, ворочаясь на паднаре², проходило несколько часов, прежде чем ты начинал говорить, негромко, медленно, приводя примеры: «Женщина, это было так позорно. Чтобы Всевышний не избавил тебя от врага, да, почему ты такая?.. Ты же дочь достойного отца, достойного отца!.. Думаешь, из чего готовят угощение гостю?..»

«Оставь моего отца в покое, не начинай. Что ты можешь сказать о моих отце и матери?» – самое неожиданное, никак не связанное с тем, что ты имеешь в виду, выпаливала она в ответ, сбивая тебя с мысли и обрывая разговор.

Зная ее, тебе нечего было сказать, оставалось только молчать, глядя на нее издали и думая о ней.

Она все твои слова сводила к своим отцу с матерью, говоря, что ты хочешь их в чем-то упрекнуть, переворачивала все, как одежду, наизнанку.

Если же ты продолжал, со своей неправотой выходила из дома, разносила по округе, чтоб все село слышало: «Почему это я плохая жена? Я не плохая жена! А ты делаешь то, что должен? Вон, упавший забор до сих пор валяется! Поставь на место! Почему не поправишь камни в сарае? У меня уже руки болят

орудовать между ними тяпкой! Ты никогда не видишь то, что должен делать сам!»

В ту ночь камни разбросал развязавшийся бычок, приводить забор в порядок или нет, к тому моменту не имело значения, так как поле нужно было еще вспахать.

Так и болтала все, что придет в голову, если не это, то находила много еще всякого, хоть веником выметай. Если же не находила чем возразить, рыдала навзрыд, приговаривая, не буду здесь жить, уйду, покажу тебе, кто я такая, думаешь, я безродная какая...

Этого ты не любил больше всего. Ей было прекрасно известно, что ты этого не любишь, что только это выводит тебя из себя. Получалось, что ты придираешься к жене по мелочам: споришь с ней за сито; как курица, подбирающая крошки, ходишь за женой, собирая ее ошибки.

В течение двух-трех дней после таких ссор она слегка занималась хозяйством, наводила в доме порядок, стирала твои вещи, била по ковру, висящему на заборе, словно пыталась разорвать его на куски. Правда, никогда не звала к обеду, а ставила на стол и выходила из дома, даже если прикорнул, никогда не будила.

Когда же ты кричал ей: «Женщина, ты не собираешься подать пищу?» – с улицы раздавалось: «На столе лежит, ешь. Мне, что, как с младенцем, с тобой возиться?»

Спустя три-четыре дня все это проходило, она возвращалась к своей черте и начинала орудовать тряпкой, только если гость появлялся в доме.

«Ума у тебя нет, женщина, ума», – хотелось сказать ей, когда на душе становилось совсем беспокойно. Но не говорил, ведь, что ни скажи, она бы не поняла. Люди-то со своими женами справлялись хитростью, создавая видимость, что у них есть то, чего на самом деле нет. Ты так не умел. Ты и не хотел так. Ты хотел, чтобы жена сама поняла, чтобы сама все увидела.

Как же спокойно ты принимал гостя, когда она уходила в родительский дом! «Если бы эта дура была дома, наши бы дела не были так плохи, друг!» – говорил ты как бы в знак уважения, иногда хваля жену (за все эти годы ты ни разу не вынес из дома ничего плохого о ней, а тебе было уже семьдесят два), подкатав рукава, ты начинал готовить еду, поставив на огонь полную кастрюлю мяса.

Ты никогда не звал соседок, чтобы они помогли принять гостя – ты боялся, что они увидят хозяйство жены и разнесут все по селу.

Тебе это не было нужно и, если сказать как есть, ты бы не смог перенести, если бы люди плохо отзывались о твоей жене.

«Бедно одетый кьонах становится для людей снохой», – ты слышал, будто Абдулла, сын Баадуллы, из Котар-Юрта говорил это.

Кьонах, у которого плохая жена, не может среди людей молвить слово так, как он считает нужным, словно сноха, которая все время хранит молчание³.

Правда, честь кьонаха не исчезает при плохой жене, однако люди упоминают о тебе так, словно один твой бок не здоров: «Жаль, что у него такая жена, у такого, как он, кьонаха жена должна быть очень хорошей». Кому нужна похвала, смешанная с жалостью: «жаль его».

Когда-то ты пропускал мимо ушей слова о том, что женщина делает из мужчины кьонаха, а кьонаха может, наоборот, сломить.

«Как может женщина сделать из мужчины кьонаха, – смеялся ты, – или сломить того, кто им является, ведь женщина – это всего лишь женщина, которой ты устанавливаешь границу, которая идет только по той дороге, что ты ей открываешь из своего дома? Не конь же делает всадника, а всадник по своему нраву учит коня и бежать, и кружиться, и танцевать под барабан». Нет-нет, каким будет всадник, оказывается, зависит от коня, ровно на половину всадника создает конь. Не все кони обучаемы, не все.

Кони разные попадают: у кого-то – ноги цепляются, другой – на узду

крепок, третьему слегка подашь знак – хватает, чтобы сократить всю длину дороги.

Из некоторых людей всадников полностью делает конь, как его тезку Мочака, сына Залимат.

Когда говорили «Мочак, сын Халида», никто в этих горах не знал, о ком идет речь. Когда же его называли по имени матери – Мочак, сын Залимат – всем было ясно, кого имеют в виду. У Мочака (благодаря волевой матери Залимат) выросли прекрасные сыновья. Сейчас Эли, сын Мочака, и Усман, сын Мочака, имя своего несчастного отца, которого никто не знал при жизни, сделали всем известным.

А у него, оказывается, счастья даже с Мочакиного не было, и не стал он кьонахом больше, чем Мочак! Да пропади его доля, никто ей не позавидует!

Ни жена не досталась такая, чтоб понимала твою душу, ни из детей никто не вырос таким сыном, чтобы глаз радовал.

Оттого, что ты князь для посторонних людей, если твоя жена не будет считать тебя таковым, то для семьи ты никогда им не станешь.

Когда-то жил один славный кьонах, он мог одним словом убить и спасти, примирить вражду между народами своим словом.

В какую бы местность ни доносилась весть, что этот кьонах должен туда прибыть (хотя не знали, когда точно приедет), люди старались осветить свечкой дом, чтобы он не подумал, что там спят, боясь, что он проедет мимо, каждый пытался сделать из него гостя, и то – о мир! – в своем доме своя жена не знала ему цены или, если и знала, не желала признавать это!

Но и тогда эти кьонахи содержали своих жен ради Всевышнего, тестя, тещи, шурина или одного из кьонахов этой семьи, а если его нет, то ради чьего-либо могильного холма.

«Я ухаживал за тобой ради этого человека либо из уважения к кому-то», – не говорили они своим женам (скрепившись в душе), каждый день совершенствовали свое терпение, измеряя всевозможными примерами, сдерживали огонь, поднимающийся из груди, и готовый вырваться яд...

Не напрасно ходил Мовла, сын Индарби, из села в село, словно больной в поисках врачей, со своей повзрослевшей дочерью, у которой после его смерти не осталось бы опоры, стучась в дверь каждого отца, чей сын вырос: «Во-о, я отдаю дочь замуж, знаешь, кто я?!» – кричал как-то печально. Ему в ответ: «Разве ты не Мовла, сын Индарби, который из-за Терека приводил табуны, каждому несчастному бывший отцом, сестре, у которой нет брата, ставший братом!» На это Мовла отвечал: «Нет-нет, я не тот Мовла теперь, я теперь другой Мовла. Расскажите мне, кто я сейчас», – говоря это, шел в другой двор и там кричал так же.

Когда он проходил третье селение, стучал уже в последнюю дверь, отец юноши, которому до 18-ти лет не хватало трех лет, сказал ему, кто он есть.

Он сказал так: «Ты тот, у кого нет сына, чтобы принять соболезнования, тот, у кого нет отца, чтобы устроить похороны, у кого нет сестры, чтобы плакать над телом покойника, как птенец перепелки, которому в сенокос поломали крыло и он отстал от матери, человек, которому некого звать на помощь, оставшийся с этой последней сиротой, пойманный в капкан горя, слуга Всевышнего, Мовла, сын Индарби!»

Мовла тогда понял, что отец этого юноши знает, кто он есть на самом деле. Благословив дочь на союз с юношей, словно несчастный, на чью молитву откликнулся Всевышний, радостный, вернулся я домой в тот день», – говорят, рассказывал Мовла, сын Индарби, после этого.

Мовла не напрасно, выходит, спрашивал, кто он такой. Мовла этим криком искал мужчину, который сможет позаботиться о его дочери.

Однако, правда и то, что нельзя останавливаться взглядом на девушке только потому, что ее отец – кьонах.

Хорошие качества дочери нужно искать в матери, в матери ее матери или в цепочке, сменившей семь матерей. Къонах должен был отследить это по молоку, которое пила дочь, выяснить, что это за молоко, откуда оно течет, где его истоки, когда.

Сучка ведь в любом месте щенится, где бы то ни было, ее щенята вырастают разными, не все они становятся смелыми перед волком и способными не заснуть, чтобы узнать вора. Одного волк уволочет, другой – волка.

Нужно было смотреть, кем является мать девушки для своего мужа, для своей семьи, своего села: снохой, гостьей или второй женой.

Ведь къонаху жена нужна не для того, чтобы соперничать с ним, она нужна ему, чтобы стать крыльями для его души, порадовать его уставший глаз или для того, чтобы бесконечно обманывать сердце, придавленное печалью, или обмануться, отдав это сердце в ее руки. Для жены муж должен был быть постоянным гостем, который только однажды в жизни оказывается в своем доме. Для жены ведь на этой земле не должно быть гостя дороже и важнее, чем ее муж, большего князя, чем он, кроме Всевышнего на небесах. Ведь это Он установил так, что муж, которого Он дал ей, является для своей жены князем, и только тогда Он будет доволен ею, если она угодит мужу.

Обращаясь с ним, словно с младенцем, рожденным в семье, где иссякает род, на руках ночью укладывать; утром ступать так легко, чтобы не разбудить; готовить для него отдельную от семьи пищу; давая думать семье, что, если его слово не будет выполнено, этот мир разрушится; провожать, когда он выходит; выходить навстречу, когда возвращается; знать, что степенью его почитания измеряется она сама – нужно было искать дочь женщины, которая так заботится о своем муже, обойти чеченские горы, имеющие тысячи люлек, по ночам по трем горам пройти, днем – по пяти, бродить по всему свету в поисках ее!

Говорят, Салимат, дочь Висарга, когда к ней пришла жена мужчины, с которым муж Салимат отправился на охоту, и стала причитать: «Останутся ли они живы, Салимат, вернутся ли домой, буран же в горах, ничего кругом не видно?» – ответила: «Что с твоим случится, не знаю, женщина, мой-то точно вернется».

Когда эта женщина вновь спросила: «Почему же твой вернется, ва Салимат, а мой нет?» – она ответила: «Я никогда не сажала мужа за общий семейный стол, как ты своего, его пища всегда была пищей гостя».

Говорят, и вернулся муж Салимат на третий вечер пришел, неся на себе обмороженное тело товарища, который пытался вернуться самостоятельно.

Да, къонах во многом становится таковым благодаря своей жене, точнее, ее поведению.

Когда он был ребенком, на похороны жены дяди его бабушки, прибыли люди, которые несли на носилках (в горах не было дорог, чтобы проехала арба) Исуп-хаджи, он был при смерти.

Исуп-хаджи оставил завещание похоронить его рядом с Большим Дадой, с которым он в детстве дружил, изучал священный Коран и религиозные книги. Когда же понял, что до конца жизни остались дни, считанные по пальцам руки, он попросил снарядить его в последний путь, сказав: умру по дороге, в противном случае в том селе есть друг, в его доме и отойдет моя душа.

Когда же, оказавшись на этих похоронах, увидел къонахов, подобных львам, плачущими, как женщины, Исуп-хаджи спросил, кто скончался.

Ему сказали, что это женщина.

«Чем же она так отличалась от других женщин, что вы так сильно плачете?» – спросил снова Исуп-хаджи.

«Она была снохой для всего села, – сказали ему люди. – Все мужчины этого села были для нее деверьями, все женщины – золовками. Когда чья-либо жена, поссорившись с мужем, уходила, эта женщина своевременно несла ему горячую пищу, заботилась об их скотине, не оставляла и собаку без еды».

Ее свекр и свекровь испустили дух на ее руках, ведь только эти руки были им приятны.

Ее муж Бойсагар (в течение семи лет он был прикован к постели) ни разу в обед и на ужин не остался один, так и проводила она его к Всевышнему.

Словно своего ребенка, купала Бойсагара своими руками каждый четверг, меняя ему одежду, укладывала в постель.

Днем ли, ночью ли, когда бы Бойсагар ни позвал ее, никогда не ответила она откуда-то: «Что тебе?» – всегда находилась рядом с ним.

Когда Исуп-хаджи услышал такие свидетельства, призывая своего Учителя Большого Муллу, заплакал: «Теперь я не имею права пройти мимо этого кладбища, души умерших обвинят меня, я и при жизни доставил тебе много хлопот, теперь я останусь здесь. Если хоть капля того милосердия, которое Всевышний направит к душе этой женщины, коснется душ других умерших, это кладбище будет облагодетельствовано. Я хочу стать ей соседом здесь».

Исуп-хаджи не дал отвезти себя из этого села и на девятые сутки скончался. И похоронили его рядом с женой дяди дедушки, установив большой неотесанный камень на его могиле.

Оказывается, хороших женщин, даже если они десять раз были в браке, снова берут замуж.

Хадижат, дочь Бухарчи, была дважды замужем, дважды она овдовела – первый умер сам, второй был убит – Шовхал, сын Эски. Его имя было самым известным в горах, хотя сам он был и не прав.

Кьонахи обращали внимание не на красоту женщины, а на ее человеческие качества.

Кьонахи, которые о себе думали не иначе: «Кто как не я!» – зачастую в жизни, обходя девушек нежных, как ягнята, женятся на вдовах, оставшихся от хороших парней, либо от неизвестно каких.

В то время, когда он чересчур «разгулялся», не пропуская ни одной вечеринки, ни одного сватовства, отец позвал его к себе и сказал: «Сын, часто встречается красивый конь, на котором надолго задерживается взгляд, но не способный тащить груз или стать для наездника хорошим скакуном. Когда ведешь его в гору, он весь обливается потом, лентяй даже стряхнуть с себя слепня. Опасайся женщин, подобных таким коням.

Хорошая женой не каждая будет. Только некоторые дома встречаются, где женщины с хорошими генами настолько, что все они становятся прекрасными женами.

Один такой дом был в Хильдехарое – Вомарга, сына Туши. У него было две жены и обеих звали Хантоги, и дочери их становились очень хорошими женами, а рожденные ими сыновья – настоящими кьонахами.

Такой же дом был у Кортали, жившего в Ханге, у Ичи, и у многих других.

Что я хочу тебе сказать? Словно козел, который по осени бежит за козами, с впавшими щеками, прекрати свои танцульки, на которые ты ходишь, где бы ни ударили в барабан и в ладоши, и женись на Тайбат, дочери Жамалди, вдове Илеса. Она хорошая женщина, знает, кто она, чья, друг ее мужа станет и ей другом, сможет и врага распознать».

Ты слушал и не слушал все, что он говорил, стоя у двери и все время глядя в окно, оттого что душа рвалась наружу. Мысль останавливалась на улице, где жила Тамри, дочь Хасрана.

Перед тобой стояла картина, когда ты увидел ее впервые, она наклонилась, чтобы зачерпнуть ковшом воду.

Она не заметила твое приближение. Ты неожиданно остановился на своем скакуне, тебе очень понравились ее круглые бедра, венчающие стройную спину, сужающуюся книзу, в ту же минуту в груди с болью побежал огонь. Потом тебе понравились тонкие прожилки вен на белоснежных пятках, которые выделялись там, где заканчивается подол платья.

Услышав фырчание коня, девушка уронила ковш в родник, вскинув руки к груди, обернувшись, со взглядом, словно у дикой серны, которую испугнул выстрел, тогда ты увидел распахнутые от испуга огромные глаза небесного цвета под ободками черных бровей.

«Девушка, да заберет тебя Всевышний... Ты чья такая будешь?» – вырвалось у тебя, смешавшись с обидой и приязнью.

«Хасрана...» – девушка отступила на два шага, положив левую руку на грудь.

Ты в одну секунду пробежался по ней взглядом, потом посмотрел в упор, ругая сам себя, быстро ударил коня плетью, сорвался с места.

После этого ты все время оказывался там, где находилась эта девушка. Никогда не пытался заговорить. Если же была свадьба, не танцевал с ней, ни с кем не веселился.

Потом ты стал часто издали через ее подруг передавать такие слова: «Скажите Тамри, что я болен ею настолько, что сердце в моей груди становится мне неподвластным».

Ты ровно три месяца присылал ей такие разговоры, ни разу не пытаясь ни заговорить, ни пригласить на свидание.

В конце концов, когда в октябре подумал, может, сказать, чтобы дала слово, назначила время, услышал от Тамри неприятную весть, что у нее идет сговор с Муслимом, сыном Эжи.

Сначала, услышав имя Муслима, твои мысли словно застыли. Потом в недоумении: «Неужели она стоит только того, чтобы выйти за него замуж?» – ты задумался о Хасране.

Хасрана люди считали славным кьонахом, отмечая, что с гостями он был щедр, а разрешая конфликты, демонстрировал свою стойкость.

Подумав достаточно: «Что ты, девушка, это сватовство тебе не подходит. Таких, как Муслим, сын Эжи, пастухов, ты найдешь столько, сколько альчигов, с которыми играют дети. Не веди разговор, не подходящий нам, трудно такое перенести, оставшись одному», – сказал он, как-то печально улынувшись.

Девушка покачала головой, как бы давая понять, что твой разговор лишний.

Ты до сих пор не знаешь, как в тот день вернулся домой, ведь свет в глазах полностью померк.

Конь сам привез тебя домой, часто закидывая уши назад, словно прислушиваясь к твоему сердцу.

Ты вырос с отцом, который, словно медведица, воспитывал тебя со словами: «То, что понравилось кьонаху, должно принадлежать ему». – Как же ты не сломался тогда, треснув на части, в те два – три дня.

Отец снова сказал тебе, позвав: «Оставь свои вздохи, как у старой девы, у которой не состоялась свадьба в назначенное время, женись на Тайбат, дочери Жамалди, ни один фрукт в этом мире не сравнится с хорошей женщиной. Женщина после смерти мужа показывает, насколько он был кьонах. При жизни-то можно жить, с кем угодно».

«Вот она и осталась одна, если ты оставишь в покое, – быстро бросил ты, – я, что, овца, чтобы собирать груши под деревом, когда их можно сорвать с ветки?»

Ты думал, если женишься на разведенке, то мир от сильного удивления перевернется.

«Живи же тогда с этой веткой, – сказал тебе тогда отец, – груша-то падает только спелая... Ступай, уйди с моих глаз... чтоб тебе пришлось вспоминать этот день до самой своей смерти».

Эти его слова сбылись, словно он посмотрел в гороскоп – проклятье полностью пронзило тебя: душу, тело, костный мозг.

На четвертый день после разговора с отцом ты, словно ястреб, налетевший

сверху на куропаток, нагнувшись с коня, резким движением схватил ее, перекинул через седло, оставляя за собой крики о помощи: «О Всевышний!», «Устаз», украл ее, готовый разорвать на куски оттого, что душа была беспокойна.

Не оборачиваясь, примчался домой, сердце не давало тебе обернуться; свернувшись, как котенок, дочь Хасрана передал в руки своей матери: «Скажи Зубайру, что я дал ему добро уладить это дело. Вернусь через два-три дня», – развернул коня и, пока последний луч солнца прощался с миром, перерезав гору дишнийцев, устремился в лесную чащу к своим друзьям – в Большую Чечню, воспарившее сердце искало душевную радость.

Хасран не дал согласия на брак и сказал, чтобы парень, укравший его дочь, предстал перед ним, не засылая стариков, совершивших хадж. О таком ты никогда не слышал.

«Заходи, заходи, – сказал Хасран, когда ты, услышав шум в доме, стал пятиться назад. – Я же на сегодня тот, у кого ты, словно флаг у войска, опозорив весь род, прямо посреди села похитил девушку. Вот и ты оставайся тем, кто был вчера».

Ты остановился у двери, не поднимая глаз с пола.

«Садись, – сказал Хасран, улыбнувшись, – я не буду говорить, пока ты стоишь, парень!»

Ты не сел.

«Садись, – сказал он снова, – разве ты не кьонах, как и я? Сегодня поступай, как я говорю, а завтра поступишь, как знаешь...»

Потом, когда ты сел, Хасран долго молчал, словно устремившись в далекие воспоминания.

После:

«Мочак, – заговорил он, – послушай, Мочак, охотник не должен был стрелять в зверя, которого не будет свежевать, зная, что найдется другой стрелок, который это сделает...»

Ты совершил нечто ненужное!

Члена своей семьи я знаю лучше, чем ты или твой отец Зубайр.

Я отпустил тебя не потому, что, пока ты не покинул пределов этого села, не смог бы раз десять забрать свою дочь. Я отпустил тебя потому, что моя жизнь подходит к концу и похищение дочери не является для отца позором – девушку-то не всякий может украсть, – зная, чей ты, ради твоей жизни, которая только-только начинается, чтобы потом не делились радостью друг с другом твои недоброжелатели и не было разговоров победителей: «Сына таких-то сбили с коня, взяли с него цену за невесту, заставили поклясться и забрали жену».

Если тебе не будет завтра стыдно перед моей спиной, послезавтра – перед моим могильным камнем, как стыдно сегодня, перед моим лицом, ради жизни своего благородного отца Зубайра, верни члена моей семьи – это не твоя женщина. Я ведь знаю ее мать – сорок лет с ней прожил.

Ягненок, рожденный овцой, вырастает похожим на свою мать. Если эта овца все время отстает от стада, ягненок тоже отстает. Если овца пасется в стороне, ягненок приучается к тому же.

Поскольку вы занимаетесь овцеводством, я говорю так, чтобы ты правильно меня понял, я бы не хотел тебе рассказывать все, что происходит в нашем доме... Если завтра-послезавтра тебе не будет стыдно перед моей спиной, верни мою дочь домой, на ней женится другой, я бы не хотел с тобой никакой вражды, я желаю тебе только добра».

«Когда женятся, не клянутся до смерти жить с ней», – сказал ты, быстро встав.

«Что ж, хорошо, – заговорил Хасран спустя длительное время. – Скажи Зубайру, что я дал ему право уладить это дело, разрешая любому из кьонахов

этого села выступить в качестве отца девушки... Ступай, будь свободен... Поберегись, выходя из этого дома, чтоб не столкнуться с его хозяйкой, ведь все эти женщины имеют свой характер», – добавил он потом, словно давая понять, что они с женой разные, как зима и весна.

Ты и сегодня не можешь умереть счастливо и даже сейчас, в день, когда уже греешь свои старые кости под солнцем, ты не смог выбраться из-под груза этих слов, сказанных тогда, сорок восемь лет назад, Хасраном: «Если тебе не будет завтра стыдно перед моей спиной, послезавтра – перед моим могильным камнем, как сегодня перед моим лицом, – верни мою дочь, она не та женщина, что нужна тебе».

Да, Хасран знал, что говорил. Хасран знал свою дочь, знал и свою жену, родившую ее...

Ты же не знал своей тещи, пока не умер Хасран. Когда же он умер, ты узнал ее!

Если дом родителей и дом мужа не впряжены в одни оглобли, женщина никогда не сможет стать настоящей женой.

Когда умер Хасран, ты потерял одну сторону, на которую опирался своими мыслями. Тогда ты остался в одиночестве, чтобы тащить плуг, который тянули двое, чтобы вспахать кусок поляны, прорубленной посреди леса.

Прорубить поляну было тяжело, тяжело настолько, что ты совсем выдохся – срезанные однажды плугом корни каждый раз, совершив очередной круг, приходилось срезать снова.

Иногда это приводило к тому, что терпение почти заканчивалось, хотелось закричать, восстать, высказаться.

Но не позволял Хасран, его спина, могильный камень, что стоял на кладбище.

Когда становилось совсем плохо, ты вспоминал разное: виденное, слышанное, то, о чем рассказывали как о былом.

«Всевышний, создавая этот мир, все души, настоящие и будущие на свете, сотворил за один день, – говорят, рассказывал один алим. – В тот день Он отдал приказ душам мужчин, дайте имена женщинам, с кем бы вы хотели быть в этой жизни рядом, определите их особенности. Души мужчин, которые должны были стать кьонахами, постеснявшись Всевышнего, отвернулись, мужчины же, которые в этом мире должны были стать не очень хорошими людьми, назвали отличительные черты самых красивых и порядочных женщин. Говорят, поэтому, – завершил этот алим свой рассказ, – жена настоящего кьонаха зачастую бывает по характеру не очень достойна его и внешне весьма некрасивой».

У тебя же не возникла ни тогда, ни сейчас мысль, что твоя душа из тех, что из-за стыда перед Всевышним получила эту долю.

Куда там!

Убереги Всевышний от мысли, что ты настоящий кьонах! Иногда в этом мире кьонах не знает, кто он есть такой, в то время как тот, кто считает себя таковым, на самом деле оказывается никем.

И все же хотелось идти по следам кьонахов, по дорогам, хоженным ими, соблюдать те правила, что они оставили или что остались от них... Если ты и не был настоящим кьонахом, ты все же стремился им стать, чтобы тебе было не дозволено то, что не дозволено им, чтобы совершенствовать себя, сравнивая с ними.

Часто, когда твоя жена Тамри разговаривала с тобой недостойным тебя языком, ты вспоминал слова, которые, говорят, Хадижат, дочь Бахарчи, сказала своему мужу: «Эй, ты, что стоишь, длинный Эски, сын Шовхала, ну-ка повернись, чтоб твой отец свинью ел, если будешь есть пищу, приготовленную этими руками!»

Хадижат была очень хозяйственной женщиной, умелой на руку, работающей. Зерновые она косила ночью, при лунном свете, серпом, отведя Шовхала на

поле, уложив его туда спать, говоря, что, если косить днем, высохшие зернышки пшеницы сыплются на землю.

Прожив долгое время с бездетной Хадижат, он задумался над тем, что его род прерывается, решил жениться и однажды в тайне от нее отправил сватов. Не успели сваты отойти далеко, как женщины села начали вести пересуды: «Вот, ходи теперь, «хорошая» жена, ночью коси серпом, сейчас приведет муж вторую, даст Бог!» – это дошло до Шовхала.

«Тогда я подумал, – сказал, говорят, Шовхал, – а-а, живи ты, Шовхал. Они не желают тебе добра, а желают раздора между вами. Чтобы не угодить им, женившись второй раз и не разбить сердце этой женщине, лучше-ка я оставлю все как есть».

Тогда он развернул сватов, отправившись далеко вслед за ними.

Как-то Шовхал поддержал в ссоре не родственников Хадижат, а противоположную сторону. Не успел он вернуться домой, Хадижат уже передали это.

Потом, через пару дней, возвращаясь откуда-то, он остановился на площади рядом с домом с какими-то людьми, и Хадижат, говорят, выставив свои руки, сказала: «Эй, ты, что стоишь длинный, ну-ка повернись, чтоб твой отец ел свинью, если еще раз будешь есть пищу, приготовленную этими руками!»

«Ай, ты же женщина, женщина, о чем с тобой говорить? Заходи, глупая!» – слегка возразил Шовхал, словно сказанное Хадижат ничего не значит.

Потом один из стоящих с ним вскипел: «Ва, что это за разговор, ва Шовхал! Как может кьонах такое позволить, чтобы жена говорила ему: пусть твой отец ест свинью?» Шовхал, говорят, ответил: «Я никогда не соревновался с женщиной, только с кьонахом!» Это же женщина, которая только с помощью языка может воевать, она же не просто так говорит, что-то ее расстроило».

В тот день Шовхал отмерил цену женщине, сказав, что кьонах не должен состязаться с женщиной, а только с кьонахом.

Да и не должна быть соревновательность мужчины с женщиной и не должен мужчина отвечать на ее словесную баталию тем же. Женщина же не носит кинжал и меч, лишь иголку с ниткой.

Ее оружие – язык, а у тебя другое оружие. Ее оружием тебе никогда не превзойти женщины, ведь тебе оно незнакомо. Если ты попытаешься одержать над ней победу, отвечая на ее возмущения тем же, ты проиграешь в сто раз.

Поэтому ты останавливался, когда жена начинала ругаться, до тех пор, пока слюна в ее рту не высыхала, слова, которые поднимались изнутри, пытался запихнуть обратно, снова и снова сглатывая, надеясь, что она вот-вот прекратит.

Говорят, комар, когда его спросили, почему твое горло такое длинное, ответил: «Было бы оно еще длиннее, чтобы слово, которое не нужно произнести, не успев добраться до основания рта, при мысли о длинном горле, остановилось бы посередине».

Во всем нужно было терпение, даже там, где его нет, чтобы все, чего ты придерживался до смерти, не было разрушено одним неосторожным словом, и не опозориться тем самым перед людьми.

Когда какой-нибудь человек пытается чего-то добиться, в непростые времена весь народ выступает против, чтобы он не вырвался из их круга, чтобы не отличался от них, чтобы того, чем довольствуются они, хватало и ему.

Кьонах смог бы пройти через все, если бы Всевышний устроил так, чтобы его жена понимала его душу, сердце, мысли, поступки, если бы эта женщина всеми силами старалась стать его тенью.

С женой-то, если она нерадива, несложно не жить, ведь от семи отцов к нам пришло это – разводиться и жениться.

Однако одно мешает тебе (даже если все остальное устраивает): женщина, которой не касалась рука другого мужчины, кроме тебя, которая родила тебе

детей, которая знает все о твоём внутреннем и внешнем мире, после того, как ты оставишь ее, выйдет замуж за другого и будет так же рожать ему детей, готовить пищу, говорить ему (как когда-то тебе), что нет такого кьонаха, как ты – мысль о том, что она должна жить так, мешала более всего. Это никогда не выходило из головы, как бы ты ни прокручивал мысли, переворачиваясь с боку на бок.

То, что женщина, чья душа сплелась с твоей, знающая твои сны, твои печальные стоны, будет с другим мужчиной делить подушку, было сложнее всего, до того тяжело, что готов был до смерти таскать ее на спине, ни разу не ставя на землю.

То, что другой узнает ее такой, какая она есть, и было для тебя позором или то, что ты сравнишься с тем, за кого она выйдет замуж – будь он кьонах или раб – в данном случае это неважно.

Ведь хороший хозяин своего скакуна – каким бы он ни был никчемным – не продавал, когда тот состарится или потеряет способность к бегу. Он до самой смерти ухаживал за ним, так же кормил жареной кукурузой, поглаживая, поил кипяченой водой. Кто же хотел, чтобы люди узнали коня таким, какой он есть, ты с таким трудом заставлял думать о нем как о настоящем коне, даже если это не так, привязывая его рядом с конями хороших хозяев! Ведь тот, кто узнает твоего коня, узнает и тебя и скажет другому: «Ну надо же, оказывается, вот здесь-то я и мог его превзойти!»

Кто же захочет в этом случае, чтобы его узнали!

Когда Махмуда спросили: «Как ты получил этот дар? Что в тебе было такого, чего не было в других людях?» – шейх, говорят, ответил: «Я ничем не отличался от других: как и все, молился пять раз в день, держал уразу. Правда, жены с более трудным характером, чем у меня, не будут на свете ни у одного мужчины.

Когда в одну из ночей я утвердился в мысли оставить ее, я обратился к Всевышнему с обетом: «О Всевышний! Чем отправлять эту женщину домой, чтобы она сделала несчастным еще одного человека, лучше я передам наше дело в Твои руки и, опираясь на Тебя, справлюсь с этим, Ты – Всевидящий!» В ту ночь я и получил свой дар настолько, что смог бы понять содержание документа, который лежит перед царем в Петербурге!

Наградит тебя Всевышний даром или не наградит, будет тебе от Всевышнего снисхождение или не будет – оказывается, от плохой жены могут быть рождены плохие дети – смотря на то молоко, какое они пили.

Дети, рожденные от плохой жены, во всем поддерживают только мать, эта женщина превращает их в твоих врагов, изо дня в день вызывая в них ненависть к тебе.

Потом, когда они вырастают, мать и дети становятся на одну сторону, часто стараясь убедить тебя в своей правоте, превзойти, что ничего более не остается, как выйти из дому с возгласом: «Алейлай!»⁴ Выйдя из дому – выносил позор на люди, оставшись – становился тем же, что и они, либо согласившимся с ними, либо довольным ими.

Ни Всевышний, ни люди, ни власть не смогли бы остановить такую женщину так, как это сделали бы рожденные ею дети. Они могут остановить, но никогда не останавливают.

Убереги Всевышний от женщины, у которой нет ума, как и от женщины, к которой нет доверия и вдобавок к ним – от женщины, которая видит в муже только кобеля.

Часто споры, возникающие с такими женщинами (не важно, с какой именно из них), затягивались на месяц, год, не приходя ни к какому решению. Слышал, как знававшие истинных женщин говаривали, что зачастую ссоры с женщиной продолжались только до тех пор, пока высыхала слезинка.

Эх, кьонаху, оказалось, никогда не поздно жениться – хоть ему шестьдесят, сто или двести лет. Оказывается, кьонах должен был ходить по всему свету в поисках женщины, подходящей ему по характеру, которая где-то ждет и рождена где-то именно для него.

На хорошей женщине можно было жениться хотя бы на один день, на один час или на один миг. Хотя бы для того, чтобы разок взглянуть ей в глаза.

Юность, оказывается, обманывает человека, во всем виноваты глаза, глаза, которым нет покоя! Никогда нельзя доверять глазам, особенно глазам, сияющим по весне. Они видят только внешнее, содержание им не дано разглядеть, словно нет верхней и нижней оболочки.

Говорят, хозяин дома, когда у него остановился на ночь молодой кьонах, спросил того, куда он направляется, что он ищет.

Гость ответил, что вышел на поиски счастья.

Есть ли у тебя благосостояние, спросил хозяин, женат ты или нет?

Мое благосостояние таково, что если семь лет подряд будет стоять засуха, я смогу содержать семь селений, ответил гость, жену же, достойную меня, найти не удалось до сих пор.

Когда они завершили трапезу, хозяин сказал своей жене, чтобы она разрешила арбуз для гостя.

При виде жены, появившейся с арбузом, хозяин дома повысил на нее голос: «Почему ты принесла маленький арбуз? Отнеси этот и принеси другой!»

Жена вернулась с другим арбузом.

«И этот плох, выбери другой, и чтоб я больше не кричал на тебя!» – возмутился хозяин.

Когда же в третий раз жена появилась с арбузом, хозяин сказал: «Раньше надо было принести этот арбуз, а не ходить туда-сюда, теперь разрежь его!» – хозяин замолчал, продолжив слушать прерванный разговор гостя.

Утром, когда гость засобирился в дорогу, хозяин спросил его, помнишь ли ты арбуз, который мы ели вчера вечером.

Гость ответил, что помнит.

Ты видел, как я несколько раз отправлял жену обратно, чтобы она выбрала другой арбуз, спросил хозяин.

Видел, ответил гость опять.

Этот арбуз был у нас единственным оставшимся из трех арбузов, которые принес нам гость накануне ночью. Сначала жена принесла арбуз, показывая его нижнюю часть. Во второй раз, показывая его верхушку. В третий раз, повернув боком. Ни разу на мои слова она не ответила возражением, хотя я был не прав.

Оставив поиски счастья и благ, поищи лучше хорошую жену, ибо все это: счастье, благо, богатство – есть в хорошей женщине, ответил, говорят, хозяин своему юному гостю.

Гость оттуда же вернулся домой, поняв, в чем заключается счастье.

Как-то падишах и очень горделивые князья отдыхали вместе. Насытившись пищей, припустив пояса, богачи прилегли на подушки на ковре, затем спросили друг друга, что бы хотел каждый из них в этой жизни.

Один пожелал умножить свое богатство на столько же.

Второй сказал, что хотел бы стать падишахом трех земель.

Третий ответил, что его желание – быть хозяином Вселенной.

Двое первых пристыдили его, разве простит Аллах, что ты посягаешь на Его власть.

«Вы меня неправильно поняли, – не принял их обвинений третий, – если бы вы не знали меня, а я вас и жил бы я в построенном на окраине села домике, имея на ужин только то, что заработал в течение дня, в мире и согласии с хорошей, покладистой женой, – вот тогда бы я и был властелином мира».

Двое других князей погрузились в мысли, поняв правоту третьего.

Но кто же не хотел владеть этим миром, чтоб он стал тебе, как сноха, и чтобы был тебе должен!

Кто не желал видеть благо, богатство в одной женщине, чтоб ее имя разнеслось по свету со словами «жена такого-то», чтобы твое горе стало горем народным, твоя радость стала людской радостью!

Лучше бы ты, Мочак, стал мужем сироты, выросшей без отца и матери, брата и сестры, но хорошей женщины, ведь, кроме этого, ты никогда ничего не искал на этом свете!

Эх, эх, сегодня, когда уже совсем стар, нарывая, как прошлая рана, накапливаясь, издали тревожит вывод Ичи, который он сделал, когда не откликнулись на его просьбу.

Как-то Ичу позвали уговорить жену, чтобы та простила умершего мужа⁵. Ича трижды обратился к ней с просьбой.

Женщина не произнесла слов прощения.

Оттуда, не сядя на своего коня, он возвращался домой пешком через несколько сел. Друзья сказали ему: «Ну что ты, Ича, почему ты так тяжело переживаешь это? Подумаешь, какая разница, простила жена или нет. Она же, наверное, какая-то дворняжка в женском обличье. Сядь на коня, оставь ненужные обиды».

«Нет-нет, – заговорил Ича, – я не потому расстроен, что она не произнесла слов прощения, а потому, что в двух-трех местах свидетельствовал о том, что ее муж Адал-Керим – кьонах. Если бы он был настоящим кьонахом, он бы не состарился со столь плохой женщиной, так что он оказался не таким кьонахом, как я думал. В сердце рождаются сомнения, ведь мужчина не состарился бы рядом со столь плохой женщиной».

Оказывается, хорошая жена нужна мужу в старости больше, чем в молодости. В молодости-то сам по себе ходишь, а в старости, эх! Старость – это не дело.

Не дело это молодость, за которой следует старость, не дело это жизнь, после которой наступает смерть!

И даже если кьонах подпирает небеса, сотворить из женщины настоящую женщину он все равно не сможет.

Если Всевышний сам не устроит так, то ничего никогда не получится, в том числе и сын не вырастет, достойный своей земли.

Он и есть владелец весов.

Взвешивает тоже Он.

Гири от тех весов тоже у Него.

Грозный, 1991 г.

Перевод с чеченского Лидии ДОВЛЕТКИРЕЕВОЙ

¹ Кьонах (чеч.) – молодец, удалец, соблюдающий чеченский кодекс чести.

² Паднар (чеч.) – деревянная кровать.

³ Мотт кхобу нус (чеч.) – букв.: сноха, которая бережет речь. По чеченскому обычаю, в первые дни после свадьбы невеста хранит молчание с родственниками мужа.

⁴ Галейлай! (чеч.) – междометие, передающее одновременно возмущение и удивление.

⁵ Имеется в виду обряд прощения, когда спрашивают собравшихся на похоронах: «Простили ли вы умершего? Можете ли вы свидетельствовать за него перед Всевышним?»

Башир Тимурзиев**Злая мачеха-судьбина
не сломила нас**

На постели рано утром
из объятий сна
Криком, руганью и матом
был разбужен я.

Очи матери в испуге
на штыки глядят,
А братишки на топчане
у стены лежат.

– Пять минут! – орет детина
и сжимает ствол,
Вынимает он гранату
и кладет на стол.

– Торопись, мамаша,
ждет тебя курорт,
В Казахстане будешь кушать
яблоки апорт.

Побросали нас в машину,
как ненужный хлам,
И за нами вслед влезает
«благодетель» сам.

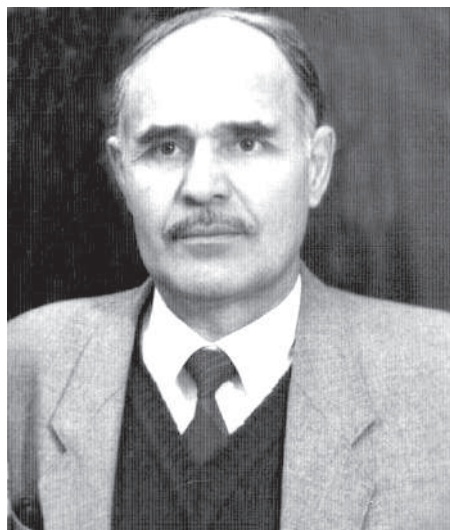
Нас три брата у мамыши,
нет отца у нас,
Что нажила мать годами,
отнято сейчас...

Нас сгрузили на разъезде
прямо в мокрый снег,
Не укрыться, не согреться –
наступил конец.

Валит снег тяжелый,
мокрый,
без конца валит,
Неизвестная дорога
впереди лежит.

Чтобы ясно все вам было,
должен я сказать:
В феврале все это было –
вы должны понять.

Сколько лет во мне таится
стужа того дня,
Отогреться хоть немного
дай, судьба моя...

Полустанки и разезды...
нет числа им, нет,
И на каждом полустанке
чей-нибудь «конец».

Эшелоны, эшелоны
все несутся в даль,
И в сердца они вселяют
жгучую печаль.

Оскорбленья, униженья
пережили мы,
Но достоинство не теряя,
домой вернулись мы.

Злая мачеха-судьбина
не сломила нас:
Мы вернулись в край отцовский
и строим свой Магас!

Жернова

Горечь тяжких лет
В памяти жива...
Погас белый свет,
Помню жернова.

Было б что молоть,
Я был всегда готов.
Нечего продать,
Лишь матери дотув¹.

Ей память дорога:
Силы нет его продать,
Но и детям есть
Нечего ей дать.

Дети есть хотят,
Еле живы все.
На полу лежат,
Не встают уже.

Вытирая слезы,
Село обошла,
Продала дотув
И смерть прогнала.

Я молот зерно,
Крутил жернова.
Гореть не хотели
Сырые дрова.

Эти дни с тех пор
И село Орнек,
Как совести укор,
Не забыть вовек.

Рухнул наконец
Тиран и урод.
Трудом и упорством
Выжил наш народ.

Лет шестьдесят прошло,
Горечь не прошла.
Еды: ешь – не хочу,
Нет нужды в дровах,
А я все кручу
Во сне жернова...

На восток

Стук колес, стук колес,
Паровозный гудок –
Гулким эхом леса
Откликаются.
В воспаленном мозгу
Безнадежный вопрос:
За какие грехи
Причитается?
За какие грехи?
Не узнать,
Не спросить,
Мир «теплушкой» холодной
Кончается...
Кто-то стонет во тьме,
Кто-то требует пить,
Кто-то в кашле сухом
Надрывается...

Паровозный гудок,
На восток! На восток!
А на западе – злая пурга...
Смерти плюнув в лицо,
Сняв с гранаты кольцо,
Стал отец на пути у врага!
В сердце ярости ком,
Не забыться во сне,
А вагон все скрипит,
Все качается...
И в ночной тишине
С паровозным гудком
Детский плач воедино
Сливается...
Сон иль явь – не понять,
Дайте искру огня!
Затопите сознание
Светом!
Мглу ночную гоня,
Утро зимнего дня
Над землей занималось
Рассветом...
Полустанок глухой,
Бесконечной тайгой
Лес и лес без конца,
Без начала.
У раскрытых дверей
Мать троих сыновей
Исступленно молитву
Шептала.
Зарычал паровоз,
В очи, полные слез,
Опрокинулось небо
Бездонное...
И под грохот колес
Мне ответ на вопрос
Бросил ветер в окошко
Вагонное...
Мать – родная земля!
Эх, ты Родины ширь!
Где полей, где лесов
Край кончается?
Вьется снежная пыль,
Поезд мчится в Сибирь,
Впереди в муках день
Начинается...

¹ Девичье нагрудное украшение из серебра с позолотой.

Алвади Шайхиев

В 1991 году роман Алвади Шайхиева «Жребий» о трагедии чеченского народа в период депортации готов был к выпуску отдельной книгой в Чечено-Ингушском книжном издательстве. В это же время оказавшийся в Москве автор знакомится с новыми архивными документами, проливающими свет на

события 23 февраля 1944 года. Следом Шайхиев звонит в Грозный директору издательства и просит отложить книгу, объясняя это своим желанием доработать и внести кое-какие поправки. Несмотря на увещевания и просьбы издателя отказаться от столь поистине беспрецедентного поступка (ведь книга буквально на днях должна была выйти в свет), Алвади остается непреклонен и сразу по приезду домой забирает свою рукопись. Но роман так и не увидел свет: во время боевых действий в Чеченской Республике дом Алвади Шайхиева будет разрушен, сгорят многие литературные работы писателя. На сегодняшний день сохранились только две начальные главы романа, которые были в том же 1991 году опубликованы в №№ 2,3 альманаха «Литературная Чечено-Ингушетия» с пометкой «продолжение следует». Но, к сожалению, и журнальному варианту не суждено было появиться на свет – развал СССР и революционные настроения, что захлестнули республику, привели к тому, что альманах после того номера закрылся.

Однако даже эти две сохранившиеся главы говорят о том, что нас ждало очень значительное произведение, которое могло бы стать явлением в чеченской литературе. К годовщине депортации вайнахского народа мы знакомим наших читателей с главами из романа «Жребий».

Жребий**Глава первая**

Автобус пришел за пятнадцать минут до отправки. Как только распахнулись двери, люди, которые до этого стояли, сбившись в кучки, с набитыми сумками, мешками и прочими ношами, хлынули в салон, стараясь опередить друг друга. Все прекрасно знали, что их места никто не займет, однако – такова уж человеческая природа! – каждый стремился побыстрее пробраться вовнутрь и надежно усесться в предназначенное для него сиденье. Хотя спешка эта только мешала людям, никак не способствуя приближению к цели.

– Давайте подниматься по одному, ведь не на водяной пожар спешим, да и лезем-то не в поезд, который бы ушел, оставив на перроне нерасторопного, – урезонивал водитель толпу, желая пропускать пассажиров по билетам, но никто не хотел внять его увещеваниям. Видя, что все его старания тщетны, он отошел от двери, решив заняться проверкой билетов, когда все рассядутся по местам.

День был воскресный.

Успевшие купить билеты уже влезли в автобус и, протискиваясь сквозь толчею, все так же пробивались к своим вожделенным сиденьям. Оставшиеся у двери снаружи человек пять-шесть, в их числе и одна старушка, которым не достались билеты, продолжали стоять в надежде, что их возьмут и так. Прекрасно понимая их, шофер, закончив проверку билетов, прошел вперед и объявил:

– Все на местах, кроме одного.

Человек, очевидно, мягкосердечный, водитель, когда никто из безбилетных не тронулся с места и после этих его слов добавил:

– Молодые люди, не стойте, пожалуйста, – мест нет. Попробуйте добраться на попутках. Была бы возможность – я никого б не оставил. А возить стоячих нам запретили: дорога длинна и трудна.

Старушка, которая стояла перед дверью, поставив свой мешок прямо у входа, заторопилась вскинуть его на спину, хотя сказанное водителем и не относилось к ней («Молодые люди, не стойте, пожалуйста...»). Шофер понял, что она собирается делать, и сочувственно предложил:

– Ты, бабушка, подожди немного, если хочешь.

Возможно, он сказал это из учтивости, а может, и из искреннего желания помочь ей. Что ни говори, старый человек, кроме того, что стар, еще и немощен.

– До отправки остается целых пять минут, – взглянул водитель на часы. – Если тот, у кого этот билет, не появится к тому времени, поедем вместе.

– Вай-й, мне же так надо попасть домой! – в голосе старушки прозвучала одновременно и растерянность, и надежда. – Ведь, если придется заночевать здесь, у меня тут нет ни одного знакомого, и города не знаю, чтоб искать приюта. Если можно, я бы пристроилась где-нибудь в уголочке...

– Бабушка, бывает нередко, что, имея билет, уезжают со случайно попавшимися знакомыми, не сдав его, лишь бы уехать пораньше. Если тебе улыбнется счастье, он не придет до нашей отправки, – сказал шофер, принимая близко к сердцу озабоченность старушки, в которой по ее произношению узнал аккинку.

Видя и слыша все это, Акбулат спокойно стоял в стороне, как и до прихода автобуса, и курил, поставив у ног маленький чемоданчик, будто всем своим видом показывая, что никуда не спешит. Не будь он на автостанции и с чемоданчиком, никто, наверное, и не подумал бы, что он собрался куда-то ехать, – так внешне беззаботно он стоял.

Акбулат вообще предпочитал держаться подальше от подобных сутолок. Поэтому, если ему когда-либо и выпадала какая-то удача, то выпадала в последнюю очередь. Но сегодня он заметил нечто новое для себя. Обращаясь к старушке, шофер оба раза как бы подчеркивал, что она для него не посторонняя: «...поедем вместе», «...не придет до нашей отправки». Это его «мы», «наша» приятно отозвалось в душе Акбулата. На своем жизненном пути он встречал немало молодых людей, любивших бравировать словами «я» и «мною», не располагая ничем существенным, даже таким мизером, который уместился бы под ногтем мизинца. А этот был не из таких. И Акбулат понял это сразу. Будь шофер человеком хоть с малой толикой самомнения, он бы не преминул подчеркнуть свою «значимость»: мол, я, так и быть, отвезу тебя.

– Дай Бог, что ему повезло и он уехал. Как я была б ему обязана. Если уехал, то, Бог даст, что-то и получится.

Немного помолчав и тихо проговорив:

– Ну а счастья, которого лишился какой-то бедняга, мне не надо, – пожилая женщина отодвинула от подножки автобуса свой мешок, как бы освобождая проход для неведомого обладателя того последнего билета.

Оставив чемоданчик, Акбулат достал из внутреннего кармана пиджака свой билет и направился к автобусу. Заметивший его шофер воскликнул:

– О, ты оказался здесь? Что же ты не сел, заставлял нас переживать? – и виновато посмотрел на старушку, словно говоря ей этим взглядом: «Видишь ли, я и хотел бы тебя возить, но вот не могу».

Акбулат ничего в ответ не сказал.

Он взял у старушки мешок, который та растерянно подхватила было при его появлении, и внес его в салон. Она стояла растерянная, ошеломленная, не понимая, что делает этот парень, и не находя слов, чтобы выразить свои чувства.

Акбулат вышел из автобуса.

– Бабушка, счастье, которое ты связывала с билетом, у тебя есть, – улыбнулся он ей. – И пусть тебе сопутствует удача, как сегодня, на каждом шагу.

Акбулат протянул ей билет. Хоть он и не допускал мысли, что она человек беспомощный, но ему почему-то было ее до боли жаль. По всему было видно, что она не из тех женщин, которые почти каждый день ездят в город. Те-то всегда найдут на чем уехать даже среди ночи, а доведется остаться на ночь – их будет ждать всегда и жилье. А ее, похоже, привело сюда какое-то неожиданное, срочное дело.

– Поднимайся, твое место – седьмое. Мешок твой я поставил там же.

– Вай-й, молодой человек, умереть мне за тебя, как так можно? Нет, не поеду я, клянусь Создателем нашим, даже если автобус этот идет напрямик в рай. Оставив тебя? Нет! Ни за что! Как так можно? Сейчас же вынесу мешок, – засуетилась старушка. – Не такое уж у меня и неотложное дело дома. Это же у меня просто к слову пришлось.

– Не мучь себя, бабушка. Я никуда не еду, пришел просто проводить одного знакомого. И билет был куплен для него. Но, как видишь, он не подоспел вовремя, – соврал он. – Вам всем – счастливого пути!

Акбулат подхватил свой чемоданчик с лежащим на нем плащом и зашагал своей дорогой.

– Подожди, молодой человек, не спеши, может, он еще подоспеет до отхода автобуса, – умоляюще позвала его пожилая женщина.

– Счастливо доехать! – отозвался Акбулат, ускоряя шаг. Вскоре он скрылся в заметно поредевшей толпе людей на небольшой базарной площади.

– Усаживайся, бабушка, трогаемся, – подал голос водитель со своего места старушке, которая все еще не решалась подняться в автобус. – Нам с тобой сегодня действительно повезло.

Она поднялась. Сидящие показали ей ее место. Когда она расположилась удобно, автобус уже вышел на асфальтированную широкую трассу и мчался в восточном направлении. Вдруг старушка спохватилась, что не заплатила за билет.

– Мы, старики, – одно горе! – горестно завздыхала пожилая женщина. – Какой стыд! Оставить-то я его оставила, но еще и деньги вернуть забыла, ох, забыла же.

– Разве б он остался, отдав тебе билет, когда бы ставил честь ниже стоимости проезда? – сказал сидящий рядом пассажир. – Благородная, видать, мать его баюкала.

– Бог да сопутствует ему. А я была ни жива, ни мертва, думая, что уже осталась здесь ночевать, – говорила старушка. – Как мне подсобил этот молодой человек, как помог...

– Может, он просто воспользовался подвернувшимся случаем, Дариг, чтобы провести в городе еще одну ночь, – сказала ей на ухо женщина с заднего сиденья. – Нынешней же молодежи ничего больше не надо, лишь бы бить баклуши.

– Ради Бога, не говори так, Хаби, не бери грех на душу. Он же... Он же... Я же как на угольях сижу, потому что осложнила ему дорогу.

– А вот в наше время такую услугу восприняли бы как само собой разумеющееся, – заметила еще одна женщина. – Теперь же стоит кому-то из молодых сделать какое-то доброе дело, даже незначительное, и мы не перестаем удивляться этому.

– Но ведь время такое, – вступил в разговор сосед Дариг, седобородый старик. – Когда молодые почтительны с нами, нам надо отвечать им благодарностью. Очень приятно, когда, уважая нас, они не пересекают нам дорогу, уступают место, не допускают развязности. Мне кажется, если б мы, старшие, воспринимали все это с благодарностью и в ответ сами показывали им свою благовоспитанность, у них бы было больше рвения услужить нам.

– Это ты верно говоришь, – согласился другой пассажир. – Как сказал Бож-Али, мы тоже должны быть, подобно пиле, и к себе подвижны, и от себя. Ведь мы порой хулим сегодняшнюю молодежь слишком запросто.

При упоминании о Бож-Али многие рассмеялись, хотя смешного в приведенной его реплике было мало. Наверное, им вспомнились разные комичные моменты из его походов.

– Умей лбности себя и стар и млад – наши бы прекрасные обычаи так не поредели...

– Если хотите послушать, я бы рассказал вам про то, что видел собственными глазами, – предложил все тот же старец.

– Поучения старших никогда не лишни, расскажи, пожалуйста, – пододвинулся к нему сидящий сзади.

Старик выждал, пока уляжется шум в салоне, и начал свой рассказ.

– Было это несколько лет назад. Еще до того, как автобус, который шел в Шатой, свалился в пропасть. Вы же слышали, сколько людей погибло при этом несчастье?

– Слышали, конечно, – подтвердил кто-то впереди. – И на похоронах были. Рассказывай, отец.

– Да отпустит им Бог все прегрешения. И да уберезет Всемогущий всех нас от невидимых бед. С тех пор...

– Аминь! Аминь! – послышалось со всех сторон.

– ...С тех пор, – продолжал старик, – я слышал, запретили возить в автобусах стоячих пассажиров... Так вот что было летом того самого года. Нам попалась такая же, как эта, маленькая машина. Когда трогались, людей в салоне было не очень много – оставались даже пустые места. Но до выхода из города шофер набил машину до отказа. Старшие – сидя, те, кто помоложе, – стоя, – мы продолжали свой путь в неимоверной духоте, обливаясь потом. Вскоре шофер вновь остановил машину, и к нам кое-как втиснулся какой-то старик с мальчишеским вон на том сиденье, – он указал рукой на сиденье рядом с передней дверью, – поднялся и, с трудом протаскиваясь сквозь толчею, усадил старика на свое место. Сам стал рядом, согнувшись в две погибели, чтоб не упереться в потолок. Был он очень высокого роста, поэтому приходилось ему нелегко, а передвинуться на другое место было невозможно. Когда выезжали из Аргуна, сосед того, кому он уступил место, вылез из автобуса. И вы думаете, старик подвинулся и вернул ему его место? Куда там!

Как только высвободилось сиденье, старик потянул к себе за руку подростка, который с ним был, приговаривая: «Пролазь скорей сюда! Живей!» – и посадил его рядом с собой. Так и ехали оба до конца, не обращая никакого внимания на мучения высокого мужчины. Вот так вот...

– Бессовестный был человек, – подытожил кто-то.

– И как земля таких терпит...

– Тому мужчине надо было взять ублюдка за шиворот и отшвырнуть от своего сиденья...

– Разве в такой семье может вырасти нормальный человек? Только подонок...

– Уважать седину обязаны все. Но когда ум опережается старостью – нет на свете ничего страшнее.

– Вот я и говорю, – снова овладел разговором седобородый старец, старшие должны уметь и быть уважаемыми, и других уважать. Кому же захочется одаривать таких, как тот, учтивостью?

– Вряд ли тот мужчина впредь уступит свое место старику.

– Не решусь так утверждать. Мы говорим о вежливости, благородстве, доброте – о том, что должно вкладываться в душу ребенка с момента его рождения. У того же старика были когда-то родители, у мальчика же того тоже когда-то появятся свои дети. Мальчик рождается на свет, чтоб стать мужчиной. И он должен оправдывать это имя всей своей жизнью. Молодой человек, который ушел, отдав свой билет вот этой женщине, сидящей рядом со мной, сделал для меня сегодня мир светлей и радостней. Да будет он угоден Богу! И благородный дом, взрастивший его, – тоже!.. Да, чуть не забыл. Знаете ли вы, как поступил водитель того свалившегося в пропасть автобуса, про который мы сейчас говорили? Когда машина, соскользнув с откоса, повисла над бездной, он непроизвольно ступил одной ногой на подножку, открыл дверь и собирался прыгнуть. Потом вдруг у него мелькнула мысль: «Ох, умереть мне на месте, какой позор я чуть не навлек на себя!» – и остался. Об этом я слышал от тех, что были в том автобусе.

– Бедняга, предпочел умереть вместе с остальными, чем допустить малодушие и навлечь на свой род позор.

– Так оно и есть, – согласился старик и продолжил эту мысль. – Не с виновного спрашивали чеченцы, не его осуждали, когда кто-то кого-то обворовывал или причинял кому-то иное зло, а ставили вопрос так: «Знал ли он, кто и чей человек тот, на кого он посягал?» – тем самым распространяя вину за содеянное и на весь род злоумышленника. Провинность любого человека черным пятном ложится на его потомков, на всех его родственников и остается на них на веки вечные. Об этом мы как-то мало задумываемся. А надо бы.

Все были согласны с суждениями старика. Поэтому в салоне установилась тишина, полная раздумий.

Акбулат прошел через рынок и направился к центру города. Поездка сегодня не удалась. Из-за старушки ли она не удалась или ему самому не очень хотелось ехать – на это он и сам, пожалуй, не смог бы ответить с исчерпывающей ясностью. Причина могла быть как одна, так и другая. Но одно он знал твердо: завтра с рассветом быть ему в пути, какое бы страшное ненастье ни обрушилось на землю. Это было вне всякого сомнения. Ну а сегодняшняя одна ночь ничего не решала для него ни здесь, ни там.

Акбулат еще издали заметил на углу частного дома убогого старика, который сидел, поджав под себя скрещенные ноги и положив перед собой свою затасканную шапку. Он сидел там же и несколько часов назад, но тогда пробежавший мимо Акбулат как-то не обратил на него внимания.

Давно не соприкасавшаяся с гребенкой длинная седая борода явилась в кольца, а на недавно бритой голове еще не успели отрасти волосы. Одежонка на нем была хоть и старенькая, обветшалая, но без каких-либо заплат и помарок, чисто выстиранная.

Старику пора было подняться и поковылять домой – осенний ветер к вечеру стал пронизывающим. Да и прохожих поубавилось: изредка покажутся по одному – по два, да и те торопливо прошествуют дальше, ни его и ничего вокруг не замечая. Это были люди, по разным причинам задержавшиеся в городе и теперь спешащие на автостанцию.

Еще не дойдя до старика, Акбулат, перекладывая ношу из руки в руку, похлопал

по одному и другому брючному карману. Потом, не ощутив звона мелочи, снова взял из правой руки чемодан с плащом в левую и полез во внутренний карман пиджака, извлек оттуда трехрублевую бумажку. Приблизившись к старику, бросил деньги в его шапку. Взгляд его невольно задержался на сегодняшнем сборе нищего – жалкий капиталец, в основном одни лишь медяшки.

Акбулат хоть и проскочил было мимо, не задерживаясь, но успел заметить, что старик не придавал его взносу никакого значения. На мгновение он взгляделся в его глаза. Глазницы были запалые, вернее, под ними зияла пустота.

Старик был незряч.

Акбулат прибавил шаг. Ему захотелось побыстрее от него отдалиться. Почему? Этого он и сам не знал. Какое-то неясное чувство, внезапно возникшее в нем, оттолкнуло прочь мироощущение, взяло управление им на себя. Однако и тогда в глубине души осталось одно несомненное: как бы быстро он сейчас ни отдалялся, старик этот долго еще будет оставаться в его памяти. Акбулат хорошо знал это.

«Тоже воля судьбы, – не замедлили нахлынуть на него печальные думы. – Вот ослеп человек – и жизнь для него остановилась, и суждено ему влачить существование, стоя на этом месте, на этом пронизывающем ветру, в нестерпимом зное, под холодными осенними дождями, под снегом, который валит здесь нещадно. Осталось одно лишь это место, остался этот обшарпанный угол, на котором стоять ему и стоять с протянутой рукой, пока смерть не смиловится над ним, отвергнутым жизнью... А ведь бурлит она вокруг, жизнь-то. Равнодушная к его судьбе, к его страданиям. Ему бы броситься за ней, догнать ее... О, как бедняге не хватает солнечного света!.. Возможно, он и чувствует, что некоторые нет-нет да и пожалеют его, но не видит и, увы, уже никогда не увидит, что одни проходят с каменным равнодушием на лицах, другие, быть может, искренне сочувствуя, кидают в шапку мелочь, а третьи с издевкой отпихивают ногой от прохожей части эту шапку, его кормилицу. Он ничего не видит – ни добра, ни зла.

Он выше всего этого. Он любил, он был любим, но налетел неистовый шквал судьбы и выбросил его из семьи, оторвал от родственников, друзей и товарищей. Что ж делать, Аллах предостерегает правоверных от гордыни при богатстве и ропота на судьбу при нищете, не дает человеку права кончать жизнь самоубийством ни при каких обстоятельствах. Вот и стоит старик здесь, на этом обвеваемом всеми ветрами углу, который знаком ему – на ощупь – по двум щербинкам, где раньше гнездились два кирпича, по осыпавшейся чуть выше штукатурке да еще по двум ступенькам, на которые можно иногда взнести усталое тело.

В одном судьба все-таки оказала ему милость: освободила от необходимости взирать на тех, кто, увидев его, презрительно кривит рот в мерзопакостной ухмылке. Несчастлив ли он тогда? А может, как раз счастлив? Нет, не оказавшемуся на его месте не дано это узнать. Человек никогда не задерживается в состоянии счастья. Увидит впереди еще более заманчивое – и устремляется к нему, позабыв про все, о чем мечталось и что сбылось. Вот для этого старика сейчас пока высшим благом бы стало зрение. И это не так много в сравнении с чаяниями зрячих. Но для него оно – все.

Судя по тому, как он чист и ухожен, кто-то о нем заботится. С чем эта забота связана? С родством? С жалостью? С виноватостью? Это пока остается тайной.

Поскольку надвигающаяся ночь – осенняя, холодная, – кто-то сейчас должен прийти за стариком. По-видимому, он сейчас и ждет этого человека. Но тот все не появляется. Возможно, ждет, пока совсем стемнеет, чтобы увести его домой, не попадаясь никому на глаза. Или стоит где-то в стороне и выжидает, когда на улицах не останется никого. Главное не это. А то, что тот, предполагаемый

благодетель, докатился до такого бедственного положения, что вынужден сажать просить подаяния несчастного старика. Тогда зачем стыдиться его общества? Вот что непонятно.

На свете ничто не случается беспричинно. И в том, что случилось со стариком, повинно либо какое-то обстоятельство, либо кто-то, либо он сам. Допустим, беда случилась по вине того человека. Ну что ж теперь? Утраченного слепому уже все равно не вернешь. Но где то воздаяние душевностью, которого он заслуживает? Не видать. Вот и озлобился, наверное, старик на судьбу. Не потому ли оставил без внимания брошенные ему в шапку деньги?...» Пусть так, пусть зол, но чем он-то, Акбулат, виноват перед ним? Он же дал ему свои три рубля от души! Не бросил небрежно медные копейки, как другие. Хотя, может, и бросил бы, если б нашлись. Не тряс ли он сначала свои карманы, чтобы услышать звон? Тряс, еще как! И во внутренний карман пиджака полез лишь тогда, когда убедился, что мелочи нет. Но, как бы там ни было, он все же старался сделать добро. А старик этого не оценил. Нет, заниматься такими благодеяниями Акбулат не согласен. Сделанное добро – большое ли оно или малое – должно быть замечено, оценено. Иначе оно перестает быть добром.

Акбулат не требовал в душе особой благодарности себе. Ну, пусть не произнесет слово «спасибо», хотя и от этого слова ни у кого язык не отнимется, но пусть бы просто благодарно кивнул ему головой. Но не сделал же старик ни того, ни другого. Поэтому и те, что проходят мимо равнодушно, словно в груди их и не бьется сердце, и он, Акбулат, – одно и то же. По понятиям старика. «Стало быть, не стоит он сочувствия, – подытожил Акбулат свои мысли. – Правильно оставляют его люди без соучастия».

Акбулат расстроился до того, что хоть вернись и забери свои деньги обратно. Тут ему вспомнилось слышанное когда-то в детстве мудрое изречение: «Не хочешь ссориться с соседом – не давай ему займы». Но, как ни силился он, никак не смог вспомнить, когда и по какому поводу эти слова были при нем произнесены.

«Это та маслобойка, которой масло мне самому сбивать», – качнул головой Акбулат и рассмеялся над самим собой, вспомнив, как мать с ласковой укоризной выговаривала ему когда-то за детские оплошности.

На автостоянке было лишь несколько человек. Акбулат, по своему обыкновению, не стал подходить к ним, остановился чуть в сторонке. Он и сам не знал, куда ему сейчас податься. Он еще не имел времени подумать об этом. Просто решил действовать по обстоятельствам, когда доберется до центра города. Акбулат вообще не любил загадывать наперед, особенно в столь незначительных для него ситуациях. Всегда шел до тех пор, пока не упирался в «стенку». И лишь тогда начинал думать о ночлеге.

Что-то еще неосознанное защемило в сердце Акбулата. Потом ему вспомнилось, что с утра, после того, как в буфете выпил бутылку кефира да съел кусочек сыра, он не подкреплялся больше ничем. Не оттого, что в спешке забыл пообедать. Просто почему-то Акбулат сегодня чувствовал себя сытым. А теперь, когда он понял, что никуда не поедет и останется здесь еще на одну долгую-долгую ночь, голод дал о себе знать.

«Прежде всего, надо поужинать», – решил он. Потом, как бы для того, чтобы приглушить голод, вынул из кармана сигарету, закурил.

«Куда бы податься? – задумался Акбулат. – В столовых еда обычно не очень привлекательная. Тем более в такое время». Никогда не имевший жены, он, питаясь и до работы, и перед возвращением в свою холостяцкую квартиру в буфетах да столовых, знает это не по слухам. Правда, с этим городом он не знаком, как не знаком и с тем, как в нем поставлено общественное питание. Но разве оно может быть здесь лучше, чем в других городах? Вряд ли. Поэтому в нем крепнет желание идти в ресторан. «Там хоть посидеть можно спокойно до самого его закрытия, обдумывая, где провести ночь».

Однако вскоре он отказался от этого своего решения: чуть попозже зал ресторана ходуном заходит от усердной «работы» музыкантов. А он ох как не переваривает, когда какой-то горе-певец включает на всю громкость магнитофон и шарлатанствует с микрофоном в руке, делая вид, что поет. Этот-то еще город маленький. Но ведь даже в больших ему часто доводилось наблюдать, как в ресторанах разводят трескотню бездельники от эстрады, будто мир обеднел на настоящие таланты. Тут они вообще потеряли стыд – минувшей ночью он имел возможность в этом убедиться. В ресторане «Кавказ», глазом не моргнув, пригоршнями собирают деньги. Главным образом, «песельники» обирают приезжих. «Нет, надо найти место потише».

Он подошел к молодой паре, о чем-то перешептывавшейся чуть в сторонке.

– Прошу прощения, не подскажете ли, где бы можно вкусно поесть? – прервал их беседу Акбулат.

– А вы приезжий? – ответил вопросом на вопрос парень, повернувшись к Акбулату и смерив его взглядом с ног до головы. Похоже было, что он теряется в догадках, всерьез ли он интересуется тем, о чем спрашивает, или подошел, чтобы вызвать их на разговор.

Акбулат улыбнулся, поняв, что молодой человек принял его за празднотающего, желающего привлечь к себе внимание его девушки.

– Вчера провел здесь единственную ночь. В «Кавказе», – ответил он без тени шутовности в голосе.

– Ресторан «Кавказ» – один из лучших в нашем городе, – заметил парень. Потом, видимо, желая дать понять своей подруге, что он в ресторанах не завсегдатай, добавил: – То есть... я так слышал от людей.

– Мне бы не хотелось шумных мест. Там у меня от музыки голова кругом идет.

– Понятно. Тогда, если я вас правильно понял, вам, выходит, нужно такое место, которого еще не коснулась зараза двадцатого века, – почесал затылок незнакомец. – Значит...

– Коля, что за противные речи ты ведешь? – резким движением скинула со своего плеча руку ухажера девушка. – Он же вовсе не настроен шутить. – По всему было видно, что ей не понравилось его неуместное замечание.

– Но я ведь ничего такого не сказал, – смутился тот.

– Еще бы ты стал что-то говорить!

– Извините меня, я не хотел причинять вам неприятностей, – посчитал неприличным не вмешаться Акбулат.

– Вам, наверное, будет спокойнее в привокзальном ресторане. Он отсюда не очень далеко.

– Спасибо.

– Отсюда туда ходит девятый автобус. Останавливается вот здесь, – девушка посмотрела в ту сторону, откуда должен был появиться автобус. – Да вот, кажется, он на подходе. Точно. Коля, – повернулась она к парню, – может, и нам с тобой в нем поехать?

– Ждали-ждали пятерку, а теперь этим ехать? – Было заметно, что парень порядком обижен.

Еще раз поблагодарив их и извинившись за причиненное беспокойство, Акбулат, затянувшись напоследок, выбросил сигарету и направился к автобусу.

Когда все вышли, он, поднявшись в салон, нечаянно глянул в окно и обратил внимание на недавних своих собеседников: теперь парень и девушка стояли спиной друг к другу.

Такова вот она, жизнь! Вечно выказывает свои капризы. И по самому неожиданному поводу.

Ресторан и впрямь пришелся Акбулату по душе. В зале было тихо и чисто.

На еще никем не занятых столах хрустально сверкала аккуратно расставленная умелыми руками посуда, – видимо, ресторан открыли только что, после перерыва. Самое главное – не было видно нигде уголка, предназначенного для музыкантов.

Акбулат прошел к столу у углового окна и сел спиной к стене, так, что весь зал теперь был у него на виду. Взглянул на часы. До семи оставалось еще несколько минут. Он и так знал, что времени должно быть не больше, но, еще раз убедившись в этом, почувствовал, большое удовлетворение. Ему выпала возможность дать отдохнуть ногам (сегодня он не имел ни минуты передышки) и посидеть допоздна наедине со своими думами. Ну а остаток ночи можно провести и на вокзале.

Откинувшись на спинку стула, он вытянул ноги под столом и расслабил узелок галстука...

Хорошо зная Акбулата вместе со всеми его привычками, я все же, приведя его в ресторан, мучился после этого больше двух недель, не в силах определить, как с ним быть дальше. Нет, не над тем я ломал голову, чтобы сочинить о нем что-то от себя, вовсе нет. Меня мучило совсем другое – то, что герой мой начал проявлять признаки самостоятельности, неповиновения моим замыслам.

Конечно, я бы не погрешил против истины, позволив ему спокойно поужинать и отдохнуть, тем более, что это отвечало и его желанию. А потом бы, когда он выйдет из ресторана...

Впрочем, я и преследовал-то совсем иную цель, хотя послушно шел за ним до тех самых пор, пока он не расположился удобно за столом. Однако, будучи человеком мягкосердечным, я не мог не удовлетворить его желание, поскольку он устал и проголодался. Раз действие происходит не в месяц уразы, зачем доводить его до того, чтобы у него живот к спине прилип? Человек все-таки, и голоду подвержен, как и всякий другой.

Хочу здесь же раскрыть и один секрет – ведь от этого мне рано или поздно все равно не уйти. Акбулат – не просто герой моего романа, он его главный герой. Ну как тогда могу я, автор, быть с ним черствым! Ведь я его жалею и люблю. Хотя он своим поведением уже разносит в пух и прах все, что мной возведено в мыслях. Если ему это удастся, то мне придется, как говорится, вытереть рукавом все, что было, и начать сначала. Но ведь это ни в мои цели не входит, ни в мысли не укладывается. Имеет же все и свою цель, и свои расчеты.

Словом, сами скажите, что должно было преобладать во мне в тот вечер в ресторане?

Если бы вдруг случилось так, что официантка не стала его удостаивать своим вниманием, да и если бы, по случаю немногочисленности клиентуры, обслужила его без проволочек, все равно Акбулат, казалось бы, должен был неспешно заняться своим ужином, разбавленным воспоминаниями. Ведь известно: писатели широко используют такие мгновения для знакомства читателей со своим героем. Это освобождает автора от пространных рассуждений о герое. И, что очень важно, – он тем самым сохраняет в нем союзника, так как к этим воспоминаниям героя склоняет не автор, а они оказываются вызванными его, героя, желанием и конкретными обстоятельствами или (опять-таки по его желанию!) обстановкой, в которой ему довелось быть. Автору тогда остается только махнуть рукой, мол, если что после и случится непредвиденное, в этом виноват ты сам. И совесть его будет чиста и перед ним самим, и перед читателем. А что еще нужно автору!

И еще вот что. Если бы Акбулат предался воспоминаниям или размышлениям (а размышления – одна из форм раскрытия внутреннего мира человека), то никто б не осудил меня за то, что я привел его в ресторан, пусть бы там даже не произошло ничего существенного.

Но ведь именно это-то меня теперь и беспокоит! Зачем я его сюда привел? И сам я зачем последовал за ним?

Мучительно ищу ответы на эти вопросы и не нахожу, к какой бы общей причине их свести. Скажем, кто-то выпил сверх меры и полез с кем-то драться, а Акбулату пришлось вмешаться – тогда бы все было оправданно. Ну, пусть бы и без драки обошлось (да хранит нас от нее Бог!), пусть бы Акбулат просто с кем-то разговорился – и получилось бы, что я привел его сюда, чтобы выделить какую-то черту его характера. Но не случилось же ни того, ни другого не только за весь вечер, проведенный им в ресторане, но и за всю ночь, которую ему пришлось коротать на перроне.

Размышляя так, я начинал злиться на себя. То и дело появлялось искушение оставить его в покое и переключиться на другое произведение – ведь сколько их у меня, начатых, но не доведенных до конца из-за дефицита времени. Удерживало меня от этого шага то, что моя беспомощность в отношении образа Акбулата могла перекинуться и на других героев. Если автор испытывает страх перед своими героями, не может совладать с их характерами, тогда ему не останется ничего другого, как положить ручку и отойти от своего рабочего стола.

Более двух недель пребывал я в этих колебаниях. Вновь и вновь перечитывал вот эти строки, заканчивающиеся многоточием: «Откинувшись на спинку стула, он вытянул ноги под столом и расслабил узелок галстука...»

Как хорошо, размышлял я, что если ничего больше не придумаю, то, оставить ли его в этом положении или нет, – целиком и полностью зависит от меня самого!

Появлялось искушение таким образом сорвать на Акбулате свою злость. Так бы я, наверное, и поступил, если б Акбулат вдруг сам не пришел мне на помощь, вернее, если б в моем сознании вдруг не высветилось одно утро...

Поехав по творческим делам в Москву, я остановился в 574-м номере гостиницы «Центральная». Не отличаясь особой благоустроенностью, для приезжающих ненадолго она удобна своим расположением в центре города, особенно если к тому же в ней оказывается свободным отдельный номер. Гостиница эта, находясь на главной улице столицы – улице Горького, соседствует с Красной площадью. Попав туда однажды случайно, теперь я, приехав в Москву, каждый раз спешу устроиться именно там, а не в гостиницах первой категории. Связывает меня с ней очень многое...

В то утро ко мне, совершенно неожиданно, пришел Акбулат. Поздоровавшись со мной за руку, он не расположился, как обычно, на диване, закинув ногу на ногу, а сцепил за спиной руки пальцами и принялся мерить пол, прохаживаясь от двери к окну и от окна к двери. Было видно, что он чем-то мучается, хотя на лице его это и не отражалось. Поэтому, чтобы успокоить его, я сказал ровным голосом:

– Дай немного отдохнуть ногам. День ведь только начался, и они тебе еще понадобятся.

Он не ответил ничего, и я попытался перевести разговор на шуточный лад:

– Москва слезам не верит. Разве ты, столько здесь живя, до сих пор не понял этого?

Вместо того, чтобы поддержать шутку, он остановился рядом со мной, все так же держа руки за спиной, и сказал:

– Ты писатель. Твое дело – вдыхать в людей души. Или, если сказать иначе: наделять людей человечностью.

– Не преувеличивай, – перебил я его. – Но в одном ты прав. Ты, наверное, хочешь сказать, что писатель должен быть таким, если он настоящий писатель?

– Не прибедряйся – люди все равно не смогут оценить по достоинству эту твою «бедность».

– Я просто хотел довести до тебя с самого начала различие между писателем

и писакой. Случаются и такие, кто, опубликовав в газете пару стихов или пару рассказиков, уже рвутся к всеобщему признанию, бия себя в грудь, мол, я – поэт или я – писатель. Человека писателем не делает даже выпуск его книг, если он не найдет признания у народа. Так что я еще не считаю себя уже сложившимся писателем.

– Я тоже того же мнения. Но сейчас я совсем о другом.

– Я слушаю.

Дело писателей – будить в человеке человечность, – подкрепил Акбулат свою прежнюю мысль. – Если его творчество не направлено к этой цели, его писанина не стоит и пятака. Вот я – физик. То есть работаю по этой части. Мне тоже, как ты сказал про себя, много чего надо, чтобы стать настоящим физиком. Я все еще только кандидат наук. Ладно, оставим это. Наши изыскания, физиков, в сравнении с вашими, направлены совсем к другим целям. Мы стремимся познать законы природы. Но пока что природа не имеет языка, чтобы говорить с людьми. Может, и имеет, да не говорит. Не хочет раскрывать своих тайн. Поэтому люди должны научиться языку природы. Эту задачу взяли на себя физики.

Он вновь прошелся к окну, опустил голову и заложив руки за спину. Какое-то время задумчиво смотрел на улицу.

Я решил ни единым словом не мешать ему высказаться до конца. Молча ждал я, пока он приведет в порядок свои мысли и заговорит вновь. Не заговорит – мне терять нечего. Не я же его взбудоражил! Кроме того, я же ясно дал ему понять, что еще не считаю себя писателем, как бы мне ни хотелось им быть. Это давало мне право на случай, если я вдруг не захочу ответить на какой-то вопрос Акбулата или не найду, что ответить, отделаться мягкой шуткой такого, скажем, содержания: «Акбулат, я не очень давно сошел с дерева, поэтому то, что ты говоришь, не доходит до моего сознания. Я еще не успел встать на ноги – на это требуются века и века. Так что давай попусту не ломать голову над тем, что недоступно для ума». Но сначала я должен выслушать его. И я готов сделать это.

– Эту обязанность взяли на себя физики, – повторил он, восстанавливая оборвавшуюся нить разговора. – Но не это я хотел тебе сказать. Я хотел сказать тебе нечто другое. – Руки Акбулата, сцепленные пальцами за спиной, разжались. Указательный палец высвободившейся правой руки вместе с локтем взмыл вверх, словно предстоящий разговор имеет непосредственное отношение к потолку или к небу. Но палец этот задержался там лишь на мгновение – резко отдернутый, будто обжегшись о потолок, он тут же ринулся вниз и, когда рука согнулась в локте и выпрямилась, стрелой метнулся ко мне и уперся в грудь.

– Я хочу поделиться с тобой мыслями другого плана. Ты понимаешь?

– Понимаю, – сказал я, изменив тем самым своему решению ни словом не перебивать его. Не отмалчиваться же, когда тебе задают вопрос. – Понимаю, что ты хочешь сказать мне что-то «другое», но никак не возьму в толк, что означает это «другое», – чистосердечно признался я. – Хотя и присутствует в моей фамилии корень «шейх», но ты же знаешь, что никакой я не шейх?

– Это-то мне давно известно, – холодно улынулся Акбулат.

– И мне самому тоже.

– Ну, раз мы оба это знаем, дальше нам и говорить будет легче.

– Я тоже так думаю.

– Договорились. Тогда слушай. Поскольку вопрос, который заставляет меня задумываться с давних пор, касается главной цели твоей работы, мне хочется услышать ответ на него от тебя.

«Что же это за вопрос, – думал я, – которому нужно столь пространное вступление? Поскорей бы он его задал!».

Теперь я был по-настоящему заинтригован.

– Как я сказал раньше, – продолжал Акбулат, – вы в своих произведениях превозносите чистоту сердец, справедливость, верность, любовь, святой долг людей перед страной, перед народом и друг перед другом. Словом, все то, что призвано делать человечество человечным. Все, что противостоит этим понятиям, вы отвергаете. И правильно делаете. Потому что жестокости и дикости на свете и в нашей несчастной жизни предостаточно и без воспроизведения их писателями. Так вот, ты мне одно скажи: почему вы хотя бы в своих произведениях не делаете всех людей одинаково счастливыми?

Акбулат остановился прямо напротив меня, выжидающе глядя мне в глаза. Я удивился такому вопросу.

– Но ведь у каждого человека своя судьба, дорогой мой...

– А как ты понимаешь слово «судьба»?

– Тогда скажу более конкретно: у каждого своя жизнь.

– Однако у одного человека только одна жизнь, дорогой мой! – проговорил он, повтором моих слов выражая свое недовольство моим ответом. Что ж поделаешь, это его право. Он волен соглашаться со мной и не соглашаться. Я ж пока снял с себя долг, ответив на вопрос по-своему. Пусть дальше сам прядет свои мысли, если это ему угодно.

Я подхожу к столу и начинаю перебирать свои беспорядочно разбросанные бумаги тайком, так, чтобы он не заметил, наблюдая за ним. Всем своим поведением я, сев к нему спиной и занявшись своими делами, стараюсь показать ему, что разговор на этом окончен и, более того, все, о чем мы говорили, мне абсолютно безразлично. Но по тому, как удивленно и пристально Акбулат разглядывает меня, мне понятно, что он меня не понял. Вдруг, поморщившись, как от какой-то кислотины, Акбулат, согнувшись пополам, опускается на диван, принимает свою обычную позу, закинув ногу на ногу. Потом обеими руками обхватывает верхнее колено, сцепив пальцы, и начинает мерно раскачиваться из стороны в сторону, как маятник часов, постукивая по полу носком левой ноги. Теперь, когда он молчит, мне трудно угадать, о чем он думает. Если он таким образом выражает свое недовольство или обиду, то это – укор моей совести, совести хозяина. Что ни говори, а Акбулат сегодня мой гость. Пусть мы находимся всего лишь в номере гостиницы, но номер этот – мое жилище, хоть и временное. Поэтому, раз мой ответ его не удовлетворил, – а это видно по его сосредоточенному молчанию, – или, быть может, ему не терпится услышать от меня что-то более вразумительное, мне ничего другого не остается, как снова нарушить свой обет молчания и удариться в рассуждения о ведомом мне и неведомом.

По примеру Акбулата я также начинаю издали.

– Видишь ли, Акбулат, – говорю, – мне еще сызмальства приходилось слышать от старших об одной вещи. По их суждению, выходит, что каждый человек рождается на свет с ангелом и чертом в душе. Не будем гадать о том, какого они цвета: красного, белого или черного. Пусть люди по разным причинам и наделили их, не видя воочию, этими цветами, но ведь каждый цвет в нашей жизни одинаково значим, так же, как значимы день и ночь. Для нас не это главное. Главное – то, что внутри человека при рождении сидят и ангел, и черт. Из них двоих один проповедует ДОБРО, а другой – ЗЛО. Это их противоборство, начавшись с момента рождения человека, длится в нем на протяжении всей его жизни. Представь себе: человек не был и не будет никогда свободен в своих помыслах, потому что и добро, проповедуемое ангелом, и зло, проповедуемое чертом, – это те две позиции, которые, попросту говоря, представляют собой не что иное, как оковы, кандалы, наручники для человека, как капкан для его души. Они ставят ограничения перед его волеизъявлениями. Разве человек, следуя воле ангела и, следовательно, желая сделать кому-то добро и устремляясь осуществить этот благородный порыв, тем самым не ущемляет гнездящегося в нем черта в его злокозненных замыслах? Точно так же и ангел

принимается чинить препятствия черту, когда тому вздумалось взяться за свои черные дела.

– Ну и что ты этим хочешь сказать?..

– Не спеши, Акбулат, дай закончу. Теперь мы видим, что человек ни на миг не свободен в своих желаниях. А несвободный в желаниях никогда не может быть счастливым в том смысле, какой в это слово вкладываешь ты. А знаешь, что нужно человеку, чтобы быть счастливым?

– Я заглянул Акбулату в глаза, ища в них ответа на свой вопрос, но в пасмурно-печальном взоре их ничего не увидел. Это зеркало человеческой души было отуманено давно поселившейся в нем печалью. На мой вопрошающий взгляд отозвались только его плечи. По их едва заметному движению я полнял, что мне пора закругляться, не прибавляя ему мучений этими тягостными размышлениями. Но лишь только я собрался это сделать. Акбулат, не довольствуясь тем, что сказали мне его плечи, тихо спросил:

– Так что же нужно?

Права мои теперь удвоились. Уже могу «лить воду», сколько заблагорассудится. И очередь говорить – за мной. Я спешу воспользоваться этим.

– Чтобы быть по-настоящему счастливым, человеку недостаточно иметь, как это думается некоторым, набитый до отказа кошелек да прочее богатство. Это – дело наживное, при старании добывное. Удивительно другое. В поисках и добывании этих жизненных благ помощь и поддержку люди находят опять-таки от названных нами ангела и черта. Одни ищут благ, заручившись поддержкой ангела, другие делают это с помощью вероломств, подсказываемых чертом. Тут нельзя забывать еще об одном. Бесконечно воюя между собой: один – против зла, а другой – против добра, – оба в конечном счете одерживают победу друг над другом.

И еще одно обращает на себя внимание: если ангел, будучи носителем совести и добра, никогда не отступает от велений совести, благородства и деликатности, то черт ради достижения своих целей не гнушается ни вероломством, ни коварством, ни предательством. Его сущности чужды понятия «друг» или «брат», «родич» или «не родич». Он вынашивает одну единственную цель – сотворить зло. Потому и побед у него бывает больше, чем у ангела. А может, нам так кажется.

То ли не желая обидеть меня, не дослушав до конца (я-то был бы только рад, если б он прервал мои суждения и мы переключились на другую тему, потому что то, чем я загружаю его мыслительную мельницу, я и сам до сих пор не анатомировал с такой скрупулезностью. Не знаю даже, откуда пришли мне на ум эти ангел с чертом), то ли не в силах разобраться в моих словосплетениях, но Акбулат теперь, весь округлившись, подперев рукой подбородок и перекосив голову, внимательно слушает меня, словно вопрошая, уж не беглец ли я из сумасшедшего дома. А пружина заведенных мною часов красноречия и не собиралась ослабнуть. Поэтому, в полной мере используя его молчание, я опять берусь за свое.

– Кто знает, может, нам так кажется, – начинаю я со слов, на которых остановился, как бы заполняя ими вкрадывающую паузу. – Мы этого не знаем, хотя ангел и черт всюду следуют за нами тенью, ни на вершок не отставая, навсегда слившись с нашей сутью и плотью. Но одно нам известно доподлинно: они обделили нас в главном – в свободе. В свободе желаний. А ведь всяк живущий на свете одинаково нуждается в осуществлении как воли добра, так и воли зла.

Я на время замолкаю, чтобы посмотреть, как Акбулат прореагирует на мои последние слова. Кроме того, мне важно узнать, слушает ли он меня или, не слыша, о чем я толкую, погружен в какие-то свои думы.

Результат вознаграждает меня. Акбулат весь востепенен – терпение его,

очевидно, было на пределе. Невидимая веревка, которой он будто бы окрутил себя, вдруг ослабла, и расслабившаяся пружина дивана словно подбросила его.

– Как и в осуществлении воли зла тоже?

Этот вопрос он метнул в меня, когда утвердился на ногах, с таким видом, с каким выплевывают нечаянно сунутую в рот кислую алычу.

Значит все-таки слушал!

– Да, и в осуществлении воли зла, – отвечаю я. И прежде чем Акбулат успеваешь удивиться, добавляю: – Чтоб уравнивать весы.

Акбулат начинает нервно прохаживаться по комнате. У меня в памяти всплывают давнишние мои стихи:

Кто-то свадьбой шумной брызнет,
Чье-то счастье умыкнувши,
А другой, справляя тризну,
Плач в людском участье глушит.

Я повторяю их вслух так, будто до этого мы ни о чем особенном не говорили. Акбулат оставляет стихи без внимания – даже не смотрит в мою сторону. Он стоит у окна в прежней позе. Так проходит некоторое время. Уткнувшись в газету, я замираю возле стола. Хоть глаза мои и бегают по строчкам, читать их я не способен. Все мое поведение – это поведение человека, которому тягостна неожиданно навалившаяся тишина, но который в то же время сознает, что надо что-то сделать, чтобы ее нарушить.

– «Чтоб уравнивать весы», – слышу я наконец и напрягаю слух. Он все еще стоит спиной ко мне. Вдруг он резко оборачивается:

– То, что ты мне сейчас говорил, – это та самая жвачка, которую я столько времени жевал и пережевывал, – медленно произносит он. – Но в твоей столь продолжительной речи одно осталось для меня непонятным. Зачем ты и добро, и зло ставишь на одни весы?

– У меня не было времени на бегу менять весы, – пытаюсь я обратить в шутку вопрос Акбулата. – А ты что, взвешиваешь эти два понятия на разных весах?

– Хотелось бы.

– Что ж, это в твоей воле.

– Мы не понимаем друг друга. Вместо того чтобы дать прямой ответ на мой вопрос, ты прочел мне целый философский трактат, как будто мы тут на философском диспуте. А вопрос мой был краток и понятен: почему вы хотя бы в своих произведениях не делаете людей одинаково счастливыми? Давай оставим философию философам.

Акбулат полез в карман и вытащил первую за все время пребывания у меня сигарету. Протянул пачку мне:

– Закуришь?

Удивившись себе, что так долго не вспоминал про курево, я тоже беру одну.

– Если я правильно понимаю то, что объясняли мне когда-то в школе, во времена Ньютона физику тоже называли философией. – Сделав большую затяжку, я выдыхаю дым тонкими кольцами. – Но мои знания по физике не продвинулись дальше школьной программы.

– В доньютоновские времена, – поправляет меня Акбулат. – Эти две науки разделились лишь потом.

– Стало быть, философия не чужда и тебе. Ну а что до твоего вопроса, то я на него ответил в меру своих способностей. И мне кажется: стоит ли продолжать этот разговор? Каждый влачит существование по предписаниям судьбы...

– Но на одного человека отпущена лишь одна жизнь, дорогой мой! Понимаешь? – сказал он. – И каждому хочется испить до дна сладость этой дарованной ему

природой единственной жизни. Или, может, я ошибаюсь? – Он упал на диван и вновь закинул ногу на ногу. Но, прежде чем я успел заговорить, вскочил как ошпаренный, подошел к окну и по-прежнему задумчиво уставился взглядом на улицу. (Я и после этого много раз замечал, что Акбулат, будучи чем-то очень взволнован или обуреваем нахлынувшими мыслями, имел обыкновение подходить к окну и грустно наблюдать за гонимыми собственными судьбами людьми). Постояв так немного, он вновь, но уже спокойней, повернулся ко мне:

– Одно я знаю, – похоже, он сам нашел ответ на свой вопрос, – человеку, понимаешь ли ты, каждому человеку, должно быть, одинаково отпущено и счастье, и невезение. Пусть это будут ангел и черт, про которых ты говорил. Некоторые слишком интенсивно растрачивают свое счастье, мол, да гори оно завтра синим пламенем, другие – более сдержанно и бережливо. У первых к старости ничего не остается, кроме несчастья. Вторые, наоборот, всю свою молодость затрачивают на то, чтобы встать на ноги. Все счастье таких приходится на старость. Однако трудно сказать, который из этих двух типов более счастливый.

Я внимательно слушаю Акбулата. Мне пока еще не ясно, к чему он клонит. Не ясно, зачем он затронул эту старую как мир, тему, над которой во все времена ломали голову все без исключения люди и на главный вопрос которой – вопрос о счастье – не смог дать ответ никто.

Быть может, он хочет намекнуть на свое несчастливое детство? Если это так, то он ведет к тому, что теперь или в будущем он должен быть счастливым. Но не могу же я ни дать ему счастья, которого у него нет, ни отнять того, что есть. Он же только что сам сказал, что каждый сам должен беречь свое счастье. Если следовать этой логике, то и дорогу к своему счастью каждый должен находить сам. Раз уж разговор вертится в той плоскости, которую закрутил Акбулат, то у меня появляется возможность, не отрицая всего, что он сказал, поделиться с ним своими суждениями о счастье. Когда начинался этот разговор, я не предполагал, что он придаст ему столь большое значение. Поэтому и замечания мои носили шуточный оттенок.

– Если человек живет только для себя, то счастье ровным счетом ничего не стоит, – сказал я. – В масштабах всего человечества один отдельно взятый человек не более чем былинка, хоть мы и твердим, что это целый мир...

– Извини, – перебил меня Акбулат. – Ты мне напомнил одно изречение по этому поводу. Постой-ка, сейчас... Вот, вспомнил. Автор сказал, что поскольку одной бомбой можно уничтожить сто тысяч человек, то он считает своим долгом поведать всему миру о том, как велика ценность каждой отдельно взятой человеческой жизни. Хотя я и не привожу это дословно, но смысл таков. Я имею в виду всемирно известного Альберта Швейцера. Ты слышал о нем?

– Извини меня за невежество, но я о нем ничего не знаю.

– В нашей печати мало сведений о Швейцере. Но он был человеком величайшего таланта, поражающего воображение. Умер в 1965 году. Хоть и немало времени прошло с тех пор, но споры о нем не прекращаются до сегодняшнего дня. Одни утверждают, что это был ни с кем не сравнимый представитель эпохи Возрождения, волей судьбы заброшенный в наш беспокойный XX век. Другие считают, что Альберт Швейцер был представителем грядущих времен. Писатель, музыкант, архитектор, искусствовед, врач, философ, исследователь религий мира... Во всех этих и других родах деятельности, с которыми ему приходилось соприкасаться, он оставил свой яркий след. А Нобелевскую премию в 1953 году ему вручили как борцу за мир. Таковы вкратце его некоторые жизненные вехи. Ну а что касается нашего с тобой спора, то твое утверждение, будто человек в сравнении с человечеством не более чем былинка, не сходится с мнением Швейцера. Я же придерживаюсь его учения. Хочешь узнать, когда и в каких условиях он сказал те слова, которые я тебе сейчас привел?

Я утвердительно киваю головой.

– Он готовился оперировать беременную женщину, когда к нему вбежала медсестра и сообщила, что на японский город сбросили атомную бомбу. Вот тогда-то он это и сказал. И потом, сделав сложнейшую операцию, спас от смерти и мать, и ребенка.

– Дорогой мой, – обращаюсь я к нему, – я не только согласен с этим Швейцером, но, будь на то моя воля, вложил бы его слова в душу каждого человека. Я же не отрицаю великую ценность отдельно взятого человека в человеческом море, я ведь тоже знаю, что море это состоит из таких отдельных личностей. Ну а... Ну а!.. Как бы это сказать?.. Да, я хотел сказать, что во множестве утрат одна отдельная утрата легче во множество раз. Возьмем, к примеру, войну. У двух воюющих сторон никогда не может быть одинаковых потерь. История не знает таких случаев. Сильное государство, естественно, причинит слабому больше вреда. Это понятно. Потом, после подсчета потерь, это сильное государство, сравнив свои утраты с утратами слабой стороны, заявляет, что оно добилось победы над врагом с минимальными потерями. И оно потом празднует свою победу, считая ее своим триумфом, хотя он ему и достался ценой человеческих жертв. При этом не берется во внимание ни тысяча, ни десять тысяч, ни миллион загубленных жизней. Про них помнят и их оплакивают лишь родственники и близкие, то есть меньшинство народа. В этом смысле так называемая общая свадьба по сути своей не оказывается таковой. Для одних – свадьба (победа), для других – слезы (похороны). Если позволишь, я бы привел тебе еще один пример.

– Ну давай, я слушаю, – Акбулат поднимает опущенную голову, поудобнее устраиваясь на диване.

– Настоящий друг ради друга принимает даже смерть, если это спасет друга. Но смерть эту он принимает не из нелюбви к жизни или к ее благам. Просто он делает это по велению долга, считая счастьем смерть за друга. Или возьмем, например, семью. Дети всегда желают счастья своим родителям – и в молодости, и в старости. Точно так же, как те же родители всегда желают того же своим детям. Счастье – одно во все времена. Если оно есть, то есть, нет его – значит нет. Его невозможно делить на молодость и старость.

– Покружив по всему свету, ты опять-таки опустился на мои плечи? – с ленцой улыбается мне Акбулат.

Это его замечание я оставляю без внимания. Пытаюсь наши с ним (а может, мои собственные) суждения строить в заданной мной канве. Ловлю себя на мысли, что мне безразлично, поймет ли он меня или нет. Будет слушать меня или не будет. Поэтому спрашиваю его:

– А как открыт закон всемирного тяготения?

И тут же мне представляется, как, чуть не сбросив всадника, некий воображаемый конь резко шарахается в сторону. Но наездник натягивает узду, и конь, обогнув опасное место, вновь оказывается на первоначальной тропе. Всадник принимает прежнюю позу в седле.

– Ньютоном, ты имеешь в виду?

– Да.

– Тебе нужна формула? – достает он из внутреннего кармана карандаш.

– Нет, меня интересует случай, который дал Ньютону возможность открыть этот закон.

– Яблоко, которое упало ему на голову?

Акбулат смеется. Одними лишь зубами да голосом. Глаза же его смотрят на меня печально.

– Дорогой мой, – по всему видно, что он не принимает меня всерьез, – «Эврика!» – воскликнул только Архимед, хотя...

Мне важно в самом начале пути не выпускать вожжи из своих рук.

– Не спеши с выводами. Чтобы крикнуть: «Эврика!» – Архимеду пришлось

купаться, а Ньютону, чтобы открыть закон всемирного тяготения, пришлось отдыхать под яблоней, то есть – сознательно или бессознательно – нам это без разницы, – но оба они шли навстречу своим судьбам. Ты подумай: в квартирах нынешних горожан ванны во сто раз лучше той, в которой купался Архимед, ну а в садах жителей сел – множество яблонь, ломящихся от плодов. Однако ни те, ни другие – даже когда при купании вода льется через края ванны или при отдыхе под яблонями падающие с ветвей яблоки набивают им шишки – не вспоминают ни Архимеда, ни Ньютона, хотя и живут в соответствии с открытыми ими законами. Стало быть, каждый человек сам открывает свой мир. А вместе с тем и свое видение счастья... Тебе доводилось бывать в наших горах?..

Тут я запинаясь, поймав себя на том, что перемалываю многократно молотое веками. Но вода уже пущена под жернова, и мне не хочется останавливать их вращение.

– А почему ты это спрашиваешь? – отвечает он вопросом на вопрос.

Я теряюсь в догадках, то ли он спросил это машинально, то ли хотел, чтоб я выразился яснее. Поэтому продолжаю вращать свои жернова.

– Видел чеченские башни? Они удивляют каждого своим совершенством и великолепием, хотя воздвигались, казалось бы, без каких-либо вспомогательных средств. И нет к ним, вроде бы, никаких дорог, кроме почти незаметных троп. А знаешь ли ты, как наши предки, не имея никаких геодезических приборов, умудрялись находить тот единственный вариант серпантина, который позволял подняться к башне не только пешему человеку, но даже подводе? Оказывается, эти гениальные зодчие гнали впереди себя старую, изможденную тяжестью лет коровенку и, следуя за ней по пятам, помечали ее след валунами. По этому пунктиру потом и пролегла дорога. Ласточкиными гнездами лепятся к скалам каменные башни, поражая воображение даже самого невозмутимого скептика. Огромного труда стоила каждая из них людям, носившим им камни на эту верхотуру на спине и там их обтесывавшим. Однако они не ленились это делать, потому что их счастье и счастье их потомков всецело зависело от этих башен, возводимых в поте лица. Чтобы устоять перед многочисленными нашествиями внешних врагов, у них не было никакого другого оружия, кроме этих башен, мужества и спаянности. А сегодня накопленной человечеством мощи достаточно, чтобы в мгновение ока взорвать весь наш мир. Ты это знаешь лучше меня. Вот и выходит, что сегодняшняя борьба за счастье каждого человека, каждого народа неотделима от борьбы за счастье всего человечества...

Я резко обрываю свои излияния, вдруг заметив, что Акбулат, все так же кольцом сложив руки за спиной, вновь стоит у окна, глядя на улицу. «Да что я так разошелся, – думаю, – Акбулат же, много учившийся и имеющий звание кандидата наук, все это знает во сто крат лучше меня. Зачем я так старательно разжевываю ему эти общеизвестные истины?»

Мне становится неловко перед самим собой.

Акбулат погружен в свои думы. Он ничего не говорит мне в ответ. Это меня устраивает. Почему бы и нет, ведь, признаться, мне перед ним нечего стыдиться и тушеваться – в наших с ним возрастах всего и разница-то года два, не более. Да и та разница уже стерта общим количеством прожитых лет. Все же мне досадно, что он внутренне отрешился от меня и что эту досаду приходится скрывать. Виноват я сам, потому что, пытаясь поддержать затеянный им разговор, нес эту околесицу. Да, виноват я сам...

Вдруг от окна, где он стоит, до слуха моего доносится:

Кто-то свадьбой шумной брызнет,
Чье-то счастье умыкнувши,
А другой, справляя тризну,
Плач в людском участье глушит.

Ага! Значит, слова эти задели его за живое, хотя он и не подавал виду! И не только задели, но и остались в памяти. Не впервые удивляет он меня такими неожиданностями. Ну а сегодня – случай особый. Стихи эти непосредственно касаются того, о чем мы говорили сегодня...

– Танцевать умеешь?

Этот его еще более неожиданный вопрос звучит для меня не только ошеломляюще, но и, в не меньшей мере, оскорбительно. Я не могу понять, шутит он или говорит всерьез. Но вопрос задан и ждет моего ответа.

– Умею, как это делает телка на льду, – коротко отвечаю я. Пусть понимает, как хочет.

– А я вот не умею, хоть и очень хотел бы.

В дрожащем голосе его слышится неудовлетворенность собой.

Потом, после, листая записи Акбулата, я наткнулся на такие строки: «...Но я ничего не сделал. А сделать что-то надо было. Если у человека отнялись ноги и недуг свалил его, он должен ползти дальше, хотя бы на руках. Ноги отнимутся – зубами вгрызаться в землю, но двигаться вперед и продвигнуться хоть на аршин. Если не осталось сил ни на то, ни на другое, человек сам должен учинить над собой суд... вынести себе приговор...».

Не знаю, к чему он привел эти слова. Не знаю, собственные ли это его мысли или взятая откуда-то цитата. Но одно знаю: к танцу они не имеют никакого отношения, хотя я их и привожу в этом месте.

Глава вторая

Дап-дип...

Дап-дип...

С трудом, из последних сил бьется леденеющее сердце.

Гарт-гирт...

Гарт-гирт...

Заглушая биение сердца, бешено стучат на стыках рельс колеса вагонов.

Ночь.

Метель.

Изредка – пронизывающий холодом гудок паровоза.

Молодая женщина нашла опору ногам на нижней ступени вагона. Правая рука ее намертво вцепилась в поручень лесенки. Пять скрюченных пальцев держат металл, будто примагнитенные. Левая рука ее прижимает к груди маленького ребенка, а тело изо всех сил обвилось вокруг драгоценной ноши. А поезд несется с сумасшедшей, ни на миг не сбавляемой скоростью к намеченной цели сквозь бурную ночь, словно лишившись управления и впервые испытывая себя на быстроту.

Морозный вихрь пронизывает тужурку, как сито. Этот колючий ветер растрепал в клочья волосы на ее непокрытой голове, и они теперь, запорошенные и оледенелые, свисают неподвижными космами, как натянутый тент. Она сильно вспотела, когда бежала за поездом, и пот этот уже успел превратиться в ледяную корку. Калоши на ногах затвердели, превратились в бесформенные комья. Колени свело стужей, и они не разгибаются, уподобясь ходулям.

Дап-дип...

Дап-дип...

Все медленнее бьется сковываемый холодом пульс.

Гарт-гирт...

Гарт-гирт...

Разрезая пополам слепую ночь и исходя дымом, мчится в бескрайнюю даль поезд.

Две души вступили в круговерти этой ночи в схватку с судьбой.

Одна устремлена на то, чтобы во что бы ни стало вытащить из пасти смерти

две трепетные жизни. А другая, маленькая, нежная, – сегодня впервые учится противостоять жестоким напастям суровой жизни. Она еще не может осознать, понять, за что судьба послала ей эту кошмарную ночь. Этого не знает и женщина, изо всех сил прижимающая к себе ребенка. Женщина, которая никак не может понять, за какие грехи подверглись этим испытаниям она и маленькое дитя, ни в чем не могущее быть виновным. Этого не знает никто на всем свете, во всем этом огромном мире. Их отлучили от домов и очагов, погрузили в вагоны, увозят в какие-то неведомые дали – вот действительность, постигшая их, но непостижимая для них действительность. Куда? За что? Нет на эти вопросы ни единого ответа. Будущее беспросветно, оно в руках Аллаха.

Сколько времени терпят эти два существа такие несусветные муки?

Сотню лет?

Две сотни?

Три?

Это теперь выветрилось из памяти.

Дап-дип...

Гарт-гирт...

Стук бешено мчащегося поезда слышится приглушенно, но явственно. Он, все более и более отдаляясь от ее сознания, глуше и глуше отдаваясь в ушах, в конце концов медленно растворяется в беспределе вечности.

Теперь для женщины этой не существуют ни эти ступени стремянки, ни постепенно замирающие и обрывающиеся на каком-то непонятном тоне звуки, ни поручень, который сжимает ее правая рука, ни ребенок, обвитый ее левой рукой. Ни эта страшная ночь. Перед ней разверзлась сплошная непроглядность.

Перед глазами – только мрак.

И впереди – бесконечная, заснеженная, полная ужасов адская дорога...

Познакомились две женщины вот как.

На одной из очередных станций Майдат, как и она, вышла из вагона, чтобы немного пройтись и дать толику отобранной воли своему затекшему от неподвижности телу. И самое главное – чтобы, если удастся, справить нужду. С этим им приходилось особенно трудно. В их вагоне перемешались и стар, и мал, и старики, и женщины. Впрочем, в других вагонах – то же самое. Правда, в их вагоне мужчинам удалось кое-как в углу просверлить в полу дыру, чтобы, завесив этот угол какой-нибудь простыней, кто-то из самых изнуренных нуждой мог несчастным образом отправить естественные надобности. Однако в набитом до отказа вагоне, где переполнены и низы, и верхи, редко кто решается зайти туда и привлечь к себе взгляды со всех сторон. Особенно стесняются женщины. Мужчины тоже чувствуют себя неловко, потому что в этом маленьком помещении, тесном даже для прыжка лягушки, все на виду. Поэтому их «изобретением» пользуются в основном только дети. Старшие, как бы трудно им ни приходилось, стараются терпеть. Хотя это долготерпение и не проходит им даром.

Чтобы предоставить какую-то свободу женщинам, мужчины в другом конце вагона устроили и свой нужник, но угол этот вскоре пришлось уступить для другого дела: теперь там покоится тело почившей в муках несчастной Секират, сокрытое от лишних глаз завесой. Эта молодая женщина, ни единым стоном не выдавшая своих мучений, как-то неожиданно для окружающих, вдруг изогнулась, изогнулась и отдала Богу душу. Потом люди говорили, что у нее лопнул мочевого пузырь.

С тех пор, как ее втокнули в этот вагон, никто не видел, чтобы она хоть раз сошла на остановке или прошла в специально для них приготовленное место справить нужду. Из-за невозможности предать земле тело ее спрятано

от солдатских глаз до прибытия на место. Если, – не дай Бог! – конвой что-то заподозрит, его снимут на первой же станции, бросят в сторону, забросают снегом и так оставят непогребенным. Ходят слухи, что так поступили с множеством покойников из других вагонов. Один из умерших, бедняга, оказывается, зная, что не дотянет до места назначения, умалил солдат дать ему возможность спокойно умереть на родной земле. Но те даже ухом не повели, оставили его мольбы без малейшего внимания. Более того, наставили на него оружие и, заявив, мол, мы тебе поможем, хотели пристрелить его на месте. Но односельчане обещали взять на себя все хлопоты, и вояки, хоть и неохотно, но уступили. А несчастный, видно, знал, что дни его сочтены. Теперь он обречен исчезнуть с лица земли бесследно, не оставив на ней даже могилы в память о себе. А сколько тут еще таких, отсчитывающих свои последние часы до смерти.

На одной из стоянок Майдат выскользнула из вагона, огляделась по сторонам, не наблюдают ли за ней солдаты, и отошла в сторонку. Но вокруг было пестрым-пестро от высыпавших из вагонов по той же нужде людей, которые спешили оправиться, прячась друг за друга. О том, чтобы опуститься на корточки и остаться незамеченной, не могло быть и речи.

Майдат осторожно пересекла еще одно железнодорожное полотно. Чуть поодаль она заметила штабель из скрученных проволок и досок. На той стороне никого не было видно. Осторожно оглядываясь, она прибавила шаг. Если кто-то из солдат заметил ее, то она уже на мушке его автомата. Божьей милостью никого из солдат сзади не было видно.

Она побежала. Надо спешить. Слишком много потеряно времени на поиски такого укромного места. Поезд может тронуться в любую минуту. Если она отстанет от него... Нет, об этом и подумать страшно. Что тогда будет, и так ясно: она останется одна без надежды на помощь, без языка, чтобы взывать к милосердию, и завтра ее найдут в этой метельной дали, навек скованную морозом. Среди своих – совсем другое дело. Вайнахи принимают гостя, не разбираясь, знаком он им или нет. А какие обычаи правят людьми здесь, кто знает?

Среди едущих с ней в одном вагоне тоже нет ни родственников ее, ни знакомых, однако то, что все они одной национальности, успокаивает, взбадривает. Теперь они не делают между собой различий, не делят друг друга на сородичей и чужих, дальних и близких. Все они братья и сестры. И все терпят одно бедствие, которое их сблизило. Вместе со всеми легче переносятся любые тяготы и лишения. Она по-настоящему поняла это за те несколько дней, которые они едут в одном вагоне...

Его она заметила лишь только приблизилась к доскам. Нет, в аккуратно сделанном свертке, лежавшем на штабеле, она еще не успела разглядеть ребенка, скорее почувствовала это сердцем, потому что, припудренного снегом, который валил крупными хлопьями (именно это помогло ей немного отдалиться от состава незамеченной), самого ребенка невозможно было различить даже с незначительного расстояния.

«Боже мой, неужели его кто-то выбросил?» – подумала она невольно. Майдат на каждом шагу видела, как мучаются матери с малолетними детьми. Особенно – если они грудные. Многие матери потеряли молоко, и причиной тому – это неожиданно-негаданно навалившееся на всех несчастье. Они не находили себе места, доведенные до отчаяния плачем и визгом голодных малышек. Им претило в окружении мужчин выпростать грудь и поднести ее к ротуку исходящего криком дитяти. Этого они не допускали даже в домашних условиях. Наедине с мужьями. Разве могли они изменить этому обычаю теперь, в этой толчее? Ведь многие из них только-только приняли материнство!

Мужчины все это прекрасно понимали. Они видели их положение. Поэтому увещевали молодых матерей через своих жен, чтобы те чувствовали себя не

так скованно. Но это не приносило облегчения. Женщины и сами терпели страшные муки, и почти такие же муки доставляли мужчинам. Они сохраняли за собой право потом, когда закончится этот ад, прямо, без стеснения смотреть им в глаза. Все ведь имеет какой-то конец. Должна же судьба вознаградить и их за долготерпение. Если не в этом мире, то хотя бы на том свете!

О вайнахские женщины! Какими скромными создал вас Всемогущий Бог на этой грешной земле! Как высоко вы чтите честь, благородство и достоинство! Вы с готовностью примете и смерть, чтобы только не навлечь на себя ни капельки позора, не уронить чести и достоинства. Вы знаете, что ваш позор черным пятном ляжет на всю последующую жизнь вашей семьи. И боитесь этого пуше смерти. Ведь вы благословлены Создателем нести высоко святое звание матери! Да не нависнет над вами никогда гнев Господний!

Майдат бросилась к ребенку. Но только она подбежала, как, услышав ее шаги, из-за досок с быстротой молнии вскочила какая-то молоденькая женщина. Не было сомнения, что это мать ребенка. Она пыталась разглядить свернувшееся в коленях платье, но безуспешно. Бедняжка, видимо, изрядно перетрухнула. Тут Майдат не сдержалась, впервые за последние несколько дней расхохоталась, отчего незнакомка залилась краской стыда. Майдат поняла, что их обоих пригнало сюда одно и то же дело. Поэтому она поспешила успокоить смущенную женщину:

– Не надо так стыдиться. Заканчивай, заканчивай свое занятие. А я прослежу, чтоб никто не подошел. Мне не к спеху.

– Я уже закончила. Перейди на эту сторону. Здесь есть куда спрятаться, – женщина наконец справилась со складками платья, схватила горсть снега и, растирая его в руках, направилась к ребенку.

Майдат скрылась за досками.

Когда она вышла из-за укрытия, ребенок уже был в руках матери. Краешек теплого платка на его личике теперь был откинут, и мать легкими движениями пальца вытирала его заспанные глаза. Ребенку было не более пары месяцев.

– Ого, это что за гость к нам пожаловал? – легонько провела Майдат рукой по нежной щечке малыша. – Да не будет тебе сглаза, крохотуля! – и спонула. – Как же нас зовут, а?

– Акбулат, – сказала мать. – Его зовут Акбулат.

Это была стройная, крепкого сложения, лет восемнадцати, как и Майдат, женщина, смуглый цвет лица которой первое материнство приукрасило здоровым румянцем. В вагоне Майдат не замечала ее. Значит, они, скорее всего, ехали в разных вагонах. А может, и в разных эшелонах. В этом мнении Майдат укрепляло то, что женщина говорила на аккинском диалекте.

Майдат в душе позавидовала ей. Если бы в последний момент, когда дело дошло до венчания, неожиданный поворот судьбы не расстроил ее отношения с Бибулатом, то у нее на руках тоже, наверное, был бы теперь вот такой же малыш. И тогда бы она не была, как сейчас, одна-одинешенька.

Сколько провела она после разрыва с ним бессонных ночей! Сколько пролила слез! Долго пребывала она в состоянии, именуемом медиками комой, не осознавая, в этом ли она мире или в потустороннем, словно кто-то исподтишка ударил ее обухом по голове. Иногда, в минуты некоторого просветления, ей казалось, что все это с ней происходит во сне, ибо наяву не может быть такого, не за что судьбе карать ее так жестоко. Хотелось верить: вот проснется она однажды утром, улетучится ужасный сон, мучивший ее, прояснится душа, как небо после черной тучи, которую унесло ветром, и солнце вновь озарит ее. Она была уверена, что они с Бибулатом созданы друг для друга. Так чиста и душевна была их любовь. Или, быть может, ей так казалось. Но, как бы там ни было, ее это чувство иногда и страшило. Ей доводилось слышать, что все в мире должно иметь свою меру. Любящий сверх меры – лишается предмета своей любви. Разве не так случилось с ней? Самых любимых на свете двух людей

– родителей – лишилась очень рано. Потом, когда время почти прикупило боль этой утраты, появился Бибулат.

Не имея в жизни ни одной другой опоры, она всю свою любовь отдала ему, преисполненная веры, что он один наполнит всю ее дальнейшую жизнь безоблачным счастьем. Возможно, так бы оно и было, если бы...

Неожиданно людские языки подставили их любви подножку. Она, эта любовь, как оказалось, и на ногах-то стояла не так прочно, как думалось ей. И узнала Майдат об этом поздно, когда, как говорится, ящерка вскарабкалась на куст. Когда узнала, оказалась в положении человека, прозревшего под водой. Все было потеряно.

Майдат сразу же поняла: струна раз вспыхнувшей любви, если она однажды порвалась, больше никогда не зазвонит так звонко, как раньше, сколь бы тщательно ее ни наладили заново, не издаст прежних чарующих, западающих в душу звуков. Теперь ей не оставалось ничего иного, как смириться с судьбой.

Она отошла в сторону, давая Бибулату пройти мимо, и замерла на месте, подчинив узде устремившуюся было за ним свою душу.

Вскоре пришла весть, что Бибулат женился. А чуть позже стало известно, что он ушел на войну.

Не осталось никаких надежд на возобновление былых отношений. Сердце ее охватило холодом, оледенело.

О, какой бы теперь утешительной была для нее весть о его гибели!

Нет, эта мысль лишь мелькнула у нее в голове и исчезла так же быстро, как и появилась. Она сама ее отпугнула. Очистила свою душу от ржавчины, на мгновение просочившейся в нее, залив ее обильно брызнувшими из глаз слезами. Пусть жребий любви выпал не ей, все же она любит Бибулата. Даст Бог, еще сильнее полюбят его молодая невеста и дети, если им суждено появиться на свет. Поэтому она не имеет права проклинать его. Да ей и не хочется брать грех на душу, накликав беду на семью Бибулата. Чем они-то виноваты? Они не виноваты. И Бибулат не виноват. Да и сама она не виновата. Хотя... Не сама ли она отвергла просьбу Бибулата назначить ночь, сказав ему, что, пока бабушка, мать ее отца (после смерти родителей она жила с бабушкой), лежит больная, она не может выйти замуж, оставив ее без присмотра? Да, все было так. Потому что так подсказывало ей сердце. Замужество при таком состоянии бабушки было бы предательством. Ведь та все время, пока не слегла, на руках ее носила, хлопоча, чем повкуснее накормить, куда помягче усадить.

Теперь и ее, бедняжки, нет рядом. Не долго протянула после того, как болезнь свалила с ног. Но этого короткого промежутка времени хватило сплетникам, чтоб распустить слух, будто Майдат лелеет мечту о другом, встречается с другим. Живи они в одном селе и встречайся почаще, Бибулат бы понял, что это навет. Но встречи у них случались редко. Бывало, приедет он повидаться с ней из своего далекого хутора, а встреча не удастся, и он, расстроенный, уезжает.

Майдат до сих пор не знает, что это было за место, где жил Бибулат. Знает, что какой-то хутор, лежащий где-то далеко в горах, но как он называется и где именно находится, – об этом она его не спрашивала. Считала, что успеет узнать и хутор, и родственников Бибулата, когда станет их снохой. Возможно, это было известно Товсари, жене кунака Бибулата. Но она не спрашивала и у нее. Считала неудобным. Любовь ведь не хутора выбирает. Любовь заставляет полюбить даже собаку соседней избранницы, какой бы злой эта собака ни была. А хутор полюбится тем более.

Когда же в их отношениях появился холодок отчуждения? Да, это было в последнее посещение Бибулата. Из-за тяжелого состояния бабушки она не смогла пойти на вечеринку. Бибулат тогда велел жене Турко, у которого он остановился, передать ей: мол, до сих пор я продолжал мотаться сюда, не желая верить тому, что говорят люди, но сегодня понял, что они правы, и Майдат спасибо за все.

Вот такую весть принесла ей Товсари. Но кто между ними прошелся языком, Майдат не знает по сей день. Она и не пыталась это узнать. То, что случилось с ней, случилось по народной поговорке о том, что к несчастной беда приходит даже из отчего дома. Она умеет, научена жизнью переносить удары судьбы. Выдержит и этот...

– Дай Бог тебе, Акбулат, долголетия, – поцеловала мальчика Майдат.

Как знать, все в руках Божьих. Один лишь Бог ведает, что ждет и его, и нас...

Донесся пронзительный до свиста гудок паровоза. Они прервали свой завязавшийся было разговор и побежали в ту сторону.

Сквозь гудок издали послышался крик:

– Да-а-ри-и-г! Ва-а, Дариг!

Молодая мать, поправляя ребенка на руках, остановилась, прислушалась.

И когда снова донеслось:

– Ва-а, Да-а-ри-г! Да-а-ри-г! – она крикнула Майдат:

– Бежим, бежим скорей, это меня кличут, – побежала как ошпаренная. Но Дариг не пробежала и десятка метров, как вдруг споткнулась о что-то под снегом и, стремительно подавшись всем телом вперед, распласталась ничком на снегу. Выскользнувший у нее при падении из рук ребенок пролетел низко над землей и, упав в нескольких метрах впереди, покотился по снегу.

Растерянная, не зная, что делать, Майдат инстинктивно бросилась к малышу, оставив Дариг лежать в снегу, с криком: «Вай-й мне б за тебя умереть!» А тот лежал, не понимая происходящего и даже не догадываясь заплакать, и только хлопал глазами. Тепло укутанный, он, упав спиной на рыхлый снег, остался невредим.

Когда она с ребенком на руках подошла к Дариг, та как упала так и лежала ниц, раскинув руки, с погруженным в снег лицом. Быстро опустившись на корточки и положив мальчика на колени, она попыталась одной рукой приподнять ее:

– Дариг! Дариг! Что с тобой? Ты больно ударилась, Дариг?

Когда усилия ее оказались напрасными, она отложила ребенка в сторонку, обеими руками вцепилась в плечи Дариг и перевернула ее на спину. То, что Май дат заметила сразу, как только вытащила голову Дариг из-под снега, были красный снег, похожий на пропитанную кровью вату, и торчавший из-под него такой же красный острый конец рельса.

– Дариг! Дариг! – завопила Майдат. Та не отвечала. Снег, прилипший к ее лицу, был тоже обильно пропитан кровью. Майдат осторожно убрала его. На лбу, с левой стороны, у виска, зияла рана, из которой сочилась кровь. Глаза Дариг были широко открыты, но ничего не видели.

Не зная, как быть, в ужасе, Майдат окинула взглядом окрестности:

– Ва-а, орца дальйша! На помощь!

Она бессознательно бросилась к поезду. По железнодорожному полотну, которое она недавно перебежала, куда-то медленно скользили вагоны, без конца и края, заполнив все пространство. Она медленно отступила. Вернулась туда, где лежали Дариг и ее дитя.

Близился вечер.

Усиливалась метель.

Ахмет Денисултанов**Горькое эхо**

Скорбные числа и черные даты –
памяти жертвенной шаль,
святая скрижаль адатов
нас снова зовет в февраль.

Там за чертой исхода
в горных ущельях армада солдат,
в бледно-лиловом,
промозглom восходе
народ уводили в АД.

Людей уводили в жестокий полон,
стар и млад – заложники горя,
слезы, стенанья, выстрелов звон,
день этот страшный
с правдою спорил.

Паперть вокзальных сводов,
телячьи вагоны Голгофой,
как жгут нас февральские строфы,
тот горестный путь Несвободы.

И шлейфы морозных рельс,
бесстрастны железные цепи,
увозят народ спецрейсы
в бураны казахских степей...

Горем заклание дышит,
в расщелинах снега
разбросаны души,
их память слезами душит
нас, кто их помнит и слышит.

Помним мы годы далекого плена,
те тринадцать постылых лет,
терпкую ношу в снегах Каскелена
и тризну молитв и обетов.

В край орлиный, башен и гор,
По весне мы вернулись
к родным очагам,
В тот с судьбою трагический спор
возвращает нас память
во снах по ночам...

Сага о феврале

Скорбной памяти овал,
убегает время в вечность,
и горят кострами свечи
в двадцать третье февраля.

Горизонты в лиловом спектре,
гор вершины в снежной пыли,
нам готовил злобный вектор
ту трагическую быль.

Утро разбудит выстрелов звуки,
цепи солдат, автоматы на стреме,
и уведят людей в бесконечные муки
и загонят, как скот,
в спецрейсовы трюмы.

Бедный народ, что он сделал такого,
чтобы над ним супостатовы плети?
И останутся в памяти
счастья подковы,
горькой судьбою злобные сети.

Рельс параллели, заледелые шпалы,
поезд спешит в бесконечную даль.
Кто осудил нас, за что мы в опале?
Тихо струится в вагонах печаль...

А за окном бесконечные
снежные степи,
полустанок для многих –
последний приют;
небо озвучит надрывные цепи,
души усугубит тоски неуют.

Горькая доля и горечь разлуки,
что уготовит дорога, как вечность?
Чьи же кровавые, смертные руки
держат в руках окровавленный меч?

Время летит и сквозь годы разлуки,
все испытает народ и пройдет,
и по весне белоснежной акацией
долгое счастье солнцем взойдет.

Мирные дни для трудов и свершений:
скоро наступит волнительный май,
и к своим очагам
мы вернемся в дома –
в памяти прошлые годы лишений...

Ностальгическая печаль

Время и годы, печаль и страданье,
горем очерченный путь,
февральская желчь,
скорбный путь расставаний
и цепи остуженных пут.

Горы и башни в лиловом рассвете,
там еще каятся мирные строфы,
в снежной пудре оскомины света,
горькой правдой оскал Голгофы.

Тихи селенья, башен расклады,
тонут в туманах расщелины гор,
Дантовым кругом, мерзостью Ада
злые роты, сатрапов конвой.

Горькое утро, в окриках грозных,
в выстрелах траурный звон,
Каинов бич, словно с неба угрозы,
тот супостат нам готовил полон.

Двадцать минут, чтоб собраться
и бросить
в прошлое жизни, счастье уюта,
а во дворах беззаботно, без спроса,
полчища ворогов, мраморный спрут.

В небо уносятся слезы и крики:
примет ли Бог ту отчаянность горя?
Как же бесстрастны солдатские лики,
как же безмерно скорбное море.

Горы окрашены светом зарниц,
цели кандальные – путы и звоны,
горестный путь – молитвы и стоны,
падают звезды слезные ниц.

Холод вокзалов – мрачная ретушь,
шлейфы вагонов – за что наказанье?
Увозит народ на закляние
молоха смерчи – безжалостный туш.

Рельс заледельх,
шалых параллелей
в снега убегаящих шпал,
и караваны жестоких спецрейсов,
и бесконечности белая даль.

Степи казахские – горе людское,
только сплоченность,
молитвы и зикры,
вера в Свободу – адатов устои,
нам оберегом их светлые лики.

Верили, знали родные пенаты,
что мы вернемся в цветущие розы,
в горы и башни, в счастье крылатое,
под звуки гармоний и тихие слезы...

Мисирбиев Льома**Бакьо яц**

Маършачу дахаро
Патарш-заз хецна,
Ирсечу деноша
Хьяьстича хьо,
Хаалахь: кьонахна
Шен адам дезна,
Деган чалх яьгнехь а,
Дагийна вон.

Стаг воцчун нохчалла
Чурамах йогу,
Амма цо серло а,
Йовхо а лац.
Нохчалла – шовда-дог
Нур хилла догу,
Адамийн барт хилча
Эшало харц.

Хьо хьаста, декьалван
Кхелхина «льоьмаш»,
Йижарша шайн цийца
Хьанбина мохк.
Дяяха хьяьгнаша
Йоьркина гоьмаш,
Ма ага маршонна
Йоьгтина бов.

Кхолламо хьяьстина
Дог деладелча,
Сан нохчо, безалахь
Де эшна нах!
Хьо а длакхелхар ву
Ожалла еьча,
Теш хир бу диканийн
Я вонийн мах!

Ерина меженаш
Етгалуш догмийн,
Хеназа йиш-ваша
Кхелхина хьан.
Хаалахь, хьо хьаста
Цхьа а кхин воций,
Нохчо бен, де эшча,
Хьуна го дан!

Мунепикъ лелар ву
Хьо веза бохуш,
МостагИна диллина
Сий доцу дог.
Кьонахий бицбан а,
Истори йоруш,
Замано ледийр ду
Текхуьу чкьор.

Хьикмате ойланаш
Кхолламе хьоьрсуш,
Кхин цкьа а дуьненахь
Ца Ианош ций,
Даимна ирс-беркат
Довзалшна хоьржуш,
Дахийша, дИадакхий:
«Иадийна! Вий!»

Ирс лохьа суна

Блаьргаш чу хИттина
Шовданан цинцаш...
Цаьрцанна хьан деган
Дикалла го!
Безаман шовкьо со
Гаттийна хИнца.
Оьздачу матто а
Хазалла ло!

Заманан кьоршалло
Вохийна, хьийзош,
Кхьардина кьизалло
Ихкина де.
Ямартчу мостагИчо
Шен кхерча ийзош,
Езачун блаьргаша
Йийина це.

Цунна ду тахна сан
Хьан блаьра хьежар.
Воккхавуьй оьздачу
Духарах хьан;
Нохчийн клант, йогIучу
Кханенах тешар,
Ю хьуна ахь оьзда
Яьккхина хан.

Блаьргаш чу хИттина
Шовданийн цинцаш,
Вежарийн Иийжамна
Дийлина хиш,
Делахь а, ирс кхала
Хан еъча хИнца,
Сан некъ ма бехкалахь
Хъабстина кхин!

Ца боху со цхъаь ву
Хъобга ирс кховдо,
Совъяьлла дикалла
Дахарца сайн.
Делахь а, лууш ву
Хъо ирсе гойла.
Хъан блаьргийн хазаллехь
Кхолламца ван...

Стогаллах вьохча...

Пом бахъанехь, даржах вежаш,
Хъайн уйрашца ийги хъо.
Теман накъост – къонах везаш,
Хъан даго ца хъабсти боу.

Хъох, сох кхаьрдаш бекхабелла,
Халкъ доьхкинарш хъобца го.
Къизалле хъайн салам делла,
Доссий тхан дегнашка вон.

Замано тхан чевнаш йоруш,
Халкъо, махко дицди тхо.
Къонах хуьлу къонах лоруш,
Хъан шалхалло-м кховдий вон.

Тхан хъокъана талор хилла,
Херсех важа хетац эхь.
Гуш ду соьмех доьзна хИлла,
Стаг вацарна дайна эс.

Сан накъостий байи, лийци
Колано мотт биттина.
Керт-ков дагош цЕраш тийси,
Эхь-бехк, гИллакх дицдина.

Амма гена хъо ца вели,
Къиза кхалхар хили хъан.
Хъан новкъа кхин «шайтIа» дели,
Шен рогIера зулам дан.

Шун къизалло дору декъий,
Я вадийна вьохкина.
Ямартлоно доху мехий,
Эхь-бехк, гИллакх доьхкича.

Декхар ву

Теман цЕргахь тхобца вахчавелла,
Ведда-хъаьдда дарже кхаьчна хъо.
Сан кхолламо суна-м цуьрг ца делла,
Я гийла кхин накъост маса го?

Хъайн накъостийн цИйца
хъоле кхаьчна,
Я даьлакийн шайнаш дагар до?
Хъо кхардийта хийла къонах ваьгна,
Я кхехка-ге деган шалха хIо?

Цхъацца гIуллакх –
хъо ган бахъна хилла,
Дага вала хIусме веъча со –
«Сиха ву со», – аьлла хъо дIатилча,
Хъан хероно йоккха чов ма йо.
Хъайн накъостийн метта
хъо ца велла,
Я къонах вац хъаста цуьнан бо.
Эрна хилла-кх, хъобца салам декъна,
Къонахоша лайна муьран во.
Теман кхерчачь бIарзе
хилла синош,
Вайга кхойкхуш лехаме ма го.
Халчу хено уьйре дина денош,
Дийна велча шайнах докка ло.

Тахна соьга ахь ладогIа, накъост,
Сиха хан а шен хан йоцуш яц.
Къонахчун яхь цкъа а хилац кхачош,
Ша и йоцчух къонах хуьлуш вац.

Хъо волчу со сом деха ца веъна,
Сан рицкъанан дакъа хъобгахь ду.
Хъо Iалашвеш сан а цИй ма Iенна,
Валлалца хъо суна декхар ву.

Дебют**Лейла Кусаева**

Родилась в 1985 году в Гудермесе. В 2008 году окончила факультет химии и технологии биологически активных соединений Московской государственной академии тонкой химической технологии им. М. Ломоносова. В настоящее время является ведущим специалистом-экспертом инспекции Ростехнадзора ЧР. Пишет стихи и рассказы со школьных лет. Публикуется впервые.

Скорбный путь

Стук колес отдаёт
Острой болью в груди,
Не кончается чёрный путь...
Здесь не знает никто,
Что их ждёт впереди,
Где от мыслей и мук отдохнуть.

День в дороге, другой...
Вот неделя прошла:
Сколько в этих вагонах смертей, –
Словно вешние травы срезала коса –
не щадила взрослых, детей.

Душам павших покоя
уже не найти,
и живым не забыть зимы той –
Как бросали в сугробы тела
вдоль пути
бесконечно скорбной грядой.

Берукратизм

Сказать или нет?
А может, да?
Уж лучше промолчу.
Еще не подошла пора
Отпор дать богачу.
Вот стану замминистра я,
Тогда уже держись!
Раскрою ваш я, как банан,
Бюро... берукратизм!
А может, лучше подождать
С расправой мне пока?
Вдруг замминистра мне не стать?

Останусь в дураках.
Вот превращусь в министра я,
Тогда уже держись!
Раскрою ваш я, как банан,
Бюро... берукратизм!
Хотя, подумал я – и вот,
Решил тут про себя:
Опасно это раскрывать,
Ведь у меня семья.
Работа, дом, друзья, престиж –
Ведь это поважней.
А раскрывать берукратизм
Заставлю сыновей!

Сегодня и вчера, и завтра...
Один и тот же круг проблем,
Одни и те же разговоры,
Поток одних и тех же тем.
Все те же ссоры по причинам
И те же ссоры без причин...
И мысли, и слова без смысла
Сливаются в единый гимн.
Сегодня, и вчера, и завтра...
В рутине мы проводим дни,
Глядим: теряем безвозвратно,
И в никуда идут они.

Альбине

Сидишь ко мне вполоборота,
 Вся в книжный мир погружена.
 Твой взгляд кокетлив для кого-то,
 А на душе твоей весна.
 Когда нахмуришь грозно брови,
 Уже я знаю наперед,
 Что героине этой книги
 Мук новых наступил черед.
 Движеньем легким ты листаешь
 Одну страницу за другой.
 И вот, расстроена – я знаю:
 Ты слезы будешь лить рекой.
 Спусти мгновенье твой
 Спокойный,
 сосредоточившийся взгляд,
 Загадочно мне улыбнется.
 А значит «там» любовь да лад.
 Я с нежной грустью наблюдаю
 Метаморфозы твоих глаз.
 Я тоже книги так читаю –
 Живу душой в них каждый раз.

Когда найду

Когда найду тебя в стеклянном мире,
 Прощу весь мрак за свет твоей свечи.
 Счастливее меня и крыльев шире
 У птиц небесных даже не найти.
 И в сердце зарубцуются все раны,
 И тщетные забудутся мечты...
 Я жизни новой открываю грани,
 Где самой светлой гранью –
 будешь ты!

Ты в сказках ищешь нежность лет –
 Когда забот, печалей нет...
 А мир наполнен волшебством,
 Где замок в нем – твой отчий дом.
 Когда мерцанье звездочки вдали
 Тебе рисует волны, корабли...
 И нет приятней этих детских грез –
 Когда все в сказке для тебя – всерьез.

Когда умру...

Когда умру,
 Я первым делом покувыркаюсь в облаках –
 Зароюсь в мягкую перину и в облачных пройдуся мехах.
 Когда умру,
 Я первым делом пойду по радуге гулять,
 Усядусь ровно в середине
 И буду ножками болтать.
 Когда умру,
 Я первым делом свободно к Солнцу поднимусь,
 Его лучи, поймав руками, я в косы заплетать примусь!
 Когда умру,
 Я первым делом сыграю в звездный хоровод,
 Вприпрыжку пробегусь меж знаков,
 Вместив в минуту целый год!
 Когда умру...
 Все разрешится без нескончаемых проблем –
 ТАМ этому легко учиться и становиться сразу
 ВСЕМ...

Асламбек Даудов**Шина лулахочун къамел**

Дийцар

Арахъ хаза кхетгачу батто, седарчаша серляяккхинера буйса. Юххерчу хьаннашкахъ хезаш дацара акхаройн глар-тата. Наггахъ, лерина ладоьгIча, юьртахъ дIаса йоьдучу машенан гIовгIа хаалора. Вуьшта юьртахъ тийна дара. ЗазаргIана гена яцара ЭгIишта ломана. Цундела дара кхузахъ хIаваъ цIена. Иштта цIена дара ломах бухдуйлуш охьаоьху шовданаш. Кхузара адам чIогIа могуш дара. Курорт йилла а мегар долуш яра ша ЗазаргIана. УьнахцIена меттиг яра. Хьалха кхузахъ стом боцург, хорбузаш, пастанаш лелайора. Иштта хазачу, беркат долчу юьртахъ вехаш Iаш вара Данга. Юьртден цIарах балхахъ вара иза кхузахъ. Шен гIийла ойланаш а еш Iара иза дечкан маьнгин тIе хьала а ваьлла садоIуш. КIиранде дара хIара мокъаваьккхинарг. Базара яхначуьра цIаеана, юучунна кечам бан гIерташ йоллура хIусамнана а. Де суьйренга лестира. ХIума а йиьна чухула хIара дIасахьийзашехъ, веана чохьавелира кхуьнан уггар дика лулахо Денисолта. Денисолта боккъалла а кхуьнан дика лулахо а, доттагIа а вара. Шен ваша санна лорура цо Данга. Цундела наха а лорура хIара шиь, лулахъ хаза бертахъ Iаш волу дела. Вовшен чу-кера дIаходуьйтуш вацара ший а. Денисолтас олура кест-кеста: «Лела ца дича ца хуьлу шина вешина юккъехъ а гергарло». – «Дера хьо бакъ-м лоь», – олий шегара тIечIагIдора Дангас а. Вовшашка хьал-де хаьттинчул тIаьхьа хабаре волу ши лулахо. Дангас йовзуьйту шен ойланаш. Шен дагахъ дерг, ша сагатдеш дерг дийца волу иза. Юьртахъ, махкахъ дерг дийцина ца Iаш, махкал арахьа, масанхьа дерг дийца гIертара хIусамда. Адамалла, кьинхетам, Делах тешар, я ца тешар, эхь-бехк дар, адамаш кхоччуш дуьненан рицкъанах Iеха далар, Дела виц вар, Делах ца кхерар, Делан доьхьа бохург лагIдалар и дерриг дийца лаьара цунна. Цуьнан коьртахъ дукха ойланаш хьийзара. Са духа хьокхуьйла доцуш дуьйцура цо шена Iеткъарш. Боккха сингаттам бара цуьнгахъ. Адам даха а, Делан новкъахъ нисдала а лаьара цунна.

– Хьажахьа, шайна хетта-хеттарш дуьйцу-кх вайнаха, «дуьне духур дуй», «хIокху дийнахъ духур дуй», бохуш. Нахана сингаттам лагта бо-кх цу боьхачу наха. Мотт-эладита чIогIа даьржина-кх вайна цу хьокъехъ. Делах тешам берш а, галбаха гIерта-кх и нах. Муха тешар ву царях? ХIара дуьне-Iалам, иштта адам кхоьллинарг Дела вац? Вайна рицкъа латтош верг а Дела вац? Iилман наха тахана чIагIдина дуьйцуш дац хIара дуьне Дала кхоьллина хилар, цхьа а шеко йоцуш. Бакъду, цхьаболчу нахана хIара дуьне шайх тарделла, шаьш кхоьллича санна. Оцу тайпанчу наха, хIара дуьне Дала ца кхоьллинехъ хьан кхоьллина, аьлла шайга хаттар дича, ша кхолладелла ду олу. ХIара дуьне цхьанне а дац, шайн ду бохург хир ду-кх церан и. Ма Iехабелла уьш. Ткъа гIаддайначарна, де эшначарна, мискачу нахана хIара дуьне тIарал а гатделла. ХIара доьхча а хIума ца хетачу наха, буьзна хьерабевлачу наха стимал къахьдина хIара малх кхетта хаза дуьне, мискачу адамна. Дуьненан рицкъо галдаьккхина дукхах долу адам. Массо тайпа хаза хIума ду вайна. И шадерриг шен хила деза моьттуш ву хIора а. Iебаш дац вай рицкъанах. Вовшашца кьийсало вай цу бахамаш тIехъ, Далла хастам бечу метта. Дуьненан багар даккха гIерта вай. Цхьаболчу наха мискачу стагана ур-атталла болх а ца кхочуьйту. Царна шаьш Дала базбина нах хетабелла шайн хьекъалашца. Я болх белча а, хьуна пайде боцучу агIор дIанисбо цара. Пайде хIума лело ца буьту миска нах. Массо хIуманна дай

х1иттина уш. Я 1едал д1адаха а ца дуьту цара. Мел лакхахь 1едалан балхахь верг а вохаво цара. Бан болх ца хилча, адам галдолу, белхаш леха к1ъадло, доцу белхаш леха. Т1аккха зуламаш, наркомани а хъалайолю. СССР йолчу хенахь болх ца беш стаг ца вуьтура. Миччахь беллахь а болх лора. Иза адам гал ца далийта леладора цара, экономика хъалаяккхарал совнаха. Иза бакъ долуш оцу 1едалан г1иллакх дара. Дала лардойла вай Дела оьг1аз вьодучух. Оцу халонашна т1ера схъа ду аьлла хета суна дуьне духур ду, и доха герга дахана боху къамелаш. Вай иштта д1а долхахь дуьне ца дохахь а, духур ду вайн адамиин дахар. Вайгара адмалла, иман, Делан доьхъа бохург д1адалахь д1адоьхне ду х1ара дуьне. Оцу Делан новкъара вай гал даха г1ерташ, къахьоьгу цхъаболчу наха. Т1аккха царна атта хир дара вай бежнаш санна лело. Иза царна луург ду. Амма Дела вайгахьа ву. Делан керахь ду ша дерриг. Бакъдерг дийчича, диканиш а бу царна юкъахь. Уьш Дала мукъалахь вай накъостий бу. Дуьне тахана дуоха суна цхъа а бахъана ца го. Вайгахь тахана ницкъ а бу, хьекъал а ду, х1ара дуьне доха ца дохуйтуш шен меттахь латто, Дала бохург вай дичахъана. Вайна т1ехь цхъа декхар ду Дала т1едиллина – иза ду къахьегар. Дала боху-кх вайга къахьега, рицкъа а дуьне а латтош верг Ша ву шуна! Боккъалла аьлча, хъажал, х1инца бен толуш дац х1ара малх кхетта дуьне, вайна хаахь. Маца хилла вай тахана санна космосах, малхах, хих, махах и кх.д1. а, пайдаэца йиш йолуш. 1аламан ресурс цхъана 40-60 шарахь бен тоьар яц бохуш дуьйцу цхъана 1еламнаха 1илманехь. Иза бакъ дац. Иза кхачалур яц, вай 1алам х1аллак ца дахь, Дала вайна деллачу рицкъана вай пусар дахь. Т1аккха вай ирс долуш дехар ду. Бакъду, х1инцалерачу адмашна массо х1ума атта деза. Цул совнаха къа а ца хьоьгуш. Т1аьхенашна а цхъаьна гул до вай рицкъа, Дела виц а вой. Дела ма ву ткъа вайн т1аьхьенашна а рицкъа лун верг. Вайш а, царга а къа ца хьегийта г1ерта-кх вай, ткъа адмашна юккъера къахьегар лаг1делча, хъанал бохург а лаг1ло-кх. Цундела вайна хаа деза, Дала вайна куьйгаш, когаш, хьекъал а (корта) х1унда делла. Дера делла къахьега. Масала, схъа оьцур вай хьекъал: «хье» юьхъанца, «къа» чаккхенгахь – и ший вовшах тоьхча хуьлу «хьекъал». Цунна делла-кх Дала вайна хьекъал – хье – къахьегийта. Иштта ши ког а белла, ши куьг а делла къахьега. Къа ца хьегча х1умма а хуьлуьйла дац. Къахьегар ду вайна т1ехь. Къа ца хьоьгуш долу х1ума ша дерриг хъарам ду. Къахьегар доцчу меттехь ийман, беркат хуьлийла дац. Лайтта т1ехь дехачу адаман коьрта декхар х1ун ду аьлла? Дера ду Дела вовзар, Дала бохург дар, Дала ца магийнарг ца дар. Ша мел дийриг Делан доьхъа дар, и хила еза-кх бусулба стеган 1алашо. «Стиглахь Дела, лайтта т1ехь тхо» бохуш леларх х1умма а хир дац. Дела массанхъа а Дела ву. Соьмах Дела эцалур вац. Нагахь санна вай вовшашца кьинхетаме, вовшашка хьожуш, мискачу стаге куьг кховдош, саг1ийна х1ума луш комаьрша хуьлий, т1аккха вай г1уллакх д1аг1ур ду. Ша дерриг, сан ваша, ц1ерхазамна а доцуш Делан доьхъа хила деза. Пусар хила деза массо х1уманан. Лело цхъа иномарка тоьачохь, шен хъал долчо иттех иномарка оьцу, рог1-рог1анна шена хахка, шен самукъадаккха. Чохь 1ен цхъа х1усам тоьачохь вай иттех х1усам йо. Уьш есса лайтта. Чохь цхъа ванни, унитаз оьшучу меттехь вай пхи-ялх унитаз, иштта пхи-ялх ванни а д1ах1оттайо. Мел дукха ду уьш дийчича. Оьший и эрна х1уманаш. Т1аккха тоьар яц-кх вайна 1аламан ресурс. Ресурс а ма ю 1алашъян езаш, хиларх – пайда бац, ларъеш ца хилча. Дала новкъа дохийла вай! Далла хъасталучохь, Далла хастам бечохь ду вай. Бехк ма билла суна, ас хьо хьийзаварна. К1ордийна-м хир вара со хьуна. К1инт1ера вала суна Денисолта. Со дийцина вели. Х1инца хьоьгахь ду дош. Дийцахъа хъайна хетарг, – олий т1евоьрзу Данга шен лулахочунна.

Вист хуьлу лулахо:

– Сан ваша, дика къамел дара ахъа динарг, дика хьехам бара. Иштта хаза хьехам муьлх-муьлххачу моллане балур бацара. Хьо-м цхъанхъа хьоьхуш

бакъахъ хир варий, юьртден болх бечу метта. Пайда хьобгара алсам хир бара, я хьубжарехъ, я ишколехъ. Суна ца к1ордийна хьуна хьан къамел. Со-м хьобга сахиллалц ладубьг1уш 1ийр вара. Ахъ дийцинчунна сан кхин т1етоха х1умма а дац. Дела реза хуьлда хьуна. Дика пайда ийци ас ахъ динчу къамелах.

– Делахъ вайша, хьан кхин дийца х1ума дацахъ, чай мер ду.

Зудчуьнга сьха а кхойкхий чай охьадуьллуйту, цуьнца цьхаьна юург а. Юург Санетан кийчча яра. Бисмила даьккхинчул т1аьхьа Дангас олу:

– Цьхана Махкат1ерачу чармочо х1ун аьлла хабий хьуна чай молуш 1аччахъ?

– Х1ун аьлла? - хаттар до лулахочо.

– Дера аьлла, г1ирс хилча чай малар болх бац.

– Делан доьхьа ма дика аьлла цо иза, – велавелира Денисолта.

Чай меллачул т1аьхьа Денисолта тохавелира ц1аваха дагахъ.

– Ахъ х1ун до? – вистхилира х1усамда. – Дика 1аш вац вайша?

– Х1ан-х1а, тоьар ду, дика 1ий со, х1инца ц1аваха а мегар ду. Вайна хан яьлча ц1ахъ берш а хир бу суна сагатдеш, – аьлла, не1арехьа д1аволавелира иза. – Йиьнарг, мелларг шун саг1а йойла, шун 1одика а йойла, буйьса декьал а хуьлда, шаш ас хьийзорна суна кьинт1ера а довла. Х1усамнанас:

– Тхо санна Дела а вала хьуна кьинт1ера, – аьлла, буйьса декьал а йина, 1одика а йина д1авахийтира шен лулахо.

Т1аьхьавелира Данга. Лулахо кех ваьллачул т1аьхьа кевна г1уй д1абоьллира х1усамдас. Х1ара чу вог1учу юкьана мотт д1абилла ларийра Санет. Данга шена оьг1аз вахарна кхобруш хаза ела къежна йистхилира иза цуьнга:

– Хьобга ладийг1ина ма к1адвелла хир вара иза. Хьо бахьнехъ бехкала а вахна хьийзар-кх и пекьар.

– Хьо бакъ лоб зуда. Кхин долуйьтар дац ас сайгара иштаниг. Сайн балхана кьера ву со. Кхин со ма хьеве. Со д1авуьжу, – олий шен чу а воьдий, метта хьала волу Данга.

Ткъа х1усамнана, шен дисина г1уллакх чекх а доккхий, набкхетаза 1аш волчу шен х1усамден буйьса декьал а йой, шен чу а йоьдий, берашна юккъе д1атаь1а. Бераш хьалххе д1адийшийнера Санета, церан 1убьйранна ишколе даха дезий а хууш. Цкъа мацца а набкхийтира х1усамнанна. Хар дан Данга а волавелира. Амма кхеран буйьса а, кхане а Делехъ яра. Иза хабара Дангиний, Санетаний, Делах ч1ог1а тешаш долчу. Делан диканах цкъа а дог ца дуьллур а цаьршимма. Иштга Дала дика дина ши стаг дара и шиь.

Голоса друзей**Анастасия Кузьмичева**

Родилась в 1974 году в г. Минске. Пишет стихи со школьных лет. Участница IX форума молодых писателей России и стран СНГ. В декабре 2005 года в свет вышел сборник стихов «Быть может, меня приютят?», также аудиокнига со стихами под музыку «Яхидна».

Круги по воде...

Я люблю ее такую,
Что дается свысока.
В ранге клоуна-изгоя
Или в ранге дурака...

Я люблю ее случайно,
Осторожно и легко
Запивая беды чаем,
Счастье – только молоком.

Принимая, зарыдаю,
Переплачу боль и страх.
И соленый привкус Рая
Утвердится на губах.

Система шагов непродуманна очень:
Я первой. Навстречу. Устала. До слез...
Ты ищешь ухабы в дороге и кочки
И слышишь лишь шум
 промелькнувших колес.
Но отдых меня не спасет
 от бездушья...
Блуждать параллельно
 в системе шагов?
Твой въедливый разум,
 не вычислив лужу,
Заплачет кукушно от боли оков.
Устала. Но шалью ложится на плечи
Твой взгляд, где видна вся любовь
 напросвет!
И без сожаления первой навстречу
Шагаю к тебе по колдобинам лет...

Исподтишка

Исподтишка наблюдаю
Мир, что пугает меня.
Но что найду – все глотаю,
Даже не выплунув дня.

Может, наемся я впрок. И
Станет приятнее жить.
Но в организме лишь пробки
От недожеванной лжи...

Как мир прекрасен и светел,
Как добродушна заря...
Я ведь могу не заметить,
Если дышу втихаря...

Голуби, грачи – по крышам,
По асфальту – талый снег.
С хрипотцой надлома дышит
Голубого неба свет...

Это наст обид и боли,
Гололедица разлук.
Дождь весны насквозь замолит
Тяжкий грех опавших рук.

Улыбнется солнце вешне,
Встрепенутся тополя...
Пульсом, как салютом, нежно
Отщебечусь даже я...

Позову тебя украдкой,
Азбуку дождя прочту.
Дни наматываю пряжкой,
Как на палец, на мечту.

Уходя от снов и окон,
Лишь не стань ко мне спиной...
Я тебя вплету как локон,
Догоню взрывной волной.

Первобытно, ненарошно
Я люблю твой хитрый взгляд.
Запрягай меня как лошадь
И по жизни – наугад!..

Отказаться от старого просто,
Лишь остаться б бескровно собой?
Но язык обростает коростой
В разговоре с новейшим тобой.

Ты не слышишь ни просьб,
ни мечтаний –
Только крики от правды вранья.
Я чернею от ужаса. Таю,
Повторяя: не ты! Иль не я?

Я не знаю, кому еще верить,
Да и стоит ли верить вообще?
Закрываюсь от явного дверью,
Ковыряя надеждою щель...

Круги по воде – всего-навсего капли.
А я вижу в них отражение невзгод,
Ловлю их, шагая безумною цаплей
В трясинах отчаянья праздных болот.

Цветут орхидеи наивной надежды,
Но ил поднимается мрачных тревог.
И каждое завтра похоже на прежний
Прожитый мной день
исковерканных строк.

А дождь, ухмыляясь,
швыряется в окна
Водою из звездных святых родников;
Хихикает ветер, а щеки все мокры,
Когда вспоминаю
замолчанность слов...

В пропасти лет неизменная,
Вновь игнорируя страх,
Видит себя королевою
В пылью покрытых стенах

Власть одиночества едкая.
Но жажда власти сильнее,
Трон заменив табуреткою,
Не замечает щелей

И бережет даже с бешенством
Право своей слепоты,
Не замечая невежества
Жгучих кошмаров мечты.

Пульсируют в окошко метко:
Никак не достучится дождь,
И, словно руки, гнутся ветки,
И между туч раскатом дрожь.

В звенящей тишине печали
Ловлю в ладони хрупкий плач,
Чтоб каплей каплю сбить прощально,
Надену поскорее плащ.

Ведь докричаться в небо легче,
Меня услышат и поймут,
Я, прислонив к каштану плечи,
С дождем глотаю соль минут.

Неурядицы-птицы,
Улетайте домой.
Подноготные лица
Промываю тобой.

В безысходности петель
Этот мир тишины,
Одиночеством ветер
Охлаждает мне сны.

В разноцветности окон
Зреет чудо зари,
Чтоб асфальтом промоклым
Напоить фонари.

Исраил Горский**Анатомия развода***

Повесть

Продолжение. Начало в №1.

Мои спутники вернулись, и купе заполнилось запахом хлеба, вареной картошки, соленых огурцов и жареной рыбы. Ренат упрекал Хасана: «Почему ты не дал мне расплатиться за покупки?» Хасан великодушно отвечал: «Спасибо, вы, молодые, итак меня всю дорогу кормите. Не хочу оставаться в долгу». Проводница принесла чай. Сперва поели старшие и уступили нам место за столиком. Я обратил внимание, как не торопясь принимает пищу Ренат. «Я чуть было не задушил тебя». «Горячий джигит», – отшутился Ренат. Хасан тут же отреагировал: «Къонахи говорят, что собар – верх ума. Выдержка – это важное качество чеченца. По этому поводу есть притча. Один молодой человек женился, но так сложилось, что после свадьбы муж совершил преступление и вынужден был покинуть родные края на двадцать лет. Когда он вернулся и рано утром вошел в свою саклю, то увидел, что рядом с его женой спит очень красивый молодой человек. Мужчина схватился за кинжал, но решил подождать, пока жена и молодой человек проснутся, и только затем расправиться с соперником. Сначала проснулась жена. Муж тут же сказал ей: «Ты, видать, не скучала в мое отсутствие?» И бросил взгляд в сторону спящего. Жена обняла мужа: «Это наш сын, дорогой».

Сергей тоже, вороча тяжелыми челюстями, рассказал индийскую притчу, которую он недавно прочитал в журнале. В некоей семье родился долгожданный ребенок. Их любимая собака очень ревновала, видя, как внимание родителей переключилось на малыша. Однажды муж с ужасом увидел, что собака выходит из детской комнаты с окровавленной мордой. Он тут же схватил ружье и застрелил собаку, а когда вошел в комнату, увидел здорового ребенка, а рядом с ним растерзанную огромную змею.

Хасан довольно покачал головой: «Собар – это великое дело. Собар (выдержка), кхетам (ум), яхь (состязательность), сий (честь), адамиин мотт (человеческий язык), ламаз (молитва), марха (пост) – вот матрица вайнахского сознания и характера. Именно эти качества определяют поведение вайнаха, их главное предназначение – формирование человека с обостренным чувством собственного достоинства. Вообще, вайнахский образ жизни предполагает воспитание достойного человека. Человек с достоинством – это прежде всего трудяга, да и в бою не отступит. Фактов, подтверждающих этот тезис, великое множество. Сейчас, когда в России набирает обороты ксенофобия, мне смешно и противно читать и слышать о том, что вайнахи отличаются наглостью и агрессивностью. Люди, распространяющие эту ложь, не хотят заглянуть в душу вайнаха. Обидно, понимаешь».

Когда заговорил Сергей, я уже был на своей полке и любовался природой за окном вагона. Расстояние между мной и Кометой увеличивалось с каждой минутой. Поезд быстро уходил на восток. Острый приступ нежных чувств к бывшей жене бередил мое сердце. Захотелось услышать ее голос. Умом я понимал, что надежды на то, что мы будем вместе, весьма иллюзорны, но, тем не менее, очень хотелось пообщаться с ней, но взять и набрать ее номер не мог. Я несколько раз брал в руки мобильник с твердым намерением позвонить Комете, но что-то меня останавливало. «Уходя – уходи», – сверлила мозг проклятая мысль. Из оцепенения меня вывел звонок Кометы.

- Привет.
- Привет.

* Журнальный вариант.

- Чем ты занят?
- Честно?
- Да.
- Все мои мысли в данный момент заняты тобой. У меня в груди огромное желание увидеть и поговорить с тобой. Ты рада?
- Очень даже, тем более, что желание увидеть тебя у меня никогда не пропадало. Объясни мне, дура, не лучше ли тебе иметь много денег, находясь рядом под теплым боком жены, чем зарабатывать их в холодной Сибири?
- Ежу понятно, что лучше!
- Тогда что тебе мешает?
- Об этом мы говорили сто раз. По нашим обычаям, мы чужие люди.
- Для меня ты самый родной и близкий человек.
- Судя по всему, ты для меня тоже не чужая.
- Анзор, у меня такое ощущение, что ты заставляешь себя отдалиться от меня.
- Се ля ви.
- Анзор, это неправильная позиция. Мы должны что-то придумать, пока не остыли наши чувства. В этой жизни нет безвыходного положения, кроме смерти. Наши отношения не должны испариться.
- Комета, вот уже полтора месяца только и думаю об этом. Аж мозги болят. Развод есть развод. Баста. Амба. Конец.
- Когда ты так говоришь, мне становится плохо. Людям свойственно ошибаться. Конь о четырех копытах и то спотыкается. Часть вины беру на себя. Наломала дров. Извинилась. Что я еще должна сделать, чтобы сохранить семью?
- Теперь уже ничего не сделаешь. Обычай суров, но таков обычай.
- Если обычай не соответствует современным реалиям, если он мешает нормально жить, то, на мой взгляд, он должен угаснуть. Иначе...
- Что иначе?
- Обычаи превращаются в оковы.
- Понимаю, это взгляды современной чеченки.
- А что ты хочешь, чтобы я паранджу надела и сидела у печки?
- Все ясно. Тебя уже не переделаешь.
- Почему меня нужно переделывать? Какая в этом необходимость? Я адекватна среде, в которой нахожусь. Я ничем не отличаюсь от тех чеченок, которые обитают в Москве. Жить в Ади-Юрте не собираюсь. Там все чуждо для меня. Здесь у меня работа, братья. В столице чувствую себя комфортно, а разве тебе здесь плохо было? – не унималась Комета. – Что-то не заметила. Ты приезжал такой мрачный, а через некоторое время становился таким просветленным. Москва радовала твою душу, я это чувствовала.
- Москва радуется души тех, кто имеет много денег, а беднякам чему радоваться?
- Анзор! О чем ты говоришь? Разве у тебя были проблемы с деньгами?
- Конечно, ты реагировала на каждый мой чих. Отстегивала любую сумму, но мой-то кошелек был пуст.
- Ты меня удивляешь! Анзор, ты знал, где лежат деньги, и мог взять любую сумму. Никто у тебя отчета не требовал! О каком кошельке ты говоришь? Тебе очень повезло, ведь ты поймал птицу счастья за хвост, но, увы, не сумел воспользоваться ситуацией из-за амбиций Салтычихи. Вот поедешь в Коголым, будешь горбатиться с утра до вечера, чтобы заработать две тысячи долларов в месяц. В Москве ты в один день мог потратить такую сумму, не ударив палец о палец. Разницу чувствуешь или ты перестал соображать? Я превратила твою жизнь в сказку...
- Кому сказка, а кому и кошмар.
- Я не знаю, на каком языке с тобой разговаривать, чтобы объяснить тебе простые истины. Ты мне напоминаешь навозного жука, которому нравится копать в дерьме.
- Комета, ты решила меня оскорбить?
- Боже упаси! Просто хочу напомнить мысль Конфуция о том, что все познается в сравнении. Мне кажется, как говорят в Одессе, две большие разницы между

тем, что предлагаю я и на что обрекает тебя Салтычиха. Это, как говорится, видно невооруженным глазом.

- Комета, есть вещи, которые не всегда видны даже вооруженным глазом.
- Например.
- Например, сий – это честь человека. Не все в этой жизни измеряется деньгами. Ты это знаешь.
- В этой жизни нет проблем, которые нельзя было бы решить с помощью денег. Было бы желание. Никак не можешь сделать выбор между мной и Салтычихой.
- Комета, это сложная задача. За тобой стоят твои могущественные братья, бешеные деньги и Конфуций, а за Совдат стоят ислам, иман и вся моя родня.
- Разве я отказываюсь от ислама и имана?
- Нет, конечно, но ламаз не делаешь, пост не соблюдаешь.
- Всеу свое время. В душе я считаю себя мусульманкой.
- Этого явно недостаточно.
- Хорошо. Я буду днем и ночью молиться, если ты вернешься.
- Очень хочется потрепать твои белокурые волосы, заглянуть в голубые, как небо, глаза, но, увы! Мечты, мечты, где ваша сладость?
- Анзор, тебе не кажется, что ты усложняешь ситуацию?
- А как ее упростить?
- Скоро твой поезд приедет в Астрахань. Выйди из вагона, поезжай в аэропорт и лети в Москву.
- И я окажусь в сказке.
- Да, что-то в этом роде.
- Комета, хочешь услышать стихи Саида Чахкиева?

Много в мире соблазнов для сердца и глаз –
Тут держись.
И гляди, как положено, в оба.
Наша честь нам дается в единственный раз
И навеки – одна: от рождения до гроба.

- Замечательные слова, но я не покушаюсь на твою честь.
- Ты хочешь, чтобы я был альфонсом, которого не любят в Москве и презируют в Ади-Юрте?
- Я хочу, чтобы ты был моим мужем. Это единственное мое желание.
- Комета, иной раз наши желания не совпадают с нашими возможностями. Тебя волнуют только свои мысли и чувства. А каково мне? Поставь себя на мое место.
- Я бы на твоём месте руководствовалась здравым смыслом.
- Сидеть на шее жены нормальный мужик не может.
- Сейчас многие мужчины имеют возможность расслабиться, если жена имеет хороший доход.
- Мне это трудно понять.
- Потому что идешь на поводу у своей сестры. По своей натуре ты современный человек. Мне это хорошо известно. Ничто человеческое тебе не чуждо. Такое ощущение, что у тебя две души. Одна общается со мной, а другая с Салтычихой. Она не въехала в современность. Неистово навязывает тебе дикие формы средневековой жизни. На дворе XXI век. Сейчас многое изменилось. Теперь каждый кузнец своего счастья. Хочешь жить – умей крутиться. Зарабатывая деньги, налаживая связи с нужными людьми. Именно деньги и связи – основа жизни, а все остальное – суета.
- Совдат считает, что основа жизни – это глубокая вера в Аллаха и порядочность.
- Я ничего не имею против этих истин, одно другому не мешает. Ты все время заставляешь меня говорить банальные вещи. Ты жил в Москве и знаешь, что здесь уважают, если у тебя тугой кошелек, а красивые глаза мало кого волнуют.
- Привет, доехали. Разве не ты говорила, что моя лучезарная улыбка тебя пленила?

– Не путай божий дар с яичницей. Я полюбила тебя. Это отдельная тема. Не иронизируй. Мне очень плохо без тебя. Кстати, зачем ты едешь в Сибирь? Разве у тебя нет жилья, еды, одежды? Все есть, но ты хочешь разбогатеть. В глубине души любой чеченец хочет быть богатым и независимым от жизненных обстоятельств. Ты не исключение.

– Комета, в какой-то мере ты права, но тратить деньги, как ты тратишь, – это уму непостижимо.

– А что, по-твоему, я их должна солить? Аллаху угодно было сделать меня богатой. Я благодарна ему за это.

– Помнишь, как у меня отвисла челюсть от одного твоего шопинга?

– У тебя не только челюсть отвисла, но и глаза округлились. Тогда тебе было трудно все это переварить, считал меня транжирой. Когда у тебя денег много, то развязаны руки, можешь многое себе позволить. Ты считал, что я покупаю много ненужных вещей, а мне они нравились, приносили радость.

– Но радость была недолгой. Одевала обновку два-три раза и теряла интерес к ней.

– Правильно, на глаза попадалась еще более красивая вещь, как не купить? Кстати, через год ты сам уже стал интересоваться красивой и модной одеждой.

– С кем поведешься, от того и наберешься.

– А вот в теплые края ты с нами не ездил. Амбиции. Боялся, что увидят земляки голым рядом с женой.

– Я тебе тысячу раз говорил, что чеченец не имеет права оголяться. Помню, в детстве я рубил дрова, скинув рубаху. Отец заметил это, подошел и тоном, не терпящим возражения, заставил меня одеться. Мать объяснила мне, что не положено человеку демонстрировать свое тело. Это противоречит обычаю.

– Анзор, можешь посетить любой пляж мира и всегда увидишь чеченцев, принимающих воздушные ванны на берегу моря. Только ты один такой упрямый.

– Так воспитали. Без тебя я ездил в Крым. Правда, там отдыхали наши женщины, но в тех местах, где их не могли видеть мужчины. Это нормально. Никто не запрещает человеку купаться, но нужно соблюдать определенные правила.

– Анзор, жизнь коротка и если будешь соблюдать все правила, то из дома не выйдешь.

– Наверное, поэтому у тебя загар с Лазурного берега сменялся турецким.

– Анзор, как я люблю синее море, яркое солнце и теплый песок. И все это зимой, когда в Москве холод собачий.

– А Хургаду ты любишь больше всего.

– Точно. Особенно зимой, приятно погреть косточки. Через недельку-другую я уже рвусь домой, ужасно скучала без тебя. Ты это прекрасно знаешь.

– Это правда. Наши чувства неподдельные.

– Все дело в том, что когда тебя долго нет рядом, я схожу с ума, теряю ощущение реальности. Какой-то ужасный дискомфорт. Сейчас так хочется тебя увидеть, точно так же, как после долгой и изнуряющей жары хочется вдохнуть свежий прохладный воздух. Как я скучаю без тебя, если бы ты знал!

– Не говори, кума, у самой муж пьяница.

– Ты все шутишь. Права Лиза, когда говорит, что мужчины легче переносят разлуку.

Я отключил мобильник и оказался во власти грустных мыслей. Был уверен в том, что Комета очень страдает, но помочь ей и себе ничем не мог. Обычай запрещал нам встречаться и даже общаться. О встрече с ней не могло быть и речи, но не разговаривать с ней по телефону было бы дикостью с моей стороны. Тем более, что я всегда очень ждал ее звонка. Я позволял себе перезваниваться с Кометой, анализировать факты из нашей жизни, искать причины развала нашей семьи, но совершить поступок, сближающий нас, было невозможно. От осознания этого хотелось выть волком.

От тяжелых мыслей меня отвлек голос Сергея. Четко были слышны его слова:

«Я не спорю, когда ты утверждаешь, что чеченцы начали перерождаться. Прав был Белинский, когда утверждал, что обычаи и традиции – это лицо нации. Судя по твоим словам, лицо вайнахов изменяется не в лучшую сторону».

Хасан утвердительно качал головой: «Ты меня правильно понял. Душа болит из-за этого. Некоторые умники утверждают, что через 50 -100 лет исчезнет чеченский язык. Такие высказывания для меня, как укол. В России более 180-ти наций и народностей, каждая из них пока еще имеет свое лицо. Разве это плохо? Россия – огромная страна, места всем хватит. Люди научились вместе жить и работать». Сергей глубокомысленно заметил: «Согласен. Если власть не научится управлять людьми, то впереди нас ждут тяжелые времена. Некоторые аналитики предсказывают развал России. Вот уже почти 500 лет не можем без потрясений управлять государством...»

После небольшой паузы он продолжил: «Жаль, что в период этих потрясений страдают простые люди. Особенно тяжело приходится малым народам».

Ренат удивленно посмотрел на Сергея и тоном, чуть громче обычного, спросил: «Тебе-то что? Можно подумать, что тебя волнует судьба чеченцев? Разве не чеченцы вытурили тебя из Грозного? Я помню лозунг на заборе: «Русских – в Рязань, ингушей – в Назрань». Всем интересно было, что ответит Сергей. Мы знали, что Сергей уважает вайнахов, но то, что он стал говорить, нас троих глубоко поразило. «Ни один чеченец не пришел ко мне и не потребовал, чтобы я покинул город. Я вывез семью из Грозного, когда посыпались бомбы. Я долго жил среди чеченцев, уважаю их, и они – меня. Мои друзья и знакомые получали большое удовольствие, когда я старался общаться с ними на ломаном чеченском языке. Вся моя сознательная жизнь прошла в Грозном. Я не могу утверждать, что так же хорошо знаю чеченцев, как Хасан, но определенные познания у меня есть. Многие книги и брошюры, которые Хасан везет своим внукам, я в свое время прочитал от корки до корки. Они тогда входили в школьную программу. Наблюдая в реальной жизни за поведением чеченцев, у меня сложилось определенное впечатление об этом народе. Прав Хасан, когда говорит, что чеченцы – настоящие мусульмане. Они очень трудолюбивы, достаточно сказать, что почти каждый второй коровник в Сибири и в Казахстане построен их руками. Чеченцы – открытые люди. Это значит, что они честные, искренние. Не любят лживых, лукавых. Если один раз обмануть чеченца, то до второго обмана можешь не дожиться. Очень любят юмор, меткое слово. В их лексиконе очень мало грязных слов, а ругаться матом у них вообще не принято. Поэтому, если вы с ними будете общаться, используя привычный мат, то они полезут драться. Взаимопомощь и взаимовыручка у них в крови: если у родственника случится беда, то побросают свои дела и побегут на помощь. Помощь может быть самой разной: словом, деньгами, а если нужно – отдадут и жизнь. Такие они люди. Мне нравится чистоплотность вайнахов. За чистотой тела и души они следят постоянно. На человеке может быть поношенная одежда, но она должна быть выстиранной и отутюженной. Зайдите в любое время суток в дом вайнаха, там всегда уютно, не увидите грязной посуды и разбросанных повсюду вещей. Если подружиться с настоящим чеченцем, нет надежнее друга. Когда я вошел в купе и увидел вас, то сразу на душе стало спокойно. Я еду с вами и не переживаю, что меня могут ограбить, обидеть. Трудно не согласиться с Хасаном, когда он говорит, что в многонациональной стране нам нужно знать друг друга. Когда узнаешь характер, бытовую культуру, чаяния, привычки людей, с которыми живешь рядом, то интереснее и безопаснее жить. Белинский утверждал, что обычаи и традиции народа – это его лицо. Нам нужно научиться смотреть друг другу в лицо. Кстати, в царской России было много печатных изданий, повествующих о самобытной культуре народов России. В детстве на чердаке я нашел какой-то журнал, который вышел в свет в конце XIX века. Помню, там была статья о чеченцах. Кроме всего прочего, в ней говорилось о большой тяге чеченцев к образованию. Могу это подтвердить. Многие чеченцы, которые со мной учились в школе, продолжили учебу в лучших вузах Москвы и Ленинграда. Их родители готовы были отдать последнюю рубаху, чтобы дети получили хорошее образование. В те годы появились первоклассные чеченские

инженеры, агрономы, врачи, ученые, писатели. Ренат, если бы ты в свое время получил нормальное образование, то, наверное, по-другому рассуждал бы о своем народе...»

После этих слов Сергея в памяти стали всплывать картины прошлой жизни. Я хотел поспорить с Сергеем по поводу его утверждения о том, что образованный человек проявляет большой интерес к своим корням и знает менталитет своего народа. В этом случае мне пришлось бы рассказать о Комете, поэтому не стал высказывать своего мнения. Уж я-то знал, что Комета, имея университетское образование, совсем не интересовалась культурой вайнахов. Она с удовольствием говорила на английском, тогда как почти что не разговаривала на чеченском языке. Обычаи и традиции чеченцев ей были чужды. В этом отношении она была похожа на Рената, который считал адаты кучей банальностей. О том, что Комета далека от проблем своих родных и близких, живущих в Ади-Юрте, я окончательно понял, когда заговорил с ней об инвестициях в развитие Ади-Юрта. В селе свирепствовала безработица, тогда как вокруг было 5 тысяч гектаров плодородной земли. Воткни палку, и она через некоторое время покроется зелеными листьями. В глубине души у меня была мечта попросить у Кометы деньги и построить консервный завод в Ади-Юрте. Этот завод получал бы овощи и фрукты от арендаторов, которые умели выращивать сельскохозяйственные культуры. Я долго не решался поднять эту тему, но однажды заговорил: «Комета, ты знаешь, что такое милосердие? В Ади-Юрте многие не имеют постоянной работы. Если бы я с твоей помощью организовал производство овощных консервов в нашем селе, то односельчане поставили бы тебе золотой памятник. Сколько денег ты тратишь на всякую чепуху? А тут такое...» Комета вначале не поняла, о чем идет речь, но я настойчиво начал ей растолковывать свою идею. Наконец, до нее дошло, о чем я говорю. Комета одной рукой подкручивала белокурые волосы, а другой переключала тюбики дорогого парфюма, взглянула на меня и мелодичным голосом молвила: «Я что, мать-Тереза? Все знают, что сельское хозяйство – это черная дыра. Вытягивает деньги, как пылесос, а отдача – нулевая. Не понимаешь?» Покрутила пальцем у виска, одарила меня пожирающим взглядом и предложила: «В экономике есть такие понятия – рентабельность, прибыль, себестоимость и так далее. Так вот, сразу скажу тебе, что от твоего консервного завода не будет никакой прибыли, а проблем будет выше крыши. Хорошо, построишь ты консервный завод, запустишь его, а где рынок сбыта? Кто на Кавказе будет покупать овощные консервы, тогда как там люди круглый год имеют возможность кушать свежие овощи и фрукты. Если мои братья узнают, что у тебе такая идея, то они сочтут, что ты идиот. Кстати, я фигура в бизнесе несамостоятельная, живу на премиях и бонусах. Братья пристроили меня членом совета директоров различных фирм, а в одном холдинге являюсь членом правления. Зачем тебе и мне лишние заботы?»

Так она, особенно не напрягаясь, разрушила мою надежду. Я, подобно утопающему, который хватается за соломинку, произнес: «Главное – начать...» Дальше Комета не дала мне даже договорить, вцепилась ногтями в мою голову и сказала: «Молчи, пустая голова». Я понял, что дальнейший разговор на эту тему бессмыслен. Я не мог рассуждать экономическими категориями, а Комете был непонятен язык г'иллакха. В такие моменты я понимал, что мы разные люди, хотя часто возникало непреодолимое желание быть рядом с ней, в ее уютном королевстве, с зеркалами, кожаными креслами и диванами, стеклянными столами с глянцевыми журналами и фотографиями, где она на заморском золотом пляже, загорелая, с жизнерадостно смеющимся лицом. Трудно было поверить, что эта счастливая женщина находится сейчас в глубокой депрессии из-за меня. Чувство вины, которое съедало меня изнутри, не исчезало, хотя не было столь острым, как раньше. Умом я четко понимал, что мы оба переживали острую фазу наших отношений, но где найти спасательный круг, чтобы выбраться из водоворота сильной страсти? Мне было проще: рядом оказались люди, которые помогали мне с разных сторон взглянуть на наши отношения. Кроме того, меня очень коробило то, что и ее братья в поведении и общении не скрывали того, что они намного круче меня. Рядом с ними я чувствовал себя насекомым, так как они и не думали скрывать свое превосходство. Хасан как-то произнес: «Можно терпеть

холод и голод, но для чеченца нет страшнее наказания, чем терпеть унижение». Такого рода мысли, которые внезапно посещали мою голову, помогали мне легче переносить разлуку, а как помочь Комете? Почему-то очень хотелось, чтобы она вышла из депрессии. Мои советы принимать «Тазепам», пройти курс жесткого гипноза, снова влюбиться она гневно отвергала. Других доступных ей способов избавления от любовного наваждения я не знал. Однажды я предложил Комете почаще бывать у братьев, которые могли ей внушить, что она лучше меня. Невооруженным глазом было видно, что я, по сравнению с ней, беден, как амбарная крыса. Признавать такую реальность Комета не желала. Лишний раз встречаться с братьями Комета не хотела, знала, что растопить их ледяное пренебрежение ко мне ей не удастся. Я был нужен ей со всеми плюсами и минусами. В данный момент она жаждала встречи со мной. Ей казалось, что эта встреча многое решит в наших отношениях. Я много раз задавал себе вопрос: «А хочу ли я такой встречи?» «Нет-нет, какой смысл?» – твердил я. «Один раз можно», – говорил внутренний голос. В такие минуты у меня было ощущение, что во мне живут два человека. Один тянется к Комете, к сказочной и беззаботной жизни, а другой – поворачивается к ней спиной, хочет забыть прежнюю жизнь, как сон. Из задумчивости меня вывел скрежет двери нашего купе. Проводница предлагала чай. Хасан убрал со стола книги. Сергей и Хасан, не торопясь, перекусили, выпили чай и вышли из купе. Мы с Ренатом приступили к трапезе.

– Я не большой психолог, – произнес Ренат, – но чувствую, что у тебя на душе беспокойно.

От этих слов я немного смутился.

– У нас у всех проблемы.

– Ясно, – успокоился Ренат. – Меня удивляет Сергей. Как хорошо он изучил чеченцев, так много о нас знает.

– Я этому не удивляюсь, – сказал я. – Человек жил и работал среди нас. Будучи человеком без комплексов, познал наш характер, язык, алаты. Ему все понравилось, не скрывает своего уважения к нам. Сейчас появилось модное слово – толерантность. Так вот, Сергей – толерантный человек.

– А ты как относишься к русским? – допытывался Ренат.

– К таким, как Сергей, уважительно, – ответил я. – Но русские тоже разные. В Москве я встречал таких, которые были убеждены в том, что чеченцы – злодеи. Если их послушать, то все беды в России от кавказцев, но это недоумки, хамье. А образованные, умные русские – это толерантные люди. Терпимо относятся и к чеченцам, и к татарам.

Ренат живо откликнулся на мои слова:

– Не знаю, как другие люди, а вот татары уважают других. У них нет националистов.

– Ты не прав, – вежливо сказал я. – Среди любого народа есть радикалы. Просто ты с ними не встречался...

Не успел я договорить фразу, как в купе зашли наши старики. Хасан опять вытащил свои книги и, обращаясь к Сергею, сказал:

– Понимаешь, Сергей, чеченцы сохранились не только потому, что имели гиллакх. Одно дело иметь гибкие правила поведения, а другое – в обществе должна быть элита, моральные авторитеты, способные стоять на страже обычаев и традиций. Если таких людей нет, то горе тому обществу. Получается Содом и Гоморра. Почему исчезли эти города? Сейчас ответ на этот вопрос знают даже школьники. В этих городах воцарились безнравственность, моральное разложение. Не было пастырей, которые могли бы своим примером остановить разнужданных людей. Я много размышляю по этому поводу. На долю вайнахов выпало немало испытаний. Особенно в последние 200 лет. Как нам удалось сохранить этническое своеобразие? В первую очередь, конечно, благодаря великому Аллаху. Вера в него не позволяла нам сгинуть в этом мире. Во-вторых, благодаря кьонахам и обычаям. Про обычаи я уже говорил, а вот о роли кьонахов в нашей истории стоит сказать несколько слов. Кьонахи были элитой вайнахов. Аллах дал им ум, они усвоили адамиин мотт¹, четко знали правила человеческого общения. Кстати, по поводу адамиин мотт, скажу, что это не

просто знание родного языка, а сердцевина народной философии. Только очень одаренные вайнахи могут общаться, используя адамиин мотт. Это понятие еще ждет своего исследования. Адамиин мотт – это не просто красноречие, а умение убеждать других, используя факты нашей интересной и трагической истории, а также адаты. Недаром в старину говорили: тот, кто знает адамиин мотт, может разговаривать с королями. Кьонахи – это честные, искренние, приличные люди. Я их в шутку называю чипами, честные, искренние, порядочные чипы живут среди нас, без них мы бы пропали. Великие русские писатели еще в XIX веке обратили на них внимание. Декабрист А. Бестужев-Марлинский писал: «Наружность их величава... ступит ли, станет ли он – модель Аякса и Ахиллеса. Пронзительный взор, стройный стан, величавая походка – все обнаруживает силу и свободу». Хасан закрыл книгу, которую держал в руках и посмотрел на Сергея и продолжил: «Я тебе серьезно говорю, сущность вайнахов нельзя понять без великих русских поэтов и писателей».

Сергей улыбнулся: «Разве я спорю с тобой? Поэтому они и великие, что могли распознавать не только душу человека, но и сущность народа. От их зоркого глаза ничего нельзя было скрыть. Они отлично видели и хорошее, и плохое. Чем больше они узнавали кавказцев, тем с большим вдохновением описывали их нравы».

Хасан добавил: «Главное, описывали людей, традиции, события с большой любовью...» После небольшой паузы продолжил: «Вернемся к нашим баранам. Так вот, представители вайнахской элиты очень сильно влияли на остальных, так как были носителями лучших качеств своего народа, являли собой живой пример для подражания. Поэтому их слушались, почитали и уважали. Поэтому их слава была на вес золота, они формировали общественное мнение». Я обратил внимание на Сергея, который с большим интересом слушал Хасана, чувствовалось, что мысли собеседника сильно зацепили его. «Хасан, – взволнованно заговорил Сергей, – мне кажется, что теперь я понял, почему вот уже почти тысячу лет Русь не может подняться с колен. Если экстраполировать вайнахскую ситуацию на Русь, то со всей очевидностью выясняется, что русский народ так долго мучается из-за отсутствия качественной элиты. Да, у нас были великие князья, цари, императоры, генсеки, но не было нормальной элиты. Зачем далеко ходить, возьмем нынешнюю элиту. Какова она? Вороватые предприниматели, продажные чиновники, отпетые бандиты. С кого простому человеку брать пример? Теперь мне понятно, почему В.С.Черномырдин говорил: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Испокон веков Русь страдала из-за отсутствия качественной элиты, которая пользовалась бы доверием общества». «Правильно, – взволнованно заговорил Хасан, – элита – это ахиллесова пята России. Вот где корень зла. Большое количество образованных людей в стране осознают это, как и то, что чиновники всех мастей уже давно превратили государство в дойную корову. Исторические факты свидетельствуют о том, что большое количество людей, пользуясь близостью к корыту, беззастенчиво грабили государство. Чиновники во все времена были озабочены личным обогащением. Объективности ради, нужно сказать, что средневековая система кормления и деспотизм способствовали коррупции, ведь чиновникам зарплату не платили. Сергей обратил внимание на то, что пишет Иван Грозный Андрею Курбскому: «Все расхитили коварным образом: говорили будто служивым на жалование, а взяли себе... А бесчисленную казну деда нашего и отца забрали себе, будто их наследственное достояние... Всех подданных считали своими рабами, своих же рабов сделали вельможами, делали вид, что правят и распоряжаются, а сами нарушали законы и ... от всех брали безмерную мзду».

– Сергей, видишь, за четыреста лет в поведении чиновников мало что изменилось. Теперь понятно, почему И. Грозный создал свой «опричный обиход» и началась кровавая опричная полоса истории Руси. Конечно, это была дуболомная борьба с коррупцией, которая не только не истребила коррупцию, а привела к великой смуте. Петр I тоже отлично видел, что творят чиновники, особо зарвавшегося князя Гагарина даже казнил. Но системной борьбы с коррупцией у него тоже не было. Его друг А.Меньшиков за короткое время стал одним из богатейших людей Российской империи. Петр I хорошо понимал,

что решать современные задачи с существующей элитой просто невозможно. Россия могла стать легкой добычей могущественных соседей. Многие говорят о реформах Петра Великого, но лишь немногие знают, что эти реформы были бы невозможны, если бы царь не изменил облик элиты. Она не сразу, но постепенно качественно изменилась. Элите пришлось изменить свои повадки, речь, жесты, мышление, психологию. На смену азиатским нормам поведения пришли европейские правила общежития. В первую очередь это касалось морали. В 1717 году боярские, дворянские и посадские семьи получили возможность читать книгу о хороших манерах, которая называлась «Юности честное зерцало, или Показания к житейскому обхождению». Воспитанный дворянин должен был иметь чувство такта, уметь контролировать свои слова и поступки, галантно относиться к женщине, прилично вести себя за столом. Считалось дурным тоном громко говорить, сквернословить, грубить, развязно жестикулировать, намеренно оскорблять достоинство окружающих людей, неряшливо одеваться. На смену угрюмым и бородатым мужчинам пришли красиво одетые, ухоженные люди, говорящие на иностранных языках, которые блистали на праздниках и приемах. Жены и дочери бояр и дворян в европейских нарядах очаровывали галантных кавалеров, которые весьма уважительно относились к дамам. Очевидно, именно в то время зародилась формула: «Богу – душу, жизнь – Отечеству, сердце – женщине, честь – никому». Это и был нравственный стержень российского аристократа. Для человека, проповедующего эти принципы, понятия «честь» и «достоинство» не были пустыми словами. Кто покушался на эти ценности, мог закончить свою жизнь на дуэли, которая начала входить в моду. Петр I сумел создать новую российскую элиту, которая на протяжении двух столетий оберегала страну от внутренних и внешних врагов. В этой связи на память приходит трагическая история адмирала Колчака. Большевики взбаламутили народ популистскими лозунгами. В крестьянской стране особенно популярным был лозунг: «Земля – крестьянам». Используя его, большевики сумели собрать под свои знамена огромные массы крестьян, которые поверили бесам. Если Колчак был бы беспринципным лгуном, то он мог запросто пообещать крестьянам землю и золотые горы. И тогда эта масса крестьян, безусловно, пошла бы за ним. Колчак, как человек чести, не мог по определению использовать ложь в качестве политического инструмента.

Когда Хасан замолчал в глубоком раздумье, я уже лежал на своей полке и вспоминал старейшину нашего рода Абу. Я с большим трепетом относился к этому человеку. В нашей семье всегда с большим уважением произносили имя этого умудренного жизненным опытом старика. С раннего детства я слышал: «Абу сказал, Абу сделал...» В знак особого уважения даже пожилые люди нашего тайпа не произносили настоящее имя этого человека, а ласково обращались при встрече «Аби», а уж мы, молодые, всегда называли его так. Он, несмотря на солидный возраст (а было ему больше восьмидесяти лет), был человеком не только большого ума, но и поражал окружающих силой воли, выдержкой и адекватностью. Его никто и никогда не видел растерянным, впадающим в истерику и устраивающим кому-нибудь разнос. Натура эта была уравновешенная, жесткая, когда нужно. Абу был общепризнанным моральным авторитетом, поэтому его приглашали для разрешения споров, примирения кровников. Он с удовольствием выполнял эту работу, руководствуясь принципами ислама и гиллакха. Поэтому был неподкупен и всегда говорил правду в глаза. Перед тем, как уехать в Когалым, отец посоветовал мне сходить к Абу за напутственным словом. Когда я пришел к Абу, он сидел под навесом и пил чай. Неподалеку занималась своими делами его сноха Хава, которая внимательно следила за тем, чтобы в чашке был кипяток. Абу пригласил меня к столу, но я вежливо отказался и стал рядом, готовый оказать любую услугу. Несмотря на жару, на его бритой голове была красивая тубитейка. Его серые глаза излучали тепло и радость. Я сразу почувствовал, что он рад моему визиту, а когда узнал цель моего прихода, то это добавило ему живости и энергии. Наверное, ощущение востребованности способствовало его долголетию. Поглаживая седую бороду, Абу начал тестировать меня на предмет моих познаний имен предков до седьмого

колена. Моими ответами был явно доволен. Затем тихо и медленно заговорил: «Никогда не забывай, кто ты и откуда. Ты уезжаешь в далекие края. Это не страшно. Сейчас за считанные часы можно оказаться в любой точке Земли. Человек должен состояться в профессии, заниматься делом. Хьарам² нам не нужен. Кьонах ничего не должен бояться, кроме страха потерять веру в Аллаха и сий. Человек без веры и чести – это собака. На чужбине очень важно ладить с людьми. Это не трудно, нужно просто быть вежливым и обходительным. В мире людей будь человеком. Правила приличия везде одинаковы. Я жил среди русских, казахов, татар и всегда ладил со всеми, так как всегда следил за своей речью и контролировал поведение. Умение ладить с людьми – это очень важное качество человека, особенно вдали от родной земли. Где бы ты ни был, знай, мы тебя любим и ждем...»

Мудрый старик продолжал свою речь, а я слушал его, впитывая в свою душу каждое слово. Под монотонный стук колесных пар на память приходили мудрые мысли Абу о том, как нужно строить отношения с другими людьми, опираясь на терпение и уважительное отношение к окружающим.

Слова о том, что нужно уметь уживаться с другими людьми, я слышал постоянно. Дома, на улице, в беседах с родными и близкими не обходилось без этой темы. Отец вообще был категоричен: «На мой взгляд, человек, не умеющий нормально общаться с другими людьми, полный идиот. Конечно, люди разные – есть хамы, негодяи, дураки. Что делать? Обходить их, не общаться с ними, держаться от них подальше, не иметь с ними никаких дел». Вообще-то, у меня не было особых проблем во взаимоотношениях с другими людьми. Опрятность в отношениях с окружающими меня людьми была важной чертой моего характера. Я старался ладить со всеми. Правда, не всегда это у меня получалось. Братья Кометы не скрывали свое неприязненное ко мне отношение. Понять их можно было: некоторые земляки сделали им столько пакостей, что они выработали установку не пускать их в свои сердца. Идя навстречу желанию своей матери, они не препятствовали Комете жить со мной, но всегда находились в ожидании того, что я рано или поздно шокирую их неадекватным поступком. Трудно требовать от провинциала адекватности в столь сложном городе, как Москва. Братья Кометы априори считали меня человеком, не способным адаптироваться к столичной жизни. Мата, Комета всегда меня хвалили, указывали на то, что у меня мягкий, добродушный характер, но на братьев их речи впечатления не производили. Они знали, что идеальных людей не бывает. А когда наши семейные отношения дали трещину, сделали все, чтобы эта трещина стала пропастью, разделяющей меня и Комету. Впрочем, сама Комета показала себя не лучшим образом. Ее оголтелая, гламурная жизнь никак не вписывалась в мои представления о семейной жизни. Я хотел, чтобы она была как у моих родителей, как и у односельчан. Комета с высоты своего положения доказывала мне, что современная жизнь положила конец устоям прежней жизни и патриархальной семьи. Она утверждала, что я являюсь носителем ветхих взглядов. По ее словам выходило, что восстановить древние обычаи уже не удастся, нравы предков не вписываются в современные реалии. А когда я спрашивал у нее, а по каким правилам живут современные люди, она молчала. В такие минуты я искренне жалел ее. Мне она напоминала щепку, которая носилась по волнам буйной горной речки. Она не хотела признавать условности жизни, наслаждалась этой жизнью по полной программе, тратя огромные суммы денег на удовольствия. Менять этот ритм жизни она не хотела и не могла. Говорят, что поведение человека определяет чувства, но и чувства не всегда были в ее власти. Она совершенно не умела ограничивать свои страсти. Захотела – сделала – такова была у нее установка. Так и сейчас, захотелось ей вернуть мужа – будет стараться это сделать, даже если мир перевернется. Но тут нашла коса на камень. Она никак не могла понять, что я этого не хочу, потому что боюсь потерять сий. Да, мне тяжело без нее, да, она умница-красавица, да, она богачка, но совместная жизнь не получилась и не получится, два мира, которые уже никогда не пересекутся. Амба. Возможно, все было бы по-другому, если бы не ультразгоизм Кометы. Она ничего не хотела менять в своей жизни. Коробила также ее неготовность

к семейной жизни по вайнахским понятиям. Небывалый жизненный комфорт сделали ее рабой своих желаний, она все время шла на их поводу. Гламурный дух отравил все ее сознание. Как-то я спросил у нее: «Комета, что нужно, чтобы семья была крепкой и счастливой?» Не моргнув глазом, она ответила: «Любовь и деньги». Увидев, что я в замешательстве, начала тараторить: «Терпение, забота, уважение, доброта, взаимопонимание...» Когда она остановилась, я спросил: «А где вера в Аллаха? А где «да убьется жена мужа»? Комета была в недоумении. Она так увлеклась деньгами и наслаждениями, что перестала чувствовать боль близких ей людей. Она в упор не понимала, что наши с ней отношения в какой-то части могли обесчестить и опозорить меня. От этого я страдал. Мучилась Мата, мать Кометы, от дурных привычек дочери. Ибрашка был лишен материнской ласки. Духовная слепота, нравственная черствость напрочь лишили ее способности быть чуткой к самым дорогим ей людям. Внешне это не проявлялось, так как она не скрывала свою любовь ко мне, ее восхищенные взгляды невозможно было забыть. Она не жалела денег, чтобы одеть, обусть и накормить меня. Находила ласковые слова для матери и сына, дарила им подарки. Внешне все было в норме, но от ее душевной глухоты мы страдали. Даже сейчас, переживая внутренне землетрясение, она не могла объективно оценить ситуацию, подбирая аргументы в свою пользу. Ей казалось, что она всех понимает, а вот ее... Парадокс заключался в том, что понимать ее означало угождать ей, потакать ее страстям. Угодничество несовместимо с чувством собственного достоинства. А без этого чувства человек превращается в ничтожество. Аксиома. Совдат уверенно говорила: «Мой брат – настоящий мужчина». Значит, она была уверена, что у меня есть иммунитет против негатива. Это меня ободряло, грело душу. Очевидно, этот иммунитет помогал мне достойно справляться с взаимоисключающими требованиями любимой женщины и своими душевными страданиями. У Кометы этого иммунитета не было, и поэтому сейчас она страдала, как наркоман, который внезапно перестал принимать наркотики. Ломка, судя по всему, была страшной. В таком состоянии ей были ненавистны мои мысли о том, что нужно смириться с ситуацией и постараться забыть прошлое. Идти вперед, навстречу новой любви. Когда я по телефону озвучивал эти мысли, Комета впадала в истерику. В такие минуты я жалел ее, по большому счету она была человеком дружелюбным и контактным. Просто запуталась в жизни потому, что оторвалась от своих корней. В контексте того, что говорил Хасан, гламур оставил Комету без двух важных опор человеческой жизни: твердой веры в Аллаха и Гиллакха. Наверное, поэтому сразу скисла, впадала в дикую депрессию, как только рядом перестали кипеть страсти. Ждать и терпеть, когда жизнь наполнится новыми чувствами, она не умела и не хотела. Мне очень не нравилось, что Комета не скрывала от окружающих свою депрессию. Не трудно было представить, как страдала Мата, видя, как тяжело переносит разлуку со мной дочь. Братья были уверены в том, что страсти-мордасти со временем улягутся и сестра найдет себе достойного человека с московской пропиской. Понять их можно было, они очень хотели семейного счастья сестре, но не желали, чтобы их зятем был не москвич. Поэтому они не хотели иметь со мной никаких дел, так как возни с сельским человеком было много, а толку мало. «Все хотят что-то урвать, но никто не хочет что-то дать», – говорил Валид, выражая свое мнение и мнение своих братьев. Наверное, и Комета рассуждала так же до встречи со мной.

Продолжение следует.

¹ Адамийн мотт (чеч.) – буквально «человеческая речь» – нормы взаимопонимания, терпимости в общении.

² Хьбарам (чеч.) – грех, греховность.

Башир Виситаев**На войне как...**

Микслэнд – Помпеи,
 Карфаген, Гоморра...
 Как фениксу, агония ей фора,
 Дары земли тут – яблоко раздора.
 И мир, и война
 белыми нитками шиты;
 Камуфляж –
 дьявол носит не «Прада».
 Культурная программа политэлиты:
 Спектакли, цирк и маскарады;
 Глаголют, как Цербер,
 в три версии гавка.
 И, куря трубку мира,
 держись томагавка,
 Т-800, возможно, десептикон,
 Тут каждая фея на деле – дракон.

Липы: акулы пера, павлины,
 прочая нежить –
 Их ложь, как в бугурте,
 может опешить,
 В сейсмически сонном краю –
 потрясет.
 К союзу их причастный оборот:
 Ларца Пандоры бедствий круговерти.
 А мы, как в хосписе,
 ждем кастинг смерти.

Реальность – плеер,
 заедающий пленку,
 Биоритмы ломаются на шестеренки.
 Меридианы параллельны –
 некуда шагнуть;
 Горький, чем у Пешкова,
 здешний путь.

Прогноз погоды: дождь и град,
 Саспенс прологом канонад.

Фрегат мой мчался от кракена в порт,
 Но солью на раны
 был желаемый торт.
 Бомба ли, лампа ли – мы жгли
 фитиль,
 Раскрасить мир свой – Плезантвиль.

Вложил душу в мир –
 ты обманутый вкладчик...
 Заработаешь жизнь,
 если чей-то подрядчик.
 Поздно нести через Мордор кольцо,
 У войны не женское лицо,
 Но в Кремле команда визажистов.
 Война – игра в апгрейд протагониста,
 Но я, как гитара, – не настроен
 играть;
 Где у гиен текут слюни,
 мне наплевать.

Имеющим жало – мед и гнездо.
 Все взяли тати, катаны, забыв бусидо.
 Теперь им море по колено,
 Пусть руки по локоть в крови,
 Но честь не подлежит обмену,
 А чеченцу война – с дежавю визави.

То, что внутри

Миную фасада декор,
 Ландшафтных дизайнов рельеф,
 Взглянем за кожу портьер и штор –
 На комнатный интерьер:
 Над часами ошибок
 Опыт грубой резьбы.
 У печатных машинок,
 За коробками черновики

Неоткрытый подарок судьбы –
 Сборник чистых листов.
 Слева – шкатулка с набором рубцов.
 Из детства лампа у серванта
 С картой сокровищ –
 зарытых талантов.
 Кредитки и четки на чашах весов.
 Свеча здоровья долго тлела –
 Светя другим, сама сгорела.
 Рядом шкаф и скелет,
 От пятен хранящие чести портрет.
 Время тут шалит: сосуды биты,
 Картины памяти размыты...
 Справочник грезит о воле блокнота,
 В камине сражается холод с огнем.
 А зеркало смотрит с комода –
 Весь дом отражается в нем.

От лени

Рушу
 День и вечер сонный,
 Томной ночью омраченный,
 Окруженный обрушенной
 Злой тоскою, обрученной
 С тьмою комнаты холодной,
 Что тюрьмою обреченной
 Отвлеченно гробом черным
 Душит, рушит увлеченно
 Душу.

Словарь для непосвященных

Десептиконы (англ. Deserticons) — противники автоботов в вымышленной вселенной трансформеров. Название «десептиконы» происходит из сочетания английских слов «deception» («обман») и «construction», т.е. его можно истолковать как «роботы-обманщики».

Бугурт (др.-в.-нем. Buhurt, старофр. bouhourt или buhurt «бить») — 1. рыцарский турнир, в ходе которого две группы рыцарей, вооруженных затупленным оружием (копьями либо другим оружием, как например турнирная палица, или комбинацией, состоящей из обоих типов) сражались друг против друга. 2. Моделирование массовых сражений. Бугурт проводится с целью применения на практике навыков боя в составе группы.

Саспенс – беспокойство, тревога.

Плезантвилль (англ. Pleasantville) — несуществующий, вымышленный город.

Катана – японский меч.

Бусидо – кодекс чести самурая.

Дебют**Альтемиров Іарби**

Альтемиров Іарби вина 1974-чу шарахь Хьалха-Мартан Кюштарчу ГихтІахь. 1991-чу шарахь юьртара ишкол чекхьяьккхинчул тІаьхьа дешна ЧГУ-н филологин факультетехь.

Цигара ваьллачул тІаьхьа ша дешначу школе нохчийн меттан, литературин хьехархочун балха веана, таханлерчу дийне кхаччалц цигахь болх беш ву. Ткъа 2009-чу шарахь дуьйна Кюштан Дешаран урхаллахь а нохчийн меттан, литературин методистан болх беш схьавоглу Іарби, хьехархочун болх дІа а ца тосуш.

Велаш да реза!

Де дийне долуш дІайоьду хьо, зама.
Мел хилларг дагара ца долу дІа.
Да воцуш ца туьгу со ваха Іама,
ДІадалац даг чуьра и шийла Іа.

Хьо даг чуьра ца волу,
сан хьоме дада.
Ойланехь даиман хьо соьца ву.
Къастаро вина со тахана Іада.
Хьекъалах тиларна со кхоьруш ву.

БІаьргийн нур лахделла,
хийла хиш эгна,
Корта а къежбелла, гатдина са.
Вуон-дика къасточохь дагвалар эшна,
Хораман къурдаш а дан дезна сан.

Хийла кІант шен деца
схьавоглуш вайча,
Дог дашош, сан бІаьргех
ма даьлла хи.
Да виса, сан дада, хьо дийна хилча,
Байлур бара баланаш,
шайх хилла тхи!

Дех ваьлларг боу ма ду,
хиларх мел воккха,
Къастарца тІекхета и цІийнан дукъ.
Дена хьо бер ма ду, хиллахь а доккха,
Цкъа а ахь цунна ма тохалахь букъ!

Алийша, хІун хир ду,
дел сийлахь, деза!?
Ларлолаш сихаллахь вас цунна ярх!
Вежарий, ас доьху, велаш да реза!
Ца винехь пайда бац Іамалаш ярх!

Кхоьру со

Кхоьру со дахаран новкъахь,
Маттаца чов ярна цхьанна.
Кхехкачу дуьненан шовкъехь,
Вуон болх ас бина те хьанна!?

Кхоьру со ямартло йожарх,
Тешам юккъера дІабаьлла.
Хьарамло сайн дагчу йижарх,
Яхь йолу кІант хьо ву аьлла.

Кхоьру со дех-ненах ваьлла,
ГІийла боу хилла висарна.
ТІаьхьашха со воглуш аьлла,
НеІалт декхаза дисарна.

Кхоьру со гІалатло яьлла,
Нахалахь яхна це йожарх.
Хьо воцуш йиш яц сан аьлла,
Куралла сайн дагчу йижарх.

Кхоьру со бер ненах даьлла,
Тахконза ага дисарна.
Маьхьарца и самадаьлла,
Адамын лергаш къардарна.

Кхоьру со ямартчу наха,
Тешнабехк гІийлачун барна.
Иштганиш оьшуш бац баха,
Кхел йийр ю чІогІахеч царна.

Кхоьру со ца оьшу аьлла,
Ненан мотт тесна битарна.
Хабарех зулам а даьлла,
Ца буйьцуш Іилла бисарна.

Кхоьру со озда г1иллакхаш
Ца лелош, церан сий дарна.
Адамийн дика г1уллакхаш,
Чим хилла, г1епаза дарна.

Кхоьру со йиш-ваша доцуш,
Х1усам сайн шийла йисарна.
Довзалш сайна муьт1ахь боцуш,
Къаналлехь цхьалха висарна.

Кхоьру со везачу Делах,
Ойланехь 1еса хиларна.
Геч деха ца ларош Деле,
Мулкалмовт сазца дарна.

Нана, ахь кхий со...

Мерзачу набарха хийла хьуо юьйлуш,
Хилла вас, цатам хьайн
дагахь а къуьйлуш,
Муьлхха а сингаттам, бала д1аойбуш,
Нана, ахь кхий со, валарна кхоьруш.

Хьайн кийра бузош,
пхьор хьайна ца дууш,
Гельъялар, садаар х1ун ду ца хууш,
Вахча со чуваллалц синтеме йоцуш,
Нана, ахь кхий со, лазорна кхоьруш.

– Нахаца вазалахь айпаш ца дохуш,
Хьарамчух ларлолахь
дуьненахь вехаш,
Хьайн ворхе а ден це ларьелахь,
– бохуш,
Нана, ахь кхий со иймане вьхуш.

– Даймохк а ларбелахь,
хьайн нана санна,
Вайн къоман 1адатех дуьне ду дуьзна,
Г1иллакхах ма воха цхьана а ханна...
Нана, ахь кхий со нохчаллах вуьзна.

Лаьар-кха, сан нана, даиман суна,
Ахь маракъевлина набарна вижа,
Дуьненан доллу ирс д1адала хьуна,
Ойланехь даима бераллехь виса!

Нохчийн йо1

Схьакхета дашо малх
хьан нуьрах лепа,
Стигланийн хазалла
хьох йобзна ю.
Дахаран хьелашкахь
хьо озда лела,
Дуьненан мехкаршлахь
билгала ю.

Цинбеллачу баттах
тарло хьан амат,
Шовданех терра
хьан дог це на ду.
Массо а к1ант хьегош
тайна ю амал.
Нохчийн йо1, г1иллакхаш
хьан хаза ду.

Сирлачу шовдане
к1удал а оьций,
Цу лаьмнийн баххьашка
б1аьрг тухуш байн,
Йогу хьо жимачу
йо1ан куьг лоций,
Нохчийн йо1, ахь лардо
1адаташ дайн.

Хийла к1ант генара
хьоб хьобжуш лаьтта,
Лууш шайн дагна
синтем ахь бойла.
Хийла со д1авахна
дийца эхь хетта,
Дог а сан 1ийжаш,
лууш хьо гойла.

Детица, дешаца
кхелина дахар,
Даиман хилийта
со кийча ву.
Хьобца бен оьшуш вац
дуьненахь вахар,
Нохчийн йо1, дерриг
сан дахар хьо ду.

Дог1а догу1

Дог1а догу1, къекьош стигал
Доллу х1ума тийна 1а.
Шеха хилла жима х1айкал,
Дашо малх а лечкьи д1а.

Дог1а доьлху дийнахь-буса,
Тарлуш б1аьрхих адамийн.
Хийла и т1едогу1 буьрса,
Хезош г1овг1а т1адамийн.

Ойлане цо воху хийла,
Лазарца верг г1ел а во.
Дуьненан еш оила г1ийла,
Корах ара хьобжу со.

Дог1а сацош, стигал екха,
Малхо з1аьнарш кхерстайо.
Дог1анна цо бо шен бекхам,
Латта дакьош, йовхо ло.

**Вахит Акаев,
Абдула Бугаев,
Магомед Дадуев**

Депортация чеченцев – абсурдность официальных причин и необходимость объективного изучения

23 февраля 2013 года исполняется 69 лет депортации чеченского народа, а через год очередной черной юбилей – 70-летие со дня совершения этого преступления. Проблемы освещения депортации чеченцев, восстановления их государственности, противоречия в становлении и развитии ЧИАССР, последующая ее ликвидация в современных исследованиях часто приобретают односторонний, необъективный и искаженный характер.

Более того, имеет место тенденция нивелирования и даже идеологического пересмотра некоторых решений государственных органов СССР, РСФСР и РФ, направленных на реабилитацию депортированных народов и, главным образом, чеченского народа. Между тем, задача исследователей заключается в том, чтобы дать объективный анализ событиям прошлого, противодействовать фальсификациям, намеренно совершаемым с целью оправдания преступлений власти.

1. Правовая абсурдность официальных причин депортации чеченцев

Чеченцы со своей исторической территории были депортированы 23 февраля 1944 года. Но перед этой трагедией власть осуществляет некоторые «законодательные» акции. По утверждению Р.И. Хасбулатова, «17 октября 1943 года появляется секретное Постановление Совнаркома СССР о депортации чеченцев, ингушей, калмыков и карачаевцев» [1, с. 422]. Но это Постановление в научный оборот не было введено, а поэтому возникает необходимость его тщательного анализа. Через полтора года после депортации чеченцев, то есть 7 марта 1944 года, появляется Указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории». Сначала, совершив насилие над народами, верховная власть страны его узаконивает. 25 июня 1946 года Президиум Верховного Совета РСФСР (И. Власов) принимает Закон «Об упразднении Чечено-Ингушской АССР и о преобразовании Крымской АССР в Крымскую область».

Отмеченные выше «законодательные нормы» государства далеки не только от правовой справедливости, но и от четкой юридической последовательности и совершенства. Кроме того, они носили антиконституционный характер, а стало быть, субъективны и абсурдны. Так, в соответствии со статьей 127 Конституции СССР 1936 года, гражданам страны обеспечивалась неприкосновенность личности, и никто не мог быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора. А статья 128 обеспечивала неприкосновенность жилища граждан и тайну переписки. Однако само государство, нарушая эти, казалось бы, незыблемые конституционные нормы, депортировало сотни тысяч чеченцев в Среднюю Азию и Казахстан, подвергая их аресту целыми селами и населенными пунктами, лишая имущества, собственности. При этом не выносились прокурорские санкции и постановления судов.

Перед представителями депортированных народов, в том числе и чеченцев, а также перед ныне живущими поколениями возникает вопрос: за что они были депортированы? Существуют документы, указывающие на официальные причины депортации народов. С нашей точки зрения, кроме официально артикулированных причин депортации, существуют и неофициальные причины, которые ни в исторической, ни в политологической литературе не озвучены и не осмыслены. Последние логически следуют из геополитических аспектов стратегии войны СССР против фашистской Германии и ее союзника Турции, имевшей общую границу с СССР. Существует мнение о том, что И. Сталин в 1943-1944 годах готовил нападение на Турцию, а для этого нужно было с Северного Кавказа удалить мусульманское население, которое, по прогнозным соображениям сталинских экспертов, могло бы быть использовано единой Турцией.

Остановимся на разборе официальных причин депортации чеченцев. В чем же обвиняла Верховная власть чеченцев после начала ВОВ? Все эти официальные обвинения изложены в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» от 7 марта 1944 года. Так, чеченцы государством обвинялись в том, что многие из них изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов, вступали в отряды диверсантов и разведчиков, создавали по указке немцев вооруженные банды для борьбы против советской власти, будучи незаняты честным трудом, совершали бандитские налеты на колхозы соседних областей, грабили и убивали советских людей. Таков, в основном, набор обвинений, выдвинутых властью против чеченского народа. А в принятом Президиумом Верховного Совета РСФСР Законе от 25 июня 1946 года констатировалось, что многие чеченцы и крымские татары вели борьбу против частей Красной Армии. В соответствии с советскими законами, наличие хоть одного из этих обвинений вполне было достаточно, чтобы надолго упрятать человека в тюрьму, а в сумме своей они составили основу страшной клеветы, сочиненной для изгнания народа со своей исторической родины навсегда.

В первом официальном обвинении утверждается, что «многие чеченцы изменили Родине, переходили на сторону фашистских оккупантов». Но в связи с такой формулировкой возникает вопрос: «многие чеченцы» – это сколько? Десять, сто, тысячи, десять тысяч...? Сколько же было всего чеченцев, изменивших Родине, чтобы затем депортировать весь их народ? Более того, территория Чечни никогда не была оккупирована, а к 1943 году немцы были изгнаны с Северного Кавказа. В связи с этим уместен вопрос: какая была необходимость в депортации чеченцев?

Вторая причина: чеченцы вступали в отряды диверсантов и разведчиков, создавали вооруженные банды для борьбы против советской власти. Однако никто нигде не публикует сведения о том, кто конкретно из числа чеченцев вступил в отряды немецких диверсантов и разведчиков. И сколько их было? Но странно и другое. Искусственно созданные НКВД «банды» для определенных целей со временем этим же ведомством были «сданы», а затем попали в статистику предателей родины. Этот вопрос никогда не ставился и не обсуждался.

Третья причина: налеты на колхозы соседних областей, грабежи и убийства советских людей – уголовные преступления, совершенные отдельными личностями. Но чеченский народ их не совершал.

В качестве четвертого обвинения выдвигается утверждение, что многие чеченцы вели борьбу против Красной Армии. Оно возникло через два года после депортации чеченцев. Хотелось бы узнать: сколько чеченцев и где

конкретно вели борьбу против частей Красной Армии? Поскольку ответ на этот вопрос отсутствует, то мы приходим к заключению о ложности предъявленного обвинения и фальсификации событий прошлого.

Поверхностный анализ указанных официальных причин, легших в основу депортации чеченского народа, убеждает в том, что каждая из них не выдерживает элементарной проверки и не соответствует действительности. Для убедительности они вместе собраны в кучу, кроме того, ими сфабрикована реальная ситуация, и они как ярлыки прочно приклеены к чеченскому народу. Они до сих пор служат основанием всевозможных спекуляций, направленных на дискредитацию чеченцев, оцениваемых чуть ли не эвентуальными врагами Российского государства.

2. Официальная критика депортации народов

Сосланные чеченцы, пройдя невыносимые страдания и стресс адаптации к условиям изгнания, провели 13 лет в Казахстане и Средней Азии. При этом они на долгие годы подверглись поражению в юридических и социальных правах. Отношение к ним со стороны власти, местного населения далеко не всегда было доброжелательным. Не без «агитации» энкавэдэшников среди местного населения был распространен слух, что чеченцы «людоеды».

Смерть Сталина 5 марта 1953 года явилась началом заметного смягчения режима спецпереселения.

Официальная критика депортации народов начата в 1956 году на XX съезде КПСС в докладе Н.С. Хрущева, посвященного развенчанию культа личности Сталина. В своем докладе он заявил следующее: «Советский Союз по праву считается образцом многонационального государства, ибо у нас на деле обеспечены равноправие и дружба всех народов, населяющих нашу великую Родину. Тем более вопиющими являются действия, инициатором которых был Сталин и которые представляют собой грубое попрание основных ленинских принципов национальной политики Советского государства. Речь идет о массовом выселении со своих родных мест целых народов, в том числе всех коммунистов и комсомольцев без каких бы то ни было исключений. Причем такого рода выселение никак не диктовалось военными соображениями».

Так, уже в конце 1943 года, когда на фронтах Великой Отечественной войны определился прочный перелом в ходе войны в пользу Советского Союза, принято было и осуществлено решение о выселении с занимаемой территории всех карачаевцев. В этот же период, в конце декабря 1943 года, точно такая же участь постигла все население Калмыцкой автономной республики. В марте 1944 года выселены были со своих родных мест все чеченцы и ингуши, а Чечено-Ингушская автономная республика ликвидирована. В апреле 1944 года с территории Кабардино-Балкарской автономной республики выселены были в отдаленные места все балкарцы, а сама республика переименована в Кабардинскую автономную республику. Украинцы избежали этой участи потому, что их слишком много и некуда было выслать. А то он бы и их выселил. В сознании не только марксиста-ленинца, но и всякого здравомыслящего человека не укладывается такое положение — как можно возлагать ответственность за враждебные действия отдельных лиц или групп на целые народы, включая женщин, детей, стариков, коммунистов и комсомольцев, и подвергать их массовым репрессиям, лишениям и страданиям?» [2]

Н.С. Хрущев обвинил И. Сталина в грубом попрании ленинских принципов национальной политики СССР, выселении целых народов без каких-либо исключений, возложении ответственности на целые народы за враждебные действия отдельных лиц и групп.

После хрущевского доклада наступает переломный момент в официальной политике, осуществляемой в отношении репрессированных народов. Почти все они были возвращены в места их прежнего проживания. Были воссозданы их национально-государственные образования, начался процесс их социально-экономического, культурного развития. Однако этот процесс не был гладким, однозначным, его сопровождали коллизии, часто связанные и с тяжелыми последствиями депортации. Многие годы оставались нерешенными немало проблем, порожденных депортацией и репатриацией народов. Через 46 лет после депортации, то есть 26 апреля 1991 года, на государственном уровне был принят Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов». В преамбуле этого закона впервые в советской истории было отмечено, что репрессированные народы подвергались геноциду и клеветническим нападениям. В первой статье закона констатируется, что «репрессивные акты против этих народов признаны незаконными и преступными» [3, с. 74].

Как жизненно необходимые юридические нормы, этот закон способствовал смягчению следов насилия, совершенного над депортированными народами. В отношении к чеченскому народу во многих своих положениях он остался невыполненным. Но об этом официальная власть сегодня вообще не вспоминает, делая вид, что нет проблем депортации народов, и они остались в прошлом, а общество молчит, занятое ежедневными заботами о выживании. Между тем они не преодолены, живут своей жизнью в поколениях, испытавших репрессии и депортации, а также в подрастающих поколениях, порою усиливая национальную напряженность в России.

Данный закон никем не отменен, а потому, полагаем, что исполнительная и законодательная ветви власти республики могли бы выйти на федеральный уровень с рядом конструктивных предложений о его пролонгации в отношении чеченского народа.

3. О фальсификациях в освещении проблем депортации чеченцев

Среди отечественных исследователей большое внимание исследованию проблем депортации народов, в том числе и чеченцев, уделяет Н.Ф. Бугай. С его точки зрения, выселение чеченцев и других народов – это «превентивная мера военного времени, примененная к «неблагонадежным этносам» [4, с. 173]. Но почему же эта мера была применена к некоторым народам именно тогда, когда в этом не было необходимости? Кроме того, сей автор не желает признать депортацию народов преступлением сталинско-бериевского режима и делит народы СССР на «благонадежные и неблагонадежные». Видимо, такая классификация им обнаружена в документах НКВД, к которым он имел доступ раньше, чем обычный исследователь. Им не объясняется, в чем проявлялась неблагонадежность чеченского народа и насколько правомерно преступное действие власти, опирающееся на этот сомнительный и субъективный принцип?

В совместной монографической работе Н.Ф. Бугая и А.М. Гонова обосновывается наличие в Чечне в 20-30-е годы XX столетия антагонистических противоречий между властью и чеченцами, пострадавшими от коллективизации, наличие организованного сопротивления со стороны так называемых бандформирований. В связи с этим требует основательного осмысления деятельность вечно ищущего НКВД, осуществлявшего масштабные репрессии в отношении населения ЧИАССР. Эти авторы пишут, что только по одному прокурорскому ордеру в 1937-1938 годы были арестованы 14 тыс. человек и на всех них распространялось решение одного заочного суда – «чрезвычайной тройки НКВД ЧИ АССР» [4, с. 76].

В ходе этой «генеральной операции» (выражение А. Авторханова) по изъятию антисоветских элементов одни были расстреляны, а другие сосланы. Через 50 лет преобладающее большинство из них было реабилитировано, однако этот факт Н.Ф. Бугай в своих регулярно издаваемых книгах игнорирует. Но он делает вывод, что «проводимые чекистские операции не приводили к стабилизации обстановки и в начале 40-х годов». Отсюда напрашивается логический вывод: у власти не оставалось иной меры, кроме как поголовное выселение народов. А это – оправдание депортации чеченцев.

Ссылаясь на сведения Н.Ф. Бугая, не критически выявленные им из архивов, фальсификатор И. Пыхалов причину депортации чеченцев видит в том, что «в годы войны чеченцы и ингуши совершили преступления, причем гораздо серьезные, чем история с пресловутым белым конем, якобы подаренным чеченскими старейшинами Гитлеру» [5, с. 23]. Между тем, «гораздо серьезные преступления», совершенные чеченцами, у И. Пыхалова не выходят за рамки тех обвинений, которые были официально сформулированы властью. А они российским законом признаны антиконституционными и преступными. Его высказывание о дарении «чеченскими старейшинами Гитлеру белого коня» – наглая ложь, осознанная клевета. Сей одиозный автор, пытаясь оправдать правомерность изгнания Сталиным и Берией чеченцев, часто ссылается на фальсифицированные НКВД архивные документы. Есть основание полагать, что он не утруждал себя скрупулезной работой в архивах. Предпочитая научной истине пропагандистскую ложь о подарке чеченцев Гитлеру, сочиненную НКВД, он проявил явную недобросовестность. Им не обнаружены реально существующие архивные документы, в которых детально был бы описан факт дарения Гитлеру белого коня. А к этому факту ни один из депортированных народов отношения не имеет.

Вопрос депортации народов все чаще обсуждается в отечественной исторической и политологической науке, но при этом далеко не всегда получает объективное отражение. Однако встречаются и такие работы, в которых официальные причины депортации чеченцев не считаются объективными и называются фальсификациями. Такая позиция высказывается в монографии «Чеченцы», изданной в рамках серии «Народы и культуры»; в ней набор обвинений, выдвинутых в адрес чеченцев, справедливо называется «надуманным и предназначенным для оправдания жестокой меры депортации чеченцев» [6, с. 91].

Архивные документы, начиная с 1943 года, свидетельствуют о существовании между Чечено-Ингушским обкомом КПСС и руководством местного НКВД серьезных противоречий по оценке политической ситуации в республике. Партийное руководство отмечало стабильный характер социально-экономической и политической ситуации накануне войны с фашистами и о выполнении и перевыполнении планов народного хозяйства. И оно несколько раз подвергало критике деятельность НКВД ЧИАССР, которое вместо качественной работы на местах, отправляло наверх дутые цифры о масштабах бандитизма, антисоветских настроений, дезертирства.

Такие авторы, как Н.Ф. Бугай, В. Логинов, А. Мартиросян, М.Н. Полторанин, И. Пыхалов, опираясь на фальсифицированные данные, делают сомнительные выводы о массовом бандитизме в конце 30-х – начале 40-х годов прошлого столетия в ЧИАССР, дезертирстве и сотрудничестве чеченцев с фашистами. Эти идеи получили развитие в коллективной монографии «Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», авторами которой являются А.Ю. Безугольный, Н.Ф. Бугай и Е.Ф. Кринко, в разделе «Принудительное выселение чеченцев» [7].

Так, А. Мартиросян, написавший апологетический труд о Берии, клеветнически утверждает, что многочисленные представители депортированных народов,

в том числе чеченцев и ингушей, совершили особо массовые всевозможные злодейские преступления в годы ВОВ с одобрения едва ли не абсолютного большинства самих же этих народов [8, с. 217]. Далее сей автор пишет: «Если бы Комитет Обороны СССР и лично Верховный Главнокомандующий И. Сталин решили бы поступить с этими негодьями и преступниками в строгом соответствии с действовавшим тогда уголовным законодательством и с учетом специфики военного времени, то к стенке пришлось бы ставить практически все мужское поголовье этих народов». Но «гуманное» советское руководство избирает депортацию, которую автор считает куда более мягким, принципиально далеким от понятия геноцида путем [там же, с. 218].

Для А. Мартиросяна депортированные народы – негодья и преступники, а их депортация для него геноцидом не является. Как неисправимый циник и фальсификатор, он заявляет, что в местах депортации сосланные народы «недурно размножились». Подобное может позволить себе либо прямой участник издевательств над депортированными народами или его потомок, пытающийся оправдать правомерность преступлений, совершенных над народами. Между тем, Закон РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 года утверждает, что репрессированные народы «подверглись геноциду и клеветническим нападкам» [9, с. 74]. А. Мартиросян либо не знает российские законы, либо их игнорирует. И в том, и в другом случае он демонстрирует не только свое правовое невежество, но и явные клеветнические нападки и оскорбляет национальные чувства депортантов. Считаю, что указанная работа должна быть подвергнута экспертной оценке специалистов с целью определения наличия в ней признаков экстремизма.

Важно отметить и тот факт, что современные неосталинисты и необериевцы, следуя старому мышлению и «повадкам», полностью игнорируют государственные законы России, в которых даны объективные и нравственно-гуманистические оценки репрессиям, осуществленным в отношении людей и целых народов.

До сих пор нет четких ответов на многие вопросы, касающиеся предпосылок, причин депортации и возвращения чеченцев. Нет ответов на них и во 2-м томе «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней», изданной в 2008 году. Между тем в ней следовало бы более основательно описать сложный и противоречивый этап, предшествовавший депортации, деятельности органов власти в реализации планов народного хозяйства, сохранения политической стабильности, эффективного противодействия преступным элементам, проблемы восстановления ЧИАССР, противодействия этому явлению, а также события 1958-59 годов.

Любопытно высказывание М.Н. Полторанина, бывшего ближайшего соратника Б.Н. Ельцина, о настроениях в высшем эшелоне власти по поводу возвращения чеченцев и ингушей на родину. «Вайнахи – это постоянная брешь в обороне страны на стратегическом направлении. Значит, они не вправе возвращаться на свою родину, а на их землях должны расположиться навсегда казачьи станицы, русские поселки, аварские аулы. Это будет надежная опора державы на Северном Кавказе. А сам Северный Кавказ перестанет быть глубокой чувствительной занозой в заднице страны – ни сесть, ни встать без резкой боли» [10, с. 211]. М.Н. Полторанин своей формулировкой «вайнахи – это постоянная брешь в обороне страны на стратегическом направлении» подтверждает те негативные оценки, которые бытуют в отношении чеченского народа у власти, всегда стремившейся его покорить, унижить, лишить воли к свободе и независимости. Это отношение к чеченцам формировалось, начиная с далеких времен, его носителями является небезызвестный Ермолов и его наследники времен прошлого и настоящего.

Более того, М.Н. Полторанин в процитированном высказывании смешивает реальные факты сталинского периода с нездоровыми эмоциями в отношении мягкого места страны. Видимо, это существенный аспект мировоззрения и образа жизни нашего оппонента. Но для нас важно отделить зерна от плевел. Остался бы в живых Сталин – чеченцы не были бы возвращены на родину. Это факт. А что касается их земель, то они были заселены не только указанными народами, но и грузинами и осетинами. Утверждение чиновника, предавшего своего кумира и друга – «царя Бориса», о «бреша в обороне страны в стратегическом направлении» является лживым. Однако ученым следовало бы изучить вопрос о планах создания в Казахстане автономии навечно сосланных чеченцев.

Ученым республики удалось подвергнуть аргументированной критике 58-й том Российской энциклопедии, изданной в издательстве «Терра». Экспертная оценка специалистов Грозного, Москвы позволила через суд признать этот том экстремистским изданием и добиться его изъятия из продажи, библиотек, дальнейшего употребления. В нем оправдывается депортация чеченцев. Кроме того, факт восстановления ЧИАССР в нем рассматривается чуть ли не ошибкой власти. Более того, в нем утверждается, что чеченцы в ходе возвращения на историческую родину преследовали русских, отнимали у них жилье. Трудно себе представить ситуацию, когда возвращенный на историческую родину народ, номинально восстановленный в своих правах, находящийся под жестким контролем правоохранительных органов, мог бы позволить указанное выше действие.

Сегодня в огромном количестве издается чеченофобская художественная, публицистическая и «научная» литература, откровенно фальсифицирующая прошлое и настоящее народа. Она попадает и в Интернет-ресурсы, формируя соответствующее отношение к отдельно взятому российскому этносу. Между тем, эту ситуацию нужно оценить как целенаправленное информационное противодействие достижению межнационального согласия в российском государстве. Существуют статьи, предусматривающие уголовное наказание за клевету, ксенофобию, разжигание межнациональной розни, глумление над религиозными чувствами, накладывающие запрет на издание литературы экстремистского содержания. Кроме того, при Президенте РФ создана комиссия по противодействию фальсификации истории в ущерб интересам России. Однако законы и комиссии, существующие в стране, фактически неэффективны в вопросе пресечения указанных явлений.

4. Что делать?

Тема депортации и реабилитации народов требует тщательного исследования. Для этого нужно широко привлечь новые архивные документы и на их основе реконструировать объективную ситуацию в Чечне накануне и в ходе войны с немцами. В издании «Чеченцы» (М., 2012) раздел, посвященный депортации чеченцев, написан поверхностно, в нем ничего не сказано о государственной реабилитации чеченцев, отсутствуют новые сведения, документы. В этом вопросе проявлено безразличное отношение к сложной, болезненной теме депортации чеченского народа, его последствий и противоречивого процесса реабилитации.

В целях дальнейшего изучения темы депортации чеченцев считаем необходимым реализацию в Чеченской Республике следующих мероприятий:

1. Сосредоточить внимание на изучении подлинных причин депортации чеченцев и других народов, их социально-психологического состояния в экстремальных условиях, а также конкретных фактов преследования.

2. Изучить природу конфликта между властью и народом в годы советской

власти. Эта проблема имеет свою специфику и в постсоветский период. Для такого анализа нужны свежие силы, молодые интеллектуалы, новые методики и концепции.

3. Исторические, социально-политические исследования, проводимые учеными республики, должны иметь характер преемственности, последовательности, оригинальности, избегая при этом компиляций и плагиата.

4. Памятуя о том, что социально-гуманитарные исследования формируют общественное мнение, национальное самосознание, принципиально важно, чтобы ученые Чеченской Республики строго придерживались принципов объективности, профессионализма, освободились от мифотворчества, антинаучных подходов.

5. Общественным и научным организациям необходимо осуществлять периодическую экспертизу публикаций, разжигающих межнациональную рознь, обнаруживая экспертные выводы в республиканской прессе.

6. Предложить Министерству по национальной политике, печати и информации ЧР совместно с АН ЧР составить обобщенное экспертное заключение об изданиях и Интернет-ресурсах, имеющих чеченофобский, клеветнический и экстремистский характер, и направить его в адрес руководства Чеченской Республики и Российской Федерации для принятия соответствующих мер.

7. Назрела необходимость общественного судебного разбирательства в отношении преступников, совершивших насилие над целым народом, отдельных клеветников и фальсификаторов, оскорбляющих честь и достоинство чеченского народа, оправдывающих сталинско-бериевский преступный произвол.

Литература:

1. Хасбулатов Руслан. Чужие (Историко-политический очерк о чеченцах и их государственности). Кремль и российско-чеченская война. – М.: ИД «Грааль», 2003. – 508 с.

2. Известия ЦК КПСС. – 1989, № 3.

3. Реабилитация народов России. Сборник документов. – М.: «ИНСАН», 2000. – 448 с.

4. Бугай Н.Ф. Депортация народов – репрессивная мера государственной политики в сфере национальных отношений. 20-40-е годы // Крайности истории и крайности историков. – М., 1997.

5. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20-60-е годы). – М.: ИНСАН, 1998. – 368 с.

6. Пыхалов И. Кавказские орлы третьего рейха // Отечество. – 2002, № 4; Он же. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое возмездие? – М.: Яуза-пресс, 2008. – 480 с.

7. Чеченцы. – М.: Наука, 2012. – 622 с.

8. Безугольный А.Ю., Бугай Н.Ф., Кринко Е.Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941-195 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2012. – 479 с.

9. Мартиросян А. Сто мифов о Берии. От славы к проклятиям. 1941-1953 гг. – М.: Вече. 2010. – 384 с.

10. Полторанин М. Н. Власть в тротиловом эквиваленте. Наследие царя Бориса. – М.: Эксмо: Алгоритм, 2011. – 512 с.

Кати Чокаев

Не дам в обиду, или Возвращение к теме участия чеченцев в ВОВ

Чудовищные злодеяния «вождя всех времен и народов» Иосифа Сталина и его приспешников оставили в наследство много зла, обид и трагедий как целых народов, так и отдельных граждан страны.

Чтобы преодолеть это тяжелое наследие, предстоит потратить многие годы не одному поколению народов России и бывших республик СССР, не говоря уже о других странах «социалистического лагеря».

Одной из таких жертв репрессивной машины Джугашвили стал командир танкового батальона времен Великой Отечественной войны, капитан, уроженец села Шали Берсанукаев Мухаммед. Командуя танковым батальоном, Мухаммед закончил войну в Берлине. Затем из Германии его батальон в составе танкового полка был передислоцирован в польский город Люблино. Здесь, 9 мая 1945 года, он и встретил День Победы. Как водится в таких случаях, командный состав полка собрался отметить этот день. После нескольких тостов собравшихся у одного из захмелевших офицеров развязался язык: он стал рассказывать о своем участии в операции по выселению народов Северного Кавказа, как проявлял свои «подвиги» в том самом Хайбахе, где, по приказу Гвишиани, было сожжено более 700 жителей хутора, в числе которых были дети, старики и женщины.

Слушая все это, у Мухаммеда не выдержали нервы, и он ввязался в конфликт с «героем». В этой потасовке прозвучали выстрелы и были даже раненые.

Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы командир полка, полковник и уроженец Грозного, тут же, по горячим следам, не погасил конфликт. Мухаммеду было предложено немедленно демобилизоваться и срочно выехать к родственникам, к этому времени депортированным в Северо-Казахстанскую область.

Поскольку война уже закончилась, начиналась всеобщая демобилизация. И Мухаммед, как обычный демобилизовавшийся, выехал в Северный Казахстан. Здесь он нашел своих родных и вскоре даже женился.

Однажды ранним утром, в январскую стужу 1946 года (его супруга к тому времени была на 6 месяце беременности), в их дом ворвались какие-то неизвестные люди в гражданском и без предъявления каких бы то ни было документов силой увели Мухаммеда в неизвестном направлении. С тех пор никто из родственников и знакомых его больше не видел.

Эту историю рассказала жена Мухаммеда, которая так и осталась вдовой, и его родственники, в числе которых и сын Руслан (тот самый, что еще не был рожден на момент, когда забирали его отца).

На этом наше повествование не заканчивается. Недавно, вновь обзвонив всех родственников Мухаммеда Берсанукаева и перечитав доступную литературу наших историков и журналистов о чеченцах, участниках Великой Отечественной войны, и, наконец, перелистывая один из номеров журнала «Вайнах» за 2011 год, наткнулся на статью М. Гайраханова под заголовком «Правда солдата».

Речь в ней шла об участнике Великой Отечественной войны, артиллеристе Бауди Чадиеве. Автор материала рассказывает: «Однажды артиллеристы и танкисты расположились в одном городке, готовясь к очередной атаке на немецкие рубежи. Командиром танкового батальона оказался чеченец из Шали (подчеркнуто нами – К.Ч.), который очень обрадовался встрече с земляком. Он предложил Бауди перейти к нему, и тот согласился, хотя за долгие годы войны уже прикипел душой к своему орудию и боевым товарищам. Однако предложение комбата-чеченца ввергло в ярость командиров-артиллеристов. Они наотрез отказались отпускать своего опытного бойца... Офицер-чеченец отступил от своих намерений... Они тепло попрощались. Танкист повел свой батальон на запад. Артиллеристы точными залпами начали очищать дороги перед ними от врагов».

Прочитав этот рассказ, поражаешься удивительному совпадению: ведь упомянутый комбат танковых войск очень похож на героя нашего повествования. Совпадают здесь, правда, не все детали – в рассказе Бауди не называются ни имя, ни фамилия героя. Что, впрочем, можно объяснить скоротечностью их встречи в условиях войны. Тем не менее, возникла настоятельная потребность лично встретиться с Чадиевым Бауди, о котором рассказал Мовла Гайраханов. Но, к глубокому сожалению, застать в живых Бауди не удалось (Дала гечдойла цунна). Как поведал тот же М. Гайраханов, ветерана войны недавно похоронили.

Что же, дальнейшие поиски боевого пути Мухаммеда Берсанукаева мы возлагаем на наших историков. Однако это не значит, что наше исследование жизни героя, хотя и недолгой, в послевоенных мирных условиях не будет продолжено. Имена наших героев останутся в памяти народной навечно.

Халим Бурчаев

Нахи в исламе

«Ислам в Нахистане» – так называется первая книга из серии «Нахи в исламе», вышедшая недавно под авторством известного писателя, публициста и религиоведа Саид-Хамзата Нунуева в издательстве ООО «Тетраграф», г. Нальчика. Книга солидного формата, хорошо иллюстрирована, 500 страниц, научное издание. О чем она? Что нового сказал автор в своей работе, над которой он трудился, очевидно, не один год, судя по множеству ссылок и использованных архивных материалов.

Научный труд – о проникновении и укоренении ислама в Чечено-Ингушетии. В основу монографии легла его кандидатская диссертация, защищенная на диссертационном совете Академии Госслужбы при Президенте России при участии ведущих религиоведов и философов из МГУ.

Глубокий анализ исследуемой темы автор рассматривает в контексте событий на Северном Кавказе в последнее десятилетие ушедшего века. Хронологические рамки исследования – XV – XX века.

В своем вступлении автор отмечает, что военно-политический конфликт на Северном Кавказе, в частности, в Чеченской Республике, начавшийся в декабре 1994 года, связан с огромными потерями для страны и общества. В этих событиях определенную, но не определяющую роль играл ислам.

За последние годы немало написано о событиях, происходивших в самой республике и вокруг нее, в том числе о чеченском сепаратизме и терроризме, об исламском фундаментализме, исламизме и их роли в военно-политическом конфликте. Публикации разные, как субъективные, тенденциозные, так и объективные. Многое зависело от политического заказа. Нунуев отмечает: «Военно-политический конфликт на Северном Кавказе изменил российское общество, негативно отозвался во всех сферах социально-политической и социально-психологической жизни.

Конфликт привел к гибели десятков тысяч ни в чем не повинных людей, сотни тысяч чеченцев и людей других национальностей, проживавших в республике, стали беженцами, рассеялись по всем углам мира.

Происшедшее должно характеризоваться как циничный геноцид, как национальная катастрофа, и, очевидно, потребуется время, чтобы объективно, беспристрастно назвать как подлинные причины трагедии, так и имена тех политиков и провокаторов, которые могли остановить сползание кризиса к войне и не сделали этого по разным причинам».

Автор далее отмечает, что «до настоящего времени не проведены объективные, свободные от идейно-политической ангажированности научные исследования сложных проблем, связанных с Чеченской Республикой и, в частности, с исламом. Не названа со всей определенностью главная причина – почему стала возможной дестабилизация, почему провокационный проект западных сил на территории Северного Кавказа столь успешно реализовался?

Нунуев называет главную причину – это неустроенность, массовая безработица среди населения, особенно усугубившаяся в начале 90-х годов, когда в связи с переходом на рыночные отношения Госплан и Минфин СССР перестали финансировать программу сельского строительства в стране и более 300 тысяч чеченцев, освоивших профессии отхожего промысла, остались не у дел. Именно они с удовольствием вышли на площади, чтобы выразить протест

отживающему коммунистическому режиму, три десятилетия издевавшегося над ними, презрительно называя «шабашниками».

Проникновение (начиная с XIII – XV веков) ислама в среду чеченских и ингушских племен и общин сопровождалось сплочением народа по принципу «братьев-мусульман», отмечает автор.

Ислам впервые был принят, очевидно, в царстве Симсим на юго-востоке Чечни еще в эпоху Золотой Орды. Это исламское государственное образование (на территории нынешних Ножай-Юртовского, Гудермесского районов) было в союзнических отношениях с единоверной Ордой, в то время как жители юго-западных обществ (мялхи, майстинцы, лам-акки, галгаи) оставались преимущественно христианами, язычниками и в правовом отношении придерживались кодекса неписаных законов – адата.

Ислам принимали жители неподвластной орде вольницы Нашах, по мере того, как они продвигались на равнинные земли.

Золотая Орда пала, но ислам в предгорьях Кавказа крепко прижился, потому что его нравственные законы, законы социальной справедливости и гражданской свободы оказались весьма привлекательными, чем даже законы адата, хотя по многим принципиальным положениям и адат, и шариат оказывались союзниками».

О том, что большинство чеченцев еще в XV–XVI веках были мусульманами, свидетельствует обряд захоронения, пишет автор.

К этой эпохе, точнее к 1405–1406 годам, относится сооружение первого из дошедших до нас архитектурных мусульманских памятников в крае – мавзолея Борга-Каш у селения Плиево (Назрановский район). Он был возведен в честь некоего Бек-Султана, сына Худайнадо.

Интенсивному проникновению ислама в край чеченцев и ингушей способствовали экономические, культурные, политические связи чеченцев и ингушей с населением Кабарды, Кумыкии, Крымского ханства. Усиливались связи с Османской Турцией и шахской Персией.

В XVI–XVII веках вайнахи вступили в более тесные экономические, культурные, политические связи с другими северокавказскими народами,

исповедовавшими ислам. Сам ход истории предполагал неизбежность укрепления в крае ислама, и это было событием эпохального исторического, духовного значения для горцев.

С освоением равнинных земель земледелие, скотоводство, ремесла, торговля шли по восходящей линии, и параллельно с этим народ осознал преимущество и достоинства ислама.

Предания донесли до нас имена первых проповедников ислама в нахском обществе, начиная с великого Тамерлана (Тимур-Хана): Термола, Бата, Берса, и других.

Высоко в горы ислам проникал долго и неравномерно. Об этом свидетельствуют данные археологии. Как свидетельствуют полевые материалы и научные публикации, на первых порах проникновения ислама в горы религия впитывала в себя исконные традиции, старалась приспособиться к ним.

«Осуществляя колонизацию Северного Кавказа, царизм столкнулся вовсе не с полудикими разрозненными племенами «туземцев», а с внутренне организованным, уникальным, социально активным народом, способным (и умеющим в силу векового опыта) отстаивать свою свободу. Подтверждение тому – весь ход так называемой Кавказской войны, продолжавшейся почти четверть века и стянувшей на Кавказ огромные военные силы империи – двенадцать дивизий. (Для сравнения: победу над Наполеоном обеспечили одиннадцать русских дивизий).

«Вхождение всех народов Северного Кавказа, в том числе чеченцев и дагестанцев, в состав Российской империи было реально осуществимо на мирных, добровольных началах, если бы российские власти, по примеру грузинских царей, могли строить свою политику на принципах экономического и духовного сближения, а не военно-политического насилия. Русский царизм, не обремененный заботой о своем собственном народе и, тем более, о судьбе горских народов сделал роковой выбор в пользу военного подавления, жестокой колонизации северокавказских народов. (*Ситуация с абсолютной точностью повторилась в новейшей истории*). Это обернулось длительной трагической войной (1834–1864 гг.), которая дискретно продолжается до наших дней, – пишет автор. И далее: – Политика России на Кавказе, особенно в Нахистане, строилась на принципах жестокого колониального подавления горских народов в целях высвобождения и захвата новых территорий. Фактически осуществлялся откровенный геноцид чеченского и ингушского народов во имя присвоения их исконных земель. Известно письмо русского монарха Николая I, адресованное наместнику Кавказа И.Ф. Паскевичу, в котором отношение к народам Северного Кавказа со стороны официальной России сформулировано с предельным цинизмом: «Кончив, таким образом, одно славное дело¹, предстоит вам другое, в моих глазах столь же славное, а в рассуждении прямых польз гораздо важнейшее – усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».

Современное российское общество, в котором широкое распространение получили исламофобия и кавказофобия, враждебно реагирует на активизацию национального самосознания других исконно российских народов, – пишет Нунуев. – И дело здесь не только в недопонимании сущности, стержневой идеи российского патриотизма – укреплении единства народов РФ, свободно развивающих свою культуру и национальные традиции, свободно исповедующих свою традиционную или иную религию. Дело в том, что российское общество с подачи прозападных СМИ в большинстве своем невежественно в отношении ислама и его духовных источников – Корана, Сунны, шариата.

«Законы, которые принимаются в многонациональном, многоконфессиональном государстве и не учитывают сложившиеся веками традиции, обычаи, религиозные и ментальные особенности населяющих его народов, обречены на всемерное игнорирование, отторжение, неисполнение, а граждане, которых непосредственно касаются такие законы – на поиск путей и способов их неисполнения. Подобная практика формирует в обществе неуважение к Закону и власти, понуждает граждан вести двойную жизнь – по «официальному закону» и по обычаям своего народа», – справедливо отмечает автор.

Центральное место в исследовании отведено деятельности великого аулия Кунта-Хаджи Кишиева. Автор, в частности, отмечает: «Кунта-Хаджи в своем учении исходил из глубокого понимания вайнахского национального менталитета: чтобы выстоять после национальной катастрофы (Кавказской войны), необходимо мирное время для духовного и физического восстановления этноса, накопления сил. Цель, главная идея учения Кунта-Хаджи, была не пораженческой, а возрожденческой. Кунта-Хаджи выступал категорически против «борьбы с империей до последнего чеченца»: чеченцев мало, поэтому каждый должен быть духовным столпом своего народа, а не безликим и послушным элементом воинственной горской массы, увлекаемой имамом Шамилем, власть которого держалась в значительной мере на героизме и самопожертвовании мюридов-чеченцев. И далее: в самом центре империи, на глазах православного милосердного русского люда, доведенный голодом и холодом до истощения и совершенно оторванный от семьи, томился, не прося милостыни и не унижаясь перед своими мучителями, великий чеченский гуманист, символ разума и милосердия эпохи – шейх Кунта-Хаджи, призывавший к миру с Россией и нравственному очищению свой измученный войной народ.

А где-то рядом, в то же время, ярый враг России имам Шамиль со своим многочисленным семейством пребывал в сытости и благополучии на положении «гостя» российского императора. А доносчики получали новые звезды на погоны. Зло, грубая сила, антинародная власть погребли слабые, начавшие распространяться в Чечне и за ее пределами ростки новой великой философии – философии ненасилия, которая, безусловно, должна была остановить процесс перманентного геноцида чеченцев, провоцируемого определенными силами с далеко идущими намерениями. Эта философия должна была обеспечить нахам вечность, как в свое время учение о гибкости Конфуция заложило основу вечной истории Китая.

Подчеркивая роль суфийских братств во время сталинско-бериевской депортации в Среднюю Азию и Казахстан, автор пишет: «В тех условиях и в то время суфийские накшбандийские и кадирийские братства представляли собой единственную организованную духовно-социальную силу, способную удержать униженный и задавленный несправедливыми и жестокими репрессиями народ от морального разложения и самоуничтожения. Вайнахский народ был оклеветан, обобран и выброшен на вымирание.

Задача сохранения вайнахского этноса как такового вообще не стояла и никого не интересовала – ни КПСС, ни советское правительство, ни местную власть, ни мусульманский Восток, ни «цивилизованный» Запад.

Народу было необходимо самоорганизоваться, чтобы выжить как этносу, чтобы сохранить для будущих поколений свой родной язык, культуру, традиции, менталитет.

Суфийские братства, успокаивая народ, примиряя враждовавших кровников, сдерживая молодежь от межнациональных и иных конфликтов, объективно помогали советской власти. Но их главной заботой было сохранить свой

народ, не дать сталинским провокаторам из НКВД (КГБ) повода для новых издевательств и расстрелов.

Именно суфийские братства взяли на себя эту задачу и решали ее как могли и как это было возможно. Феноменальная роль суфийских братств в экстремальных условиях существования народа до сих пор не оценена по достоинству».

Подчеркивая роль суфийских братств в советскую эпоху, автор отмечает, что высокая степень религиозности среди чечено-ингушского населения и традиционно сильное влияние суфийских лидеров объяснялось вовсе не особым религиозным фанатизмом вайнахов, а во многом столь же традиционным антагонизмом между властью и народом. И если власть, равнодушная к духовным и материальным особенностям и потребностям чечено-ингушского народа, всегда пыталась навязать, зачастую силой, чуждые ему правила жизни, подавить его свободолюбивый дух, то шейхи, напротив, исходили из этих потребностей и опирались в своей проповеднической и социальной деятельности на лучшие черты вайнахского менталитета, на принципы национального кодекса чести, национальной идеологии «Нохчалла», берущей свое начало в глубинах тысячелетий, – пишет автор.

Характеризуя события перед второй военной кампанией в Чечне, автор отмечает: «По свидетельству многих экспертов, в первую русско-чеченскую войну подавляющее большинство населения республики было воодушевлено идеями священной войны, в массовом порядке рекрутировало добровольцев-ополченцев.

Ситуация коренным образом изменилась во второй чеченской войне, так как руководство Ичкерии не смогло укрепить суверенитет государства, побороть разгул уголовщины.

Решительную и мужественную позицию в этом вопросе, как известно, занял муфтий Ахмат-хаджи Кадыров, который раньше сам был сторонником силового сопротивления».

Новая книга Саид-Хамзата Нунуева – весомый вклад не только в научное исследование проблемы проникновения и укоренения ислама в Чечне и Ингушетии, но и в укрепление духовной, идеологической базы современного вайнахского общества. Крайне актуальна позиция автора по отношению к проповеднической деятельности великого суфия Кунта-Хаджи Кишиева, что должно предостеречь наш народ от новых соблазнов – поддаваться чьим бы то ни было авантюрам и провокациям. Несмотря на совершенно недальновидную, бесчеловечную по отношению к нашему народу политику таких деятелей, как Ермолов, Сталин, Ельцин и их кукловодов, в будущем у нас должен возобладать стойкий иммунитет. Об исламе и его особенностях в XXI веке, вероятно, следующая книга исследователя.

¹ Речь идет о победе в Русско-турецкой войне 1828–1829 годов.

Саламбек Алиев**«Вайнах» – 2012:
читательское послесловие и послевкусие**

В полку прошедших годов прибыло – ушел год 2012-й. Ушел безвозвратно, но не бесследно: в России милиция окончательно стала полицией (не более того), в Венгрии вступила в силу новая Конституция, в Канаде прошел чемпионат мира по керлингу, а в Москве, на Манежной площади, после оглашения результатов выборов, плакал Путин. Ну а тем временем в течение года журнал «Вайнах» исправно, из месяца в месяц, знакомил своих читателей с литературно-художественной жизнью республики (да и не только художественной литературы и не одной только нашей республики).

Случайно или нет – в том и в другом случае, это только приятно – первую страницу первого номера открывает рассказ Мусы Бексултанова «Сирота» в переводе Михаила Эльдиева. Бексултанов – один из немногих чеченских авторов, обрекающий своих переводчиков на «вечные муки»: органику его текста невозможно передать той же силой слова, коей автору доводится передать посредством языка оригинала – чеченского. Не поэтому ли острое желание переводить Бексултанова перемежается с боязнью не справиться? И не потому ли в конечном итоге переводы его рассказов напоминают сентенцию – «не благодаря чему-то, а вопреки всему» – не благодаря переводческому мастерству, которое могло бы быть накоплено в предшествовавшие годы, а вопреки оному. Рассказ «Сирота» фантастический. Не по жанру фантастический, а по духу, по технике исполнения и силе воздействия: ни с такой любовью, ни с такой ненавистью, ни с такой честью, мужеством и доблестью давненько нам не приходилось сталкиваться. А ведь не скажешь, что изложенная автором история – «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», но ощущение такое, будто мы от той эпохи отделены, как от эпохи динозавров.

Маленькая по объему, но объемная по содержанию новелла Исы Окарова «Нехан махахь некаш» («Дороги чужбины») в том же номере – история чеченского мальчика, рожденного в далекой ссылке в казахских степях, мальчика, своей непосредственностью и искренностью напоминающего Маленького Принца Экзюпери. Однажды он наблюдает, как по пыльной проселочной дороге на большой скорости мчатся мотоциклисты – ребята-чеченцы с соседнего хутора. Мотоциклы двухколесные, и мальчик не может понять, что происходит. Почему они не падают? Какие силы удерживают их от этого? И поэтому ему кажется, что водители мотоциклов чрезвычайно смелы. С тех пор он их больше не видел, пока в один из дней... Автору легко удается проникновение в детскую психологию. Например, в следующем эпизоде: по дороге проезжает грузовая машина, мальчик запускает ей в след камень, за спиной мальчика находится его мать – она занята по хозяйству, водитель тормозит, порывается в сторону маленького хулигана, внезапно останавливается, разворачивается, садится в машину и уезжает. И мальчик понимает, почему он так поступил. «Он не наны моей испугался, нет. Он почувствовал, что те смелые ребята появятся на своих черных скоростных мотоциклах, поднимая из-под колес облака пыли». В рассказе нет грустных сцен, но вместе с тем он заряжен той щемящей грустью, что приходит к нам при воспоминании о детстве. Конечно, это бывает только тогда, когда пишется талантливо. Окаров ведет свое повествование без всяких ухищрений, без каких-либо натужных закрученных фраз. Пишет предельно просто. А писать именно так «просто» совсем не просто.

Задав в первом номере «Вайнаха» загадку с рассказом «Запах подснежника», в котором при самом изощренном осязании и обонянии не чувствуется ни подснежника, ни источаемого им запаха, во втором номере Сулиман Мусаев выдает маленький шедевр – рассказ «Вкус айвы». Он, как нетрудно догадаться из посвящения, основан на реальных событиях. Мусаев так же, как и предыдущий наш автор, обращается к «казахстанскому» периоду чеченской истории. В отличие от запаха подснежника, вкус айвы ощущается и ощущается настолько сильно, что горьким комом застревает в гортани читателя.

Есть ли такое сумасшедшее пособие-инструкция под названием «Как надо писать повесть»? Если кто-то и решился бы на такое дело, можно было бы для наглядного примера посоветовать привести в том издании повесть «Старик и море» Эрнеста Хемингуэя. И чтобы сверху было приписано большими буквами: «Вот как надо писать повесть!» И после последней строчки продублировать ту же запись. Ну а вот, если выпустить подобное издание уже под названием «Как категорически нельзя писать повесть», более удачного примера, чем повесть Хожбауди Борхаджиева «Стена», которая была опубликована во втором номере журнала, трудно сыскать. «Стена» – это то же самое, как, если бы написать гениально, но только наоборот: абсолютно пресный сюжет, напоминающий мелодраму третьего уровня, язык, напичканный канцеляризмами, эпитеты, которые трудно отыскать даже на задворках литературы... Такими же приемами вооружился и Иса Гунаев в написании повести «Доза» («Вайнах», 2012, №3,4,5). Автор затрагивает злободневные темы – алкоголизм, наркомания, вера в Аллаха или отсутствие таковой... Но, вместе с тем, нет того «электрического заряда», от которого читателя, ну, хотя бы чуть-чуть, хотя бы самую ничтожную малость, должно «шарахнуть». И разве не обидно, что задана такая тематическая глубина, но нет содержательного объема?

Следующий рассказ Мусы Бексултанова «Кехат» («Письмо») в четвертом номере журнала представлен в оригинале – на чеченском языке. Оставив в стороне «академическую» характеристику бексултановской прозы, скажу об эмоциональной ее составляющей. И здесь, как нельзя кстати, слова Борхеса, сказанные по поводу собственных текстов: «Я бы хотел, чтобы читатель этих строк испытал то же самое душевное потрясение, что и автор». Мне кажется, что, среди всего прочего, прелесть прозы Бексултанова заключается в так называемой «прибавочной стоимости» – это когда переживания автора (героя) становятся переживаниями читателя.

Лейтмотив рассказа «Дагахьбаллам» («Угрызение») Эльбруса Минкаилова – никто не забыт, ничто не забыто. Старик Харон незадолго до смерти рассказывает племяннику о своей боли и горечи от той войны, что вошла в историю под названием Великая Отечественная. Друг и земляк Харона, Ахмед, тяжело раненный и оставленный товарищем на поле боя, подрывает себя гранатой при приближении немецких солдат. Читатель, да и сам Харон, понимает, что нет никакой его «вины в том, что другие не пришли с войны... и речь не о том, но все же, все же, все же...» И только собственная, вот уже скорая и неминуемая, смерть, что могла бы случиться и там, на том поле из жнивья, на котором мертвый уже Ахмед был намотан на траки немецкого танка, может избавить старика-ветерана от этих тяжких воспоминаний.

Дебютантка шестого номера «Вайнаха» Ася Умарова в рассказе «Спокойной ночи, Марисабель» показала другую войну – войну, которая одной только многоликостью своего названия говорит о жестокой, лживой и циничной ее сущности – чеченская кампания, антитеррористическая операция, наведение конституционного порядка... Так же и мальчик Темерлан, герой рассказа, у которого «закончились краски, когда началась война», не понимает, что происходит вокруг. Он пытается детским умом все это осмыслить и отдается рисованию на пару с дневниковыми записями, где он обращается к сказочной Марисабель, образ которой он выдумал.

Если и не приходится говорить как о закономерности, то и отрицать полностью, как случайность то, что рассказано в произведении Сулимана Мусаева «Седа», не представляется возможным. Наоборот, с сожалением приходится констатировать, что подобные описанному случаи нередки в нашей жизни и что многие чеченские «звездочки» (слово «седа» в переводе с чеченского значит «звезда»), рождающиеся во внебрачных отношениях с представительницами других национальностей от чеченских отцов, гуляют по городам и весям необъятной России. И что до сих пор на небосклоне жизни, нет-нет, да зажигаются подобные «светила». Мусаев, со свойственным ему мастерством, изображает трагедию чеченской-русской девочки, появившейся на этот свет по глупой прихоти взрослых и ими же жестоко отвергнутой.

В седьмом номере проза представлена в малом жанре «абитуриентом» Халима Бурчаева, «блуждающими башнями» Аслана Шатаева, новым рассказом Сулимана Мусаева на чеченском языке «Дохна де» («Черный день») и очередной «мелодрамой» (вслед за Борхаджиевым, Гунаевым и др.) в исполнении дебютанта Мансура Гелагаева с романтическим названием «Сиреневый запах единственной любви». «Бедный» Яга из юмористического рассказа «Абитуриент Йага» (на чеченском языке) Халима Бурчаева решил в преклонные годы стать студентом. Из этой затеи у Яги ровным счетом ничего не получается, так как автор заставляет своего героя вести себя не просто глупо, а глупо сверх всякой меры. Рассказ Аслана Шатаева «Голос за стенкой и блуждающие башни» вызвал два резонных вопроса – что это было и зачем было то, что было? Сулиман Мусаев умеет брать «за живое»: эхо войны вторгается в жизнь старика Сайпи – единственный сын подрывается на растяжке во время сенокоса. Дебютант Мансур Гелагаев закрутил сюжет своего рассказа так, что сам Дюма-отец позавидовал бы: итальянский солдат Луиджи под знаменами дуче Бенито Муссолини уезжает на фронта России, под Сталинградом попадает в плен, оттуда, из плена, не напрямую – зигзагами – в Чечню, из Чечни – в Казахстан, из Казахстана – снова в Чечню... А тем временем в далекой Италии милого Луиджи ждет-не дождется милая Патрисия... Короче, перипетии сюжета вполне романские, по меньшей мере тянут на повесть. А завершается вся эта «авантюра» по всем законам жанра. Закон жанра носит название «феномен чеченца»: если однажды упомянута Чечня или чеченцы, то в финальном акте он, она или они обязательно должны «выстрелить». Терпеливого читателя ждет поистине фантастический хэппи-энд – «итальянский сапог» оставляет «чеченский след».

В восьмом номере журнала опубликован рассказ Мусы Ахмадова «Море оказалось жестоким». Герой рассказа Мисарсолт предстает перед читателем «несмышленишем» – еще ребенком он увлечен собирательством марок, затем всяких разных металлических значков, орденов и медалей. Но Мисарсолт так и остается тем самым несмышленишем, даже повзрослев и даже после трагических событий в жизни и своей семье, и целого народа. Коллекционирование для него становится манией, и однажды для получения очередной медали Мисарсолт становится «писателем»: покорпев двенадцать дней и ночей, пишет двенадцать рассказов. После чего вступает в писательское объединение, напоминающее булгаковский МАССОЛИТ, и получает ту самую заветную медаль... В сцене, где происходит обсуждение произведений авторов «чеченского МАССОЛИТА», Ахмадов, применяя элементы гротеска, остро обыгрывает атмосферу писательской среды, а в целом рассказ аллегоричен, и мораль его можно свести к знаменитому: «все суета сует»...

Эльбрус Минкайлов в повести «На изломе» возвращает нас во времена, когда чеченский народ действительно был на перепутье, перепутье, которое не заставит себя в скором времени обернуться большой трагедией. Мучительные раздумья героя, переоценка ценностей на фоне военного хаоса и частокोल вопросов, которые переходят в область риторики. Состояние «у каждого

своя правда» оборачивается всеобщей трагедией. Автор показывает, что все эти «правды» не просто так появились, вернее, появились не вследствие напряженной умственной работы того или иного ее рядового носителя, а что за всем этим стоят «большие люди» из мира большой политики.

«Я умышленно отказываюсь от аналитической оценки трагедии моего бывшего друга. Надеюсь, что читатели сделают это за меня» – такими словами завершает свой рассказ «Новоявленный нувориш, или Несостоявшаяся карьера» Алвади Шайхиев («Вайнах», №9). Ведь «ответ на этот вопрос, – продолжает автор, – касается не только судьбы одной личности, но и его семьи и нашего общества в целом». Вот именно – общества в целом! В рассказе перед нами предстает герой, собрат чеховского хамелеона: когда ему плохо – он ищет вашего покровительства и поддержки, когда ему хорошо – он не желает вас знать, если вы не есть тот самый, кто может сделать ему еще лучше. Печально, что в «обществе в целом» подобных хамелеонов развелось немерено – ходят стаями и что они самые составляют костяк его, о котором так и хочется, нарушая орфографические нормы, съязвить – обчества.

В том же номере обращает на себя внимание автор Мовла Гайраханов. Прозаический блок под названием «Мы не верили» представляет цикл из трех эссе, одной притчи и рассказа. Конечно, каждый сам себе Станиславский – верить или не верить, но вот в рассказе «Мир тесен» Гайраханов действительно сужает пространство до удушающих размеров.

В Совещанию молодых писателей Северного Кавказа предоставлена основная «литературная» площадка десятого номера журнала. В компании с молодыми даровитыми с тремя рассказами в переводе Л. Довлеткиреевой оказывается Муса Бексултанов – «поэт, распятый на кресте прозы» (М. Пришвин), имеющий «наглость» писать гениальные рассказы, с глубоким проникновением в национальную и общечеловеческую ментальность.

Злоключения «бедного» Яги имеют продолжение в одиннадцатом номере журнала – рассказ «Зу» («Еж») Халима Бурчаева – превосходный образец высококлассного юмора. Тема «в мире животных» уже более конкретным и оригинальным образом продолжена в двенадцатом номере рассказом «Приключении Читы» Аслана Шатаева – милая история, рассказанная от лица котенка Читы про собственные мытарства в мире людей. «Охота» Сулимана Мусаева опять сталкивает нас с «животным миром», но на сей раз это полная драматизма история о столкновении детского и взрослого мира: отец берет с собой на охоту сына, мальчика дошкольного возраста. Обыденная для взрослого картина охоты потрясает ребенка: «...сейчас я прочитал во взгляде умирающего сайгака упрек, он обвинял меня, отца, все человечество в том, что мы так жестоко обрываем его жизнь... Передо мной стоял большой нежный глаз сайгака, искаженный болью, с застывшей внизу слезинкой...»

Поэзия в журнале, как и проза, публикуется на чеченском и русском языках. Среди авторов на чеченском языке хотелось бы отметить лирику Тамии (псевдоним) и Каметы Сатуевой, эпическую поэму Мусы Ахмадова «Сай» («Олень»). В русскоязычной поэзии авторов больше, и среди них наиболее значимые имена: Алвади Шайхиев, Руслан Юсупов, Тауз Исс, Валид Докаев, Насруддин Ярычев, Вахид Итаев, Руслан Умаев, Адам Ахматукаев в переводе Розы Агоевой.

В 2012-м году стало одной скорбной датой больше – ушел из жизни поэт Шайхи Арсанукаев.

...Настанет день –
И люди добела
Отмоют жизнь мне, ею жизнь наполнят
И вспомнят
Только добрые дела...

Четвертый номер журнала порадовал замечательной подборкой стихов Ш. Арсанукаева в переводах О. Николаевой, Е. Соколовой, И. Озеровой и др.

На пару с пробами пера в прозе широко представлен и поэтический дебют. Корявость рифмы, сбивающийся ритм, отсутствие образности и метафоричности – неполный список «достоинств» молодых поэтов. Но среди незакавыченных достоинств стоит, конечно, отметить искренность. И когда автор публикует цикл стихов под общим названием «Я не Хайям...», редко кто из читателей не согласится с таким тезисом. Но возможно ли одной только искренностью зажечь искру в читательском сердце? И лишь двое молодых авторов-дебютантов прошедшего года заострили на себе внимание – Башир Виситаев с его социально-гражданской лирикой-манифестом «Знаки, препинания» и Хава Гагаева с подборкой маленьких лирических стихотворений под авторским названием «Стихалистики».

Литература non fiction (нон-фикшн) публикуется в журнале во всей палитре. (Кстати, модное сейчас слово «нон-фикшн» использовано мною именно потому, что «в палитре», так как оно подразумевает в себе не просто и не одну только публицистику, а весь перечень документальной литературы – мемуары, жизнеописания, путешествия, хроники, эссеистику, критическую и научную литературу.) В рубриках исторической направленности (таковым являются и собственно рубрика «История», и имеющие параллели с ней, к примеру, в разделе «Чеченский язык» авторы в поисках этимологии слова могут завести нас в далекие исторические дебри) выступают как профессиональные историки и лингвисты, так и любители. Особенно в последнем случае читателю приходится надеяться и рассчитывать на то, что авторы, по крайней мере намеренно, не будут вводить его в заблуждение и что в их текстах с «фикцией» будет полный «нон-стоп» (non fiction означает непридуманное, то есть основанное на фактах, реальных событиях).

Вызывают большой интерес научные статьи известного ученого-лингвиста Арби Вагапова, человека поистине влюбленного в родной язык. Муслим Гапуев – автор замечательных очерков о небезызвестных когда-то чеченцах, представителях спорта, культуры. В «Свидельствах очевидца» Малика Ежиева делится трагическими воспоминаниями дня вчерашнего: статья «Все это было...» о бесчинствах федеральных войск времен «антитеррористической операции». В разделе «Наше интервью» делятся творческим опытом и житейской мудростью известные чеченские ученые и писатели – Кати Чокаев, Ямлихан Хасбулатов, Сайд-Магомед Хасиев, Тауз Исс, Вахид Итаев, Сайд-Хамзат Нунуев... Много еще, очень много хорошего, полезного и познавательного опубликовано в журнале за год, что охватить это в рамках одной статьи, в принципе, немислимо.

Но так как журнал наш все-таки «литературно-художественный», хочется вернуться к ней самой – художественной литературе. Ну? И что собственно в целом за год (и не только за год) литература наша? Что она там думает? Ситуация странная, однако: скажи я, что картина невеселая, будет ясно, что ситуация невеселая, а скажи, что веселая – ясно, что веселого мало. В интервью журналу «Вайнах» на вопрос Исы Окарова: «Что вы скажете о современной чеченской литературе: прозе, поэзии...?» старейший чеченский поэт Ямлихан Хасбулатов с сожалением констатирует, что в наше время, когда сняты все препоны, «каждый может выпустить всякую всячину, которая, по его мнению, является творчеством». А ведь трудно с этим не согласиться, не правда ли? Сегодня чеченская литература – это тот же Ямлихан Хасбулатов, Муса Ахмадов, Муса Бексултанов, Апти Бисултанов, Леча Абдулаев... Всех имен не перечислишь, хотя, если честно, их и немного. Но все они – из плеяды той литературы, что уже состоялась, получила признание, имеют свою читательскую аудиторию, в полной мере и заслуженно считаются классиками. А что же молодые? Как там со сменой поколения? За последние годы я лично могу отметить пару имен,

и это не фигура речи, их действительно всего двое – поэт Исмаил Хабаев и прозаик Сулиман Мусаев. Приходится ли в этом свете говорить о каких-либо тенденциях в литературе молодых, о тематических, жанровых, художественных, языковых и т.д. средствах и приемах? Все тенденции и все средства упираются в то, что многие молодые (а порой и немолодые) поэты под «поэзией» понимают «в столбик и в рифму», а прозаики в беллетристике видят прямолинейное изложение фактов, что на деле является пустым и посредственным говорением. Про то, что «проза, когда она достигает совершенства, является, по существу, подлинной поэзией» (К. Паустовский), вообще приходится замалчивать. И в итоге все это напоминает неоновую вывеску, на которой перегорели все буквы: рассчитывали на броскость, красоту, эпатаж, а тут, ан! – и не горит.

Но разве писатель-рассказчик не должен отличаться от просто рассказчика, как повар на царском балу от простого стряпчего у себя на кухне, у которого через день перегорает яичница? Что толку с того, что это правдоподобно, если это неинтересно (а в нашем случае зачастую и не правдоподобно)? Какой смысл плодить трюизмы, увлекаясь риторикой общих мест, если не чувствуешь в себе силу сказать «необыкновенно об обыкновенном и наоборот»? К чему писать тексты, в которых много нового и много хорошего, только вот беда – хорошее не ново, а в новом нет ничего хорошего? Что толку от той литературы, если читатель после прочтения не продолжает над ней размышлять, или, выражаясь словами того же Паустовского, грош ей цена, если она «не прибавляет к зрению человека хотя бы немного зоркости»...

Строго вот так рассуждать? Тем более о молодой литературе, которая только развивается, которая, как говорят, «на вырост». Наверное, строго (как всякое категоричное утверждение, все это можно оспорить), но по-другому как-то не получается. И все только потому, что хочется, чтобы было лучше. Хочется, чтобы молодой автор, если он решил заняться творчеством, иногда выходил из виртуального мира (а мы там застряли) и побродил чуток в мире реальном. Достал бы с полки томик Чехова, Блока, Шукшина, Бунина, прочитал бы, ну Бог с ним с «Войной и миром», хотя бы томик повестей и рассказов Толстого, вдохнул бы аромат чеченского рассказа в исполнении Мусы Бексултанова, магический реализм романного мира Мусы Ахмадова, образность и неподражаемость лирики Лечи Абдулаева, Апти Бисултанова, Шайхи Арсанукаева... ведь просто оторопь берет, когда читаешь тот скудный, весь из себя шаблонный язык, которым орудуют многие авторы.

Журнал «Вайнах», как зеркало, отображает литературную действительность нашего времени, отражает как есть, без прикрас и ретуши. Журнал сам не создает литературу, не гарантирует читателям Мопассанов, лишь только разделяет с ними радость, когда яркая поэзия и проза появляется на его страницах. Журнал желает своим авторам творческих высот, читателям, чтобы они имели возможность почаще взбираться на эти вершины творческой мысли, и пусть всех нас вместе убережет Аллах от зла и безрассудства, дабы не пришлось нам никогда сетовать на то, что «море оказалось жестоким».

Белый дом в цветущем саду

Премьера драмы «Заза даьккхинчу бешахь кIайн цIа» («Белый дом в цветущем саду») по пьесе народного писателя Чеченской Республики Мусы Ахмадова состоялась 8 февраля в молодежном театре «Серло» под руководством Хавы Ахмадовой.

Актуальная проблематика пьесы – утрачивающиеся семейные ценности – реализуется в «вечной» теме отношений отцов и детей.

Зрителям достоверно представлен чеченский быт. С первых реплик артистов то и дело слышишь мысли вслух рядом сидящих женщин: «Как это узнаваемо!», «Как похоже!» Действительно, драматургу и режиссеру удалось передать основные нюансы взаимоотношений между родителями и детьми, мужем и женой в традиционных чеченских семьях.

Необходимость построить дом, даже не имея на это средств и возможностей, ущемляя в чем-то себя и своих близких, кладя на алтарь будущего в новом доме свое здоровье и годы жизни – одна из особенностей национальной психологии чеченцев – лейтмотив пьесы. Дом здесь символ крепости семьи,

устойчивости ее морально-этических принципов, единства... Но, чтобы построить его, пришлось вырубить яблони в саду. Аллюзия с чеховским «вишневым садом» неизбежна: не получается построить «новое», уничтожив прекрасное «старое». Посаженные с любовью старшим сыном яблони, которые губят ради благополучной жизни детей в каменном доме, становятся символом безвозвратно утерянных ценностей: уважения к родителям, чистоты нравов... Младший сын, став наркоманом, оказывается в тюрьме, попавшись на квартирной краже. Единственная дочь, вопреки воле родителей, отправляется учиться на артистку и, вдохнув воздух внезапной свободы, переступает через границы дозволенного. Мать, не выдержав позора, умирает от сердечного приступа. Старший сын – оплот родителей – уезжает в Россию на шабашку, бежит от себя из чувства вины за смерть матери, т.к. именно он стал гонцом плохих вестей. Отец остается один «у разбитого корыта» – так и не достроенного дома, фундамент которого оказался не столь прочным, как ему казалось.

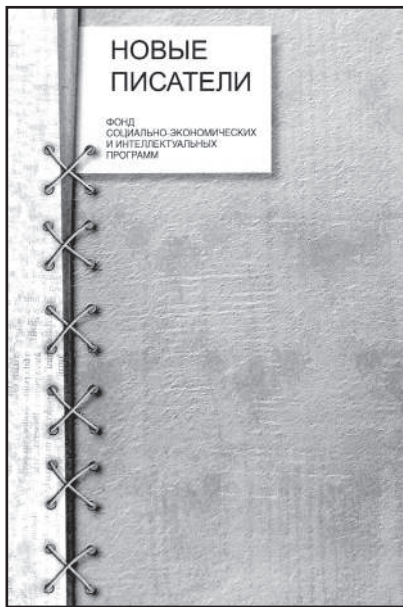
В зале собрались, в основном, старшеклассники грозненских школ и их педагоги. Привыкнув к тому, что современная молодежь достаточно беззаботна и мало воспитана, а также не подготовлена к просмотру неkomедийных

постановок, я с тревогой ожидала неадекватной реакции на происходящее на сцене, ведь спектакль был выстроен на полутонах, артистам необходима была тишина и душевное единение с залом. Но каково же было мое удивление, когда зрители совершенно правильно реагировали на сцены спектакля и реплики героев. В кульминационной сцене смерти матери (ее играет Марха Гайрабекова) артистам и режиссеру удалось не перейти черту, за которой драма перешла бы в мелодраму. Оглянувшись вокруг, обратила внимание на то, что на глазах многих девушек выступили слезы, а у юношей были особенно сосредоточенные, строгие выражения лиц, на которых читалось явное сострадание и сопереживание. В этом и заключается живительная сила искусства, уверена, что никакие лекции о вреде наркотиков, о необходимости почитания старших не произвели бы столь же целительного воздействия на аудиторию, не заставили бы задуматься. Даже финальный монолог отца в исполнении Сулеймана Ахмадова в стиле моралите был выслушан в полной тишине и завершился шквалом аплодисментов.

Необходимо отметить интересные декорации, которые легко конструировались в комнату старого дома и двор, где идет стройка (художник Абу Пашаев). И самое главное – удачный режиссерский дебют Анзора Музаева. Это молодой артист театра «Серло», окончивший актерское отделение филологического факультета Чеченского госуниверситета. Сейчас он является студентом отделения кинорежиссуры Краснодарского института культуры. Театральное искусство республики остро ощущает нехватку профессиональных режиссеров. И это создает препятствие для развития драматургии. Ведь, не видя своих пьес на сцене, драматургу сложно понять, насколько верно он выстроил свое произведение, он не может оценить, состоялось ли оно, и двигаться дальше. Поэтому работа театра «Серло» по привлечению и пестованию молодых талантливых режиссеров – это еще один вклад в культуру Чеченской Республики.

Людия ДОВЛЕТКИРЕЕВА

Книжные новинки**Новые писатели**

В Москве при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках целевой программы «Культура России» в конце прошлого года вышел сборник «Новые писатели». Это издание осуществлено в рамках программы «Молодые писатели России» Фонда социально-экономических и интеллектуальных программ. В него включены лучшие произведения писателей – участников XI Форума молодых писателей России (2011), ежегодно проходящего в подмосковных Липках. Новые авторы демонстрируют собственные взгляды на жизнь и творчество, расширяя таким образом литературное пространство. Подобно прежним выпускам, новый сборник включает в себя все известные литературные жанры, представляя все грани литературного творчества.

Настоящая книга интересна для нас еще и тем, что в нее вошли произведения трех чеченских авторов: Сулимана Мусаева (рассказ «Все будет хорошо»), Саламбека Алиева (под псевдонимом Айдамиров, рассказ «Яха») и Висали Эбиева («Короткие рассказы»). С прозой этих авторов наши читатели уже знакомы по публикациям в журнале «Вайнах».

Роза Межиева

К нашим иллюстрациям**Без пустоты**

В этом номере мы представляем работы молодой художницы Тамары Тайсумовой. Она реализует свои творческие возможности в области современного искусства, к которому мало подготовлен чеченский зритель, да и зритель вообще. Абстрактные формы, необычные сочетания цветов, притягивающие взгляд и словно манящие к постижению неизведанных далей человеческой души и мира, загадочность – так можно охарактеризовать картины Тамары.

Родилась она 4 сентября 1981 г. в с. Старая Сунжа Грозненского района. В 2009 году окончила художественно-графическое отделение факультета искусств ЧГПИ.

Еще будучи студенткой, у Тайсумовой состоялись две персональные выставки – «Зов души» в 2006 году и «Меланхолия» в 2007 году. Помимо них, Тамара активно участвовала во множестве общих выставок. Но вдруг наступил перерыв... Так бывает, вдохновение нахлынет волной и куда-то исчезнет, обрекая художника на муки, поиск, неудовлетворенность и беспокойство. И вот опять долгожданный прилив. Тамара взялась за кисть и начала работать над картинами для интерьера. Результатом стала новая выставка под названием «За чертой».

Картина в интерьере оживляет пространство, делает его одухотворенным и завершенным. Абстракционизм, в направлении которого пишет Тайсумова, располагает автора к экспериментам.

Художница признается: «В голове постоянно блуждают какие-то идеи, эскизы, задумки. Просто рисую, экспериментирую, потому что не могу иначе. Люблю незагруженные, необычные картины. Иногда делаешь одну работу, а получается совсем другая. Я рисую образы, которые рождает во мне музыка, у каждой картины есть своя песня. В моей жизни бывают разные моменты грусти и одиночества, радости и счастья, бесконечности времени и его нехватки. Главное, чтобы не было пустоты».

Так же, как и картины Тамары Тайсумовой, оригинальны и наталкивают на размышления их названия. В этом номере журнала «Вайнах» представлены следующие работы талантливой художницы: 1. «Исправлю тебя», 2. «Играя в кино», 3. «Граница сна», 4. «Искала тебя».

Лидия Махмудова

Сведения об авторах и переводчиках

Башир Тимурзиев (1935). Поэт, прозаик. Пишет на ингушском и русском языках. Родился в селе Базоркино Чечено-Ингушской АССР. Член Союза писателей Ингушетии, России и литературного фонда России. Окончил Ленинградский политехнический институт. Публиковался в республиканской периодической печати Ингушетии. В журналах: «Жизнь национальностей» (Москва), «Вайнах» (Чеченская Республика), «Литературная Ингушетия». Автор книги стихов на ингушском языке «Тешаме доттаг Iи» («Верные друзья»), «Башни ждут нас», «Незапятнанная честь», «Стойкость и выдержка», «Выжить вопреки».

Алвади Шайхиев (1947). Окончил филологический факультет ЧИГПИ в 1970 году. В 1977-79 гг. учился на Высших двухгодичных литературных курсах Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Поэт, писатель, переводчик. Член Союза писателей СССР с марта 1976 года. Публикуется в периодической печати с 1961 года. Первый сборник стихов «Чувство» увидел свет в 1969 году. В разные годы в Грозном и Москве выходили поэтические сборники: «Пламя любви», «Огонь в очаге», «Трава-мурава», «Пульс», «Совесть», «Баши мужества», «Ночные птицы», «Заповедь» и другие. Стихи Алвади Шайхиева печатались в журналах «Молодая гвардия», «Современник», «Звезда», «Дон» и других.

Ахмет Денисултанов (1953). Окончил филологический факультет ЧИГУ. Публикуется с 1984 года. Жанры творчества – поэзия, проза, афористика. Художник. Автор сборника «Афоризмы» (1998), рассказов «Граммфон», «Альма-матер», «Созвездие Мельпомены», «Бригада № 6», опубликованных на страницах журналов «Вайнах», «Нана». Ведет рубрики афоризмов на страницах местных периодических изданий.

Асламбек Даудов (1952). Родился в с. Махкеты Веденского района. В 1982 г. окончил исторический факультет ЧГУ. Работал учителем истории и обществоведения в СШ с. Махкеты. В местной периодике вышло более 200 его статей. В журнале «Вайнах» дебютировал в 2010 г.

Башир Виситаев (1992). Родился в г. Урус-Мартан Чеченской Республики. Там же окончил СОШ № 6. Пишет стихи и прозу со школьного возраста. Студент 2 курса отделения журналистики Института чеченской и общей филологии ЧГУ. Печатался в журнале «Вайнах». Участник V Совещания молодых писателей Северного Кавказа (Махачкала, 2012 г.).

Вахит Акаев (1952). Ученый, доктор философских наук. Родился в г. Ленгер Казахской ССР. В 1973 году окончил физико-математический факультет ЧИГУ. Пишет научные и научно-популярные статьи. В периодической прессе публикуется с 1974 года (в газете «Грозненский рабочий», «Вести республики», «Столица плюс», «Молодежная смена», а также в журналах «Нана», «Вайнах», «Конфликтология» (Санкт-Петербург), «Азия и Африка сегодня», «Кавказское обозрение» и др.) Автор нескольких научных монографий («Шейх Кунта-Хаджи: жизнь и учение», Грозный, 1994 г., «Ислам: социокультурная реальность на Северном Кавказе», Ростов-на-Дону, 2004 г., «Национальная идея чеченцев: от постановки до разработки», Грозный, 2007 г., «Ислам в Чеченской Республике», М., 2008 г. и др.).

Кати Чокаев (1929). Языковед, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Чеченского педагогического института. Участник региональных, всероссийских и международных научных форумов по вопросам истории языка и культуры. Автор более 100 научных работ, в том числе посвященных нахским языкам и фольклору. В республиканской прессе публикуется с 1960-х годов.

Халим Бурчаев (1956). Окончил филологический факультет ЧИГУ в 1980 году. Публикуется в республиканских периодических изданиях с 1977 года. Прозаик, публицист, литературный критик. Является членом Союза писателей России и Союза журналистов России.

Саламбек Алиев (1977). Пишет в жанрах прозы и публицистики. Печатался в журнале «Вайнах», газете «Грозненский рабочий» (ЧР) и в интернет-журнале «Пролог» (Москва), в сборнике «Новые писатели» (Москва, 2012). Участник IV совещания молодых писателей Северного Кавказа (Цей, 2011) и XII форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (Москва, 2012).